

museum 207

международный журнал

ISSN 0255-0881

Музеи при университетах (2)

Адрианов вал: самый длинный музей?

Кунстхаус города Брегенц

museum *Международный журнал*

Ежеквартальный *Международный журнал "Museum"*, посвященный теории и практике музейного дела, издается Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже.

Журнал выходит в Париже на французском и испанском языках, в Оксфорде — на английском, в Каире — на арабском, в Москве — на русском.

№ 207 (№ 1, 2001)

На первой странице обложки

Излучающие свет двери,

Рон Моркрафт,

художник-иллюстратор, создающий цифровые изображения.

© Ron Morecraft/SIS

На третьей странице обложки

Фирма Хлебникова. Прибор для вина. 1873. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Главный редактор: Марсия Лорд

Помошник редактора: Кристин Уилкинсон

Художественный редактор: Кароль Пажо-Фон

Редактор издания на арабском языке: Фавзи Абд эль-Захер

Редактор издания на русском языке: Татьяна Телегина

Консультативный комитет

Манус Бринкман, генеральный секретарь ИКОМ, ex officio

Амаресвар Галла, Австралия

Газель де Гишен, ИККРОМ

Жан-Пьер Моан, Франция

Стелиос Пападополус, Греция

Роланд де Сильва, президент

ИКОМОС, ex officio

Шаже Тшилуйла, Демократическая Республика Конго

Нэнси Хашн, Канада

Томислав Шола, Хорватия

Яни Эрреман, Мексика

Адрес главной редакции:

The Editor, *Museum International*
UNESCO, 7 place de Fontenoy,
75352 Paris 07 SP (France)

Телефон: (33.1) 45 68 43 39

Факс: (33.1) 45 68 55 91

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут сами авторы. Высказанные ими мнения могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО. Встречающиеся в статьях формулировки и определения, которые касаются правового положения государств, территорий, городов и регионов, а также их управления или определения границ между ними, могут не отражать позиции ЮНЕСКО по затрагиваемым проблемам.

Выпуск журнала на русском языке осуществляет Некоммерческое партнерство «Издательская фирма «ЮниПринт» при содействии Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО

Некоммерческое партнерство «Издательская фирма «ЮниПринт»/ UNESCO Publishing

Генеральный директор
Некоммерческого партнерства
«Издательская фирма «ЮниПринт»:
Ирина Уткина

Редактор русского издания:
Татьяна Телегина

Художественное и техническое
редактирование: Ирина Цалкина

© ЮНЕСКО, 2000

© Перевод на русский язык
Некоммерческое партнерство
«Издательская фирма «ЮниПринт»,
2001

Напечатано в Российской
Федерации

Адрес русской редакции:
119992, Москва, ГСП-2,
Зубовский бульвар, 17
Телефон/факс: 247 17 94

“Museum”. *Международный журнал*
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № 77-5853 от 15.12.2000

Отпечатано в ООО «ЭОЛАНТЭК»
Лицензия ПД № 00116.
Адрес: 117420, Москва,
ул. Профсоюзная, 78.

Уважаемый читатель!

Если Вы живете или работаете в Москве, Вы можете приобрести *Международный журнал "Museum"* в книжном магазине «Человек читающий» по адресу: 119992, ГСП-2, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Русская редакция *Международного журнала "Museum"*

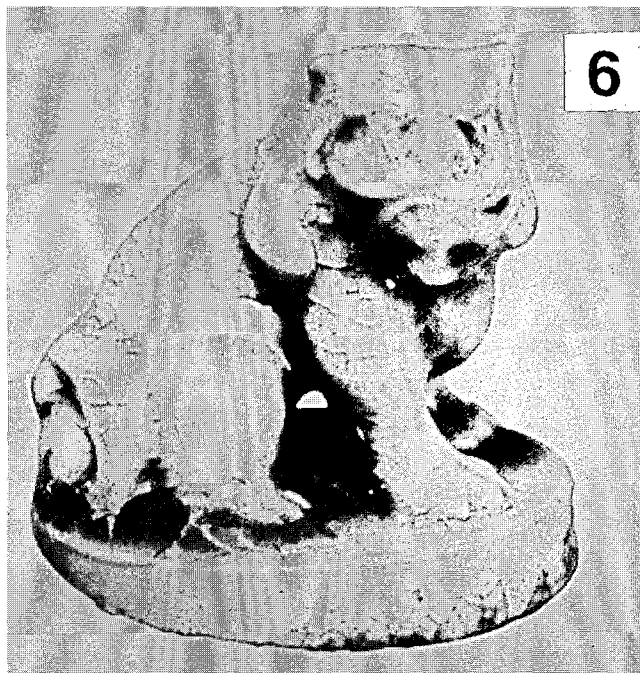
<i>От редакции</i>	3	
--------------------	---	--

<i>Досье: Музеи при университетах (2)</i>	4	Университетские коллекции и музеи на Филиппинах <i>Ана П. Лабрадор</i>
	10	“Развивать чувство кризиса”: новый взгляд на университетские коллекции в Великобритании <i>Кейт Арнолд-Форстер</i>
	15	По пути к переменам: музеи естественной истории при американских университетах <i>Питер Б. Тиррелл</i>
	21	Университетские собрания в Аотеароа — Новой Зеландии: живое прошлое, неопределенное будущее <i>Невилл Хадсон, Джейн Леггет</i>
	27	Музеи при японских университетах в переходный период <i>Тацуфуми Киносита, Рё Ясуи</i>
	32	От кампуса к городу: университетские музеи в Австралии <i>Сью-Энн Уоллис</i>
	38	Университет и универсальность в Бельгии <i>Бернар ван ден Дрисше</i>
	45	“Форум ЮНЕСКО — университет и наследие” <i>Джонатан Белл</i>

<i>Профиль</i>	49	Управление музеем длиной в 120 километров <i>Артур Жиллет</i>
----------------	----	---

<i>Архитектура</i>	55	К новому видению музея: Кунстхаус города Брегенц <i>Михаил Молдовеану</i>
--------------------	----	---

<i>Рубрики</i>	61	Форум мнений
----------------	----	--------------

УКРАДЕНО

*Похищена печать из селадона в форме льва начала XII века. Размеры: высота 6,8 см, диаметр 6,3 см.
Эта печать была в числе 12 предметов из корейской керамики, украденных из музея в Киото (Япония) 13 ноября
1998 года. (Reference J-NCB/C-287/99/99-238/3OK Interpol Tokyo.)*

Photo by courtesy of the ICPO-Interpol General Secretariat, Lyons (France).

В этом, втором, выпуске *Международного журнала "Museum"*, посвященном музеям при университетах, мы продолжаем рассматривать эти учреждения во всем их разнообразии и своеобразии. (При знакомстве с предметным указателем по университетским музеям на Web-сайте Университета Витватерсранда в Южной Африке (<http://sunsite.wits.ac.za/mus>) можно встретить следующие категории музеев: антропологические, классической древности, археологические, художественные, ботанические, биологических наук, античной филологии, истории культуры, наук о Земле, энтомологические, этнологические, геологические, наук о здоровье, исторические, истории медицины, минералогические, музыкальные, естественной истории, нумизматические, палеонтологические, фотографии, физические, политические, научно-технические, социологические, памятных вещей, связанных с университетами, письменности и зоологии.) Несмотря на видимое многообразие этих учреждений, для них характерна одна особенность, которая роднит их: они являются неотъемлемой частью других учреждений, которые переживают период самокритического анализа своей деятельности и переоценки ценностей, имеющий далеко идущие последствия, — университетов. Важные задачи, решаемые этими учреждениями, имеют непосредственное отношение к музеям, которыми они владеют и которые финансируют. Поэтому представляется уместным рассмотреть их перспективы на будущее.

Тема высшего образования получила достойное освещение в докладе, подготовленном Международной комиссией ЮНЕСКО по XXI веку¹, в котором были подняты новые проблемы. Работа комиссии проходила под руководством ее председателя Жака Делора, бывшего президента Европейской комиссии, и при участии четырнадцати выдающихся деятелей со всего мира. Многие из ее проницательных выводов проливают свет на новую роль университетских музеев и дают представление о стоящих перед ними трудностях.

Высшее образование одновременно является как одной из движущих сил экономического развития общества, так и основным средством распространения в нем знаний. Высшие учебные заведения накапливают, хранят и производят знания. Более того, они служат важным инструментом для передачи опыта в области культуры и науки, накопленного человечеством. Значение высшего образования и высших учебных заведений будет только возрастать в мире, где роль связанных со знаниями ресурсов будет во все большей степени преобладать над ролью материальных ресурсов как факторов развития. В условиях появления все новых новшеств и научно-технического прогресса в экономике будет расти спрос на высококвалифицированных специалистов, которых может дать только система высшего образования...

Социальное давление и специфические требования рынка труда способствовали необычайно высокой диверсификации учебных заведений и курсов обучения... Университеты более не обладают монополией на высшее образование. В самом деле, государственные системы высшего образования стали настолько разнообразными и сложными с точки зрения их структуры, программ обучения, контингента учащихся и финансирования, что теперь их трудно классифицировать...²

Именно университеты являются носителями всех традиционных функций, которые связаны с развитием и передачей знаний: исследованиями, нововведениями, преподаванием и обучением, а также непрерывным образованием. К ним можно добавить еще одну функцию, значение которой растет в последние годы, — международное сотрудничество.

Все эти функции могут содействовать устойчивому развитию. Университеты, как независимые центры исследований и производства знаний, способны решать некоторые из связанных с развитием проблем, стоящих перед обществом. Сегодня в них обучаются будущие ведущие ученые, известные политики, руководители компаний, а также многие преподаватели. Университеты могут исполнить свою социальную роль, используя свою независимость в целях обсуждения важных этических и научных проблем завтрашнего дня. Они могут способствовать установлению связей между остальными учебными заведениями системы образования, создавая дополнительные возможности для обучения взрослых и выступаая в качестве центров изучения, обогащения и сохранения культуры. От высших учебных заведений все чаще требуют решения социальных проблем, при этом важные особенности университетов, которыми они так дорожат, их академическая свобода и институциональная свобода постоянно находятся в центре внимания общества. Эти особенности, хоть и не служат гарантией их совершенства и превосходства перед другими учреждениями, являются необходимой предпосылкой для этого...

Таким образом, каждый человек должен иметь более или менее прямой доступ к системе высшего образования, чтобы получить возможность приобщиться к общему наследию знаний и результатам последних научных исследований. Университет должен принять на себя моральные обязательства перед обществом в обмен на ресурсы, которые оно предоставляет ему...

Задача университета заключается не только в том, чтобы готовить многочисленных отряды будущих исследователей или представителей особых профессий. Они должны сохранить за собой роль живительных источников, у которых все больше людей, видящих смысл своей жизни в удовлетворении собственной любознательности, могут утолить жажду знаний. В данном случае культура должна трактоваться в самом широком смысле и включать всю совокупность знаний — от математики до поэзии, — созданных представителями всевозможных взглядов, мнений, убеждений, но наделенных творческим воображением.

Комиссия в своем докладе пришла к выводу, что университеты с честью выполняют такие ключевые функции, как подготовка студентов к исследовательской и преподавательской деятельности, обеспечение высокоспециализированных курсов обучения, создание возможностей для непрерывного образования в течение всей жизни. Далее в нем утверждается, что университет осуществляет «своего рода интеллектуальное право, которое ему необходимо отражать в своей деятельности, в полной мере осознавать и использовать на практике». Если подходить к университетским музеям в свете вышеизложенного, то не остается никаких сомнений относительно их предназначения и неоспоримости стоящих перед ними задач.

М.Л.

Примечания

1. *Learning: The Treasure Within*, Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century, Paris, UNESCO, 1996.
2. *Policy Paper for Change and Development in Higher Education*, Paris, UNESCO, 1995 (UNESCO doc. ED.94/WS/30).

Университетские коллекции и музеи на Филиппинах

Ана П. Лабрадор
(Ana P. Labrador)

“Для старых и новых музеев Филиппин наступает судный период; это касается как музеев в целом, так и университетских музеев в частности”. Именно с учетом этого рассказывает о развитии и вновь возросшем значении университетских музеев на Филиппинах. Автор статьи является доцентом искусствоведения в Университете Филиппин в Дилимане. Она — специалист в области музейных исследований, а также теории и эстетики незападного искусства. Имеет степень доктора философии в области социальной антропологии, полученную в Кембриджском университете (Великобритания). Ее исследовательская деятельность в основном сосредоточена на музеологии и изучении материальной культуры. Недавно она опубликовала статьи в журналах Humanities Research, ArtAsia Pacific Journal и Cambridge Anthropology.

Большинство университетских музеев на Филиппинах было создано на основе учебных коллекций, например содержавших ботанические и зоологические образцы. Все такие коллекции, которые, как утверждалось, были собраны в XIX веке, за исключением одной, были утрачены. Современные университетские музеи были учреждены главным образом в 60-х годах XX века. Это был период быстрого развития учебных заведений и специализации академических дисциплин. В большинстве случаев основная часть коллекций была подарена преподавателями и студентами, которые собирали их, работая в экспедициях или занимаясь частным коллекционированием. Данная практика отличается от путей формирования других музейных собраний, которые были составлены благодаря дарам богатых покровителей. Таким образом, предметы в университетских музеях приобрели сентиментальную ценность, благодаря которой они возросли в цене в том смысле, что это заставило музеи выживать и продолжать свою работу. Однако основанный на эмоциях стимул не всегда подкрепляется финансовой и политической поддержкой, необходимой для их содержания. Постепенно эти коллекции утратили свое значение как инструменты, дополняющие учебный процесс. В результате они лишились должного присмотра, оказались в руках некомпетентных людей или даже были разворованы.

Все, что осталось от университетских музеев на Филиппинах, теперь представлено национальными и несколькими частными музеями, различающимися своими размерами и значимостью. Последние характеристики определяют главным образом тем местом, которое музеи занимают в жизни университета, и контекстом, в рамках которого тот или иной национальный музей стал незаменимым в определении национальной самобытности¹. Кроме того, университетские музеи, как правило, хранят коллекции, которые скорее отождествля-

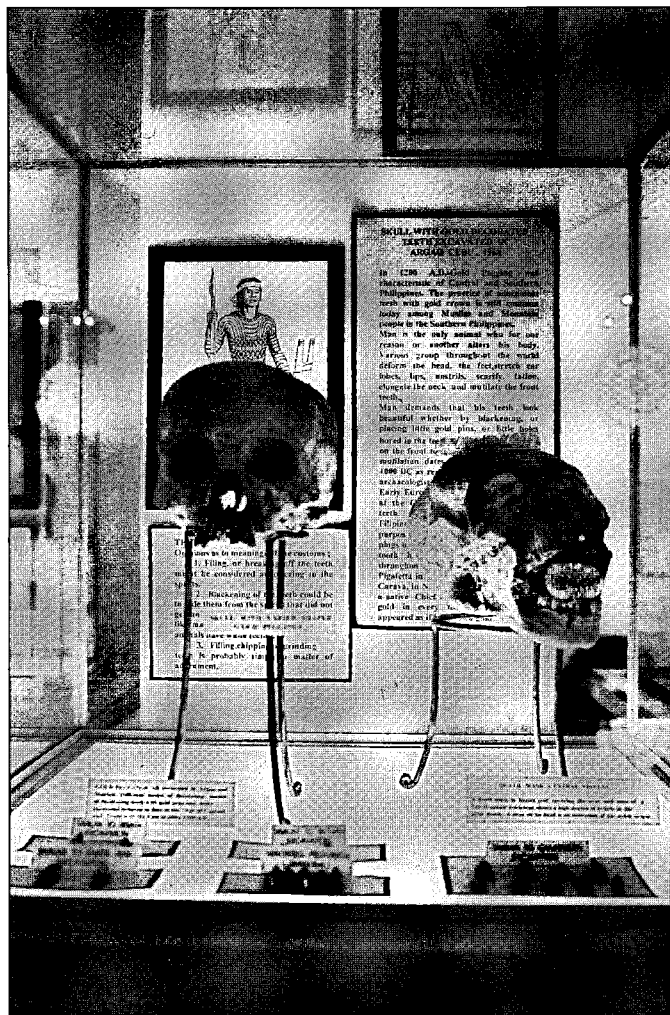
ются с конкретной областью академических знаний, чем воспринимаются как источник визуальной и материальной информации, предназначенной для самой широкой публики. По этой причине методы экспонирования предметов никак не способствуют разъяснению и передаче заключенного в них смысла. В данной статье я попытаюсь разобраться в причинах нынешней тенденции на развитие и обеспечение выживаемости университетских музеев, несмотря на очевидные проблемы, связанные с их актуальностью и финансированием. Я также надеюсь предложить возможные стратегии с учетом действительной роли музеев, которую они играют в университетской системе, и не совсем благополучного положения дел, которое сложилось в деятельности музеев на Филиппинах. Считается, что музеи при университетах стали возникать на Филиппинах в период испанского колониального господства. Сотрудники некоторых музеев утверждают, что музеи берут свое начало с Муниципального атenea и Университета Санто-Томас (УСТ), когда они еще располагались на территории Интрамурос — бывшей испанской крепости.

Музей искусств и наук при Университете Санто-Томас возник из коллекции, которая была специально сформирована в 1871 году для ее использования при обучении медицине. В качестве физического кабинета (Gabinete de Física) коллекция удовлетворяла всем требованиям для создания медицинского факультета², поскольку содержала ископаемые остатки и чучела животных, наличие которых считалось обязательным для изучения университетских курсов по естественным наукам. Постепенно коллекция расширялась и пополнялась предметами религиозного назначения, этнографическими предметами, памятными вещами исторического характера и произведениями искусства. Ее комплектование более не ограничивалось схоластическими пред-рассудками предшествующих лет. Так

в конечном счете и сложился Музей УСТ, экспозиции которого прежде всего открыты для его студентов.

В 1940 году музей переехал в помещение, которое он занимает и по сей день, соседствуя с руководством университета, аспирантурой, библиотекой и естественнонаучными факультетами. Он занимает огромное помещение для собраний, которое некогда вмещало до 5 тыс. человек. Однако коллекция разрослась настолько, что в общем-то обширное музейное пространство теперь до отказа забито витринами и экспонатами. С 1988 года в музее ведется крупная реконструкция, призванная сделать его более приспособленным для хранения и экспонирования коллекций, а также для размещения музейных служб. Среди других университетских музеев страны Музей УСТ также выделяется тем, что он издает свой бюллетень, а также публикует отдельные статьи в сотрудничестве с другими факультетами.

Формирование коллекции Музея УСТ происходило под влиянием господствовавшей в то время викторианской философии эпохи Просвещения, которая стала постепенно разрушаться с колонизацией Филиппин Соединенными Штатами в начале XX века. Предметы, которые использовались в качестве наглядных пособий на занятиях, и музеи при университетах утратили свое значение, уступив первенство специально собиравшимся предметам, которым отводилась особая роль в определении колониальных программ, а позднее — и национальной самобытности. Начало этому процессу было положено в 1901 году с созданием Островного музея этнологии, естественной истории и торговли. Музей, учрежденный в рамках осуществлявшихся на колониальной территории проектов, дополнял работу Управления по вопросам этнологического контроля. Последнее возглавлялось главным образом американскими антропологами, которые составляли описи и отбирали пред-

Фотография предоставлена автором

Череп, найденные при раскопках в Аргао на острове Себу, в экспозиции Музея Юго-Западного университета в городе Себу.

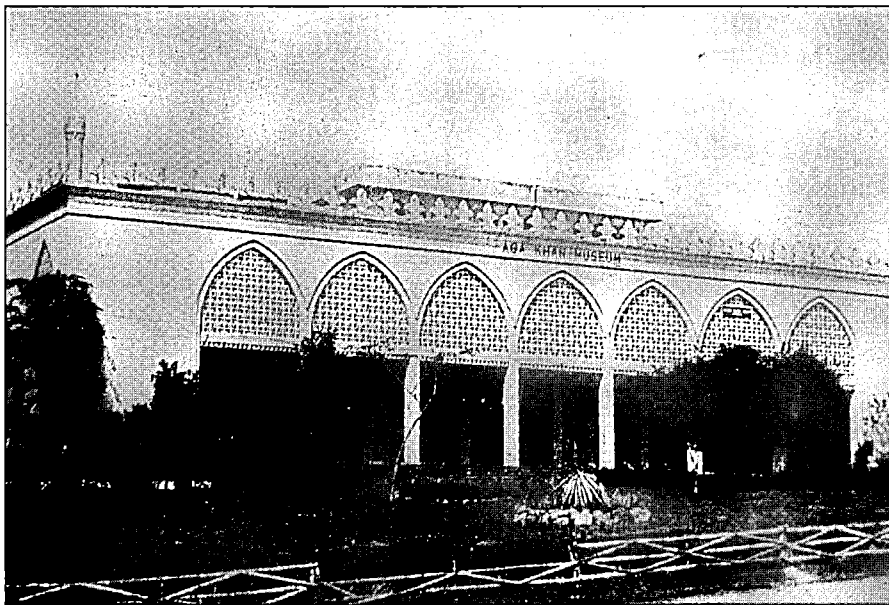
меты и представителей “нехристианских племен” Филиппин. Репрезентативные предметы и даже отдельные члены таких племен были отправлены в Соединенные Штаты для их экспонирования на выставке в Сент-Луисе 1904 года. Последующий процесс возвращения предметов с Всемирной выставки навел колониальные власти на мысль о переименовании музея в Филиппинский музей. В 1928 году он стал Национальным музеем, который в основном состоял из отделов этнологии, естественных наук, изящных искусств и истории. В этом смысле тип и классификация его коллекций определялись методами организации университетских музеев.

Университетский музей в качестве модели

Музеи, созданные на базе университетов, послужили моделями для многих национальных университетов ранее колонизованных стран, поскольку первые предшествовали вторым. Однако разница между ними заклю-

чается в целях их создания: национальные музеи призваны главным образом определять идеологические структуры государства и национальное самосознание, в то время как деятельность университетских музеев сосредоточена на образовании и на формировании концепции образования с точки зрения конкретного университета. В результате изменения социальной роли музеев на Филиппинах музеи при университетах постепенно утрачивают свое значение, хотя музеи в целом стали неотъемлемой частью проектов по строительству национального государства.

В рамках музейных систем существуют условные категории для классификации музеев по типу основной коллекции (например, художественные, этнографические или дизайнерского искусства музеи). Они были разработаны в результате профессиональной и экономической специализации, которая складывалась на протяжении всей истории музеев и их практической деятельности³. Предметы, классифицируемые как есте-

Музей Ага-хана Минданаоского государственного университета (Марави-Сити, Минданао).

ественноисторические и этнографические, составляют большую часть коллекций большинства университетских музеев на Филиппинах, возникших в XX веке. Они в свою очередь послужили моделями для классификации коллекций в Национальном музее Филиппин. Последний определил собирательскую деятельность в других музеях, устанавливая таким образом связь с академической деятельностью в университетах.

Коллекционирование предметов в рамках проектов по формированию национального самосознания не является приоритетной задачей университетских музеев, поскольку основное внимание они, как правило, уделяют исследовательской работе. Хотя большинство университетских музеев на Филиппинах содержат главным образом этнографические, естественноисторические и религиозные артефакты, есть также музеи, которые стремятся собирать образцы материальной культуры, представляющей другие академические дисциплины. Все еще открытым остается вопрос о том, смогут ли музеи общего профиля вытеснить специализированные музеи, хотя такая тенденция наблюдается. Возможно, долгосрочное существование музея определяется не категорией, к которой он принадлежит, а тем, как он содержится и обслуживается, а это в свою очередь зависит от дальновидности музейного руководства, продуманной музеевской политики и финансовой поддержки. Участие музейного сообщества в судьбе университетских музеев может также служить гарантией их долгой жизни. Далее я предлагаю рассмотреть три специализированных

музея при университетах и убедиться, действительно ли упомянутые мною элементы способствуют их успешной работе и станет ли фатальным для них их отсутствие.

Старейшим музеем такого типа, созданным в XX столетии, является Музей этнографии и археологии. Он принадлежит факультету антропологии Государственного университета Филиппин. В соответствии с классификацией, разработанной обучающимися в США специалистами по культурной антропологии, номенклатура этнографических и археологических предметов была впоследствии расширена. Отныне они стали включать человеческие останки, изучением которых занималась физическая антропология. Основная часть этих коллекций была составлена благодаря личным приобретениям д-ра Х. Отли Бейера, который был организатором факультета антропологии и его первым руководителем.

Музейная коллекция постепенно росла стараниями студентов, которые пополняли ее находками по возвращении из археологических экспедиций. Несмотря на удачное начало и видимое благополучие, Музей антропологии при Университете Филиппин (как он теперь называется) столкнулся с неприятностями сразу после его перевода в 1949 году из старого университетского городка в центре Манилы в Здание искусств и наук на территории кампуса в Кесон-Сити, пригорода Манилы. Отчасти это послужило причиной отставки Бейера в 1954 году. После его смерти, последовавшей через 12 лет, музей утратил большую часть своей коллекции, которую его наследники решили распродать. Очевидно, условия завещания коллекции Бейера университету не были четко определены и оговорены.

Отсутствие четкого и продуманного разграничения административной ответственности среди руководства факультета антропологии также способствовало умиранию музея. После-

дующие руководители факультета поначалу демонстрировали заметную заинтересованность в музее и пополнили его коллекцию, однако очень скоро их вниманием завладели университетские программы по подготовке кандидатов на получение ученых степеней и исследовательские проекты. Снижение их интереса к изучению антропологии на базе музея объяснялось развитием академической антропологии как научной дисциплины. Предметы постепенно утрачивали свое значение как инструменты анализа в антропологии, и, возможно, именно это стало причиной отставания музейной антропологии от родственной академической дисциплины⁴. Однако решающую роль в угасании Музея антропологии Университета Филиппин сыграло отсутствие его финансовой поддержки и политической воли. На момент написания статьи он был все еще закрыт, хотя ведется работа по его организационной реструктуризации и физическому возрождению.

Складывается впечатление, что проблемы, над решением которых бьется Музей антропологии Университета Филиппин, обошли стороной другие этнографические музеи. Например, Музей искусств и культуры частного Университета Сент-Луис в высокогорном городе Багио начинался с коллекции, которая была собрана для чтения курса по антропологии в 1969 году. Коллекция пополнялась также усилиями студентов, которые не посещали этот курс, включая членов студенческого совета и федерации студентов, представляющих коренные народности и племена, например бенгет, ифугао, бонтоки, апайао и калинга (ВІВАК)⁵. Были четко определены условия, на которых Музей искусств и культуры Университета Сент-Луис получал пожертвования и дары. Это в немалой степени способствовало укреплению его положения. Благодаря этому коллекция быстро росла, однако зоны, отведенные в библиотеке для ее постоянного размещения и экспонирования,

уже не могли вмещать всех желающих познакомиться с ней, в том числе в исследовательских целях, так как поток студентов и других посетителей не ослабевал.

Аналогичная ситуация сложилась и в государственном Музее Ага-хана. Это один из немногочисленных университетских музеев, который размещается в специально построенном для него здании. Оно было возведено в кампусе государственного Минданаоского университета в Марави-Сити на острове Минданао. Оно представляет собой двухуровневую структуру, фасад которого выполнен в характерном мавританском стиле. Музей был назван в честь Ага-хана IV Карима, имама исмаилитов, который после своего посещения университета в 1963 году пожертвовал ему значительные денежные средства⁶. На первом этаже размещается этнографическая коллекция предметов, которые принадлежали главным образом представителям коренных народностей и племен. Естественнаучная коллекция занимает верхний этаж, пространство которого поделено между лабораторией, экспозицией и хранилищем.

Музей Ага-хана также выделяется среди других университетских музеев тем, что он имеет собственных хранителей и штат сотрудников, которые занимаются коллекциями. Хранители являются преимущественно экспертами в той области, с которой связана коллекция, и они имеют определенную музееведческую подготовку. Кроме того, музей осуществляет программы кратко- и долгосрочного развития, в соответствии с которыми была создана и функционирует лаборатория по консервации и читаются лекции с демонстрацией предметов из музейных коллекций, что значительно повышает посещаемость музея. В целом Музей Ага-хана выглядит более преуспевающим в тех областях, в которых его собратья оказались в аутсайдерах. Этому способствует умелое сочетание знаний в

области музейного менеджмента с дальновидной политикой развития музея и сметливостью в финансовых вопросах.

Первоочередное внимание — профессиональным навыкам

В настоящее время университетские музеи стремятся восстановить свои традиционные функции и вникнуть в нынешнюю роль музеев. Повышенное внимание руководящих органов к музеям свидетельствует, в частности, о возрастающем значении музеев при университетах. Помимо открытия Музея Юго-Западного университета на острове Себу, претворяются в жизнь планы по созданию двух новых медицинских музеев на базе университетских клиник на острове Лусон.

Более того, распространение через национальные ассоциации музеев Кодекса профессиональной этики, составленного Международным советом музеев (ИКОМ), способствовало пониманию того, насколько важна высокая квалификация персонала. Несмотря на отсутствие в настоящее время систем самоконтроля и отчетности среди музейного персонала, растет спрос на краткосрочные курсы обучения, интернатуры и программы подготовки кандидатов на получение ученых степеней. Отчасти это диктуется требованиями, которые предъявляются к государственным служащим в общем и сотрудникам государственных музеев в частности и побуждают выпускников университетов к получению ученых степеней выше степени бакалавра, что позволит им в будущем занимать руководящие должности. Кроме того, необходимость подготовки в области музейного дела предусмотрена Кодексом законов о местных органах власти 1991 года, в которых оговаривается создание провинциальных, муниципальных и городских советов по культуре. Благодаря членству Филиппин в ИКОМ и участию их предста-

Сошествие Святого Духа. Барельеф на дереве из Дагупана (Пангасинан). Из коллекции Музея искусств и науки Университета Санто-Томас (Манила).

вителей в региональной встрече его Комитета по Азиатско-Тихоокеанскому региону (АСПАК), проходившей в Маниле в 1997 году, растет число сотрудников, которые направляются для работы в зарубежных музеях.

Все эти обстоятельства были учтены при разработке в Университете Филиппин программы подготовки кандидатов на получение междисциплинарной степени магистра искусств в области художественных исследований, при этом основной акцент будет сделан на музейных исследованиях. После пяти лет обсуждения этого вопроса степень была учреждена в 1998 году; она присуждается факультетом художественных исследований. Междисциплинарный характер присуждаемой степени отражает активное сотрудничество факультета с другими факультетами, на которых читаются учебные курсы, связанные с музейным сектором и культурной деятельностью. Они посвящены вопросам антропологии, изобразительных искусств, педагогики и управления государственными органами.

Сотрудников как государственных, так и частных музеев также привлекают осуществляемые на базе университетов программы, которые не дают права на получение ученой степени. Возможно, это объясняется престижностью университетских программ, которые имеют преимущество перед ускоренными курсами подготовки, финансируемыми национальными ассоциациями музеев или культурными организациями. Например, руководитель музея при Университете Санто-Томас предложил план по учреждению диплома с присуждением ученой степени выше степени бакалавра в области музеологии. Эта программа подчеркивает и оправдывает необходимость поддержания университетских коллекций, что в свою очередь напоминает об изначальном предназначении музеев — собирать предметы. Правда, теперь, в отличие от прошлых лет, эти коллекции будут представлены в междисциплинарном контексте и более не будут удовлетворять особые интересы немногочисленных специалистов. В результате этого пришлось создавать новое окружение для предметов, что в свою очередь способствует совершенствованию ухода за ними и доступа к ним.

“Музей — это отличная идея”

Философия, которой руководствуются многие современные университетские музеи на Филиппинах при определении ими характера своих коллекций и методов работы с ними, основывалась на том простом понятии, что учреждение музея является отличной идеей. Кропотливо собиравшиеся и тщательно документировавшиеся предметы играли роль практических средств обучения, а также отражали научные интересы ведущих представителей профессорско-преподавательского состава факультетов и их студентов. Однако этого недостаточно для обеспечения ежедневного нормального функционирования музеев и должного содержания их коллекций.

Наступил период подведения итогов для старых и новых филиппинских музеев в общем и университетских музеев в частности. Толчком к активному созданию или возрождению музеев при университетах послужило недавнее празднование столетия независимости Филиппин от испанского колониального господства. Особую гордость филиппинцев вызвало не только выделение учреждениям культуры денежных средств из государственных и частных источников, но и осуществление специальных программ, приуроченных к торжествам. Музеи вновь оказались в центре всеобщего внимания как хранители материальной культуры, и университетские музеи, вновь почувствовав свою значимость, были вынуждены задуматься над своими нынешними и будущими функциями.

Учитывая спрос на квалифицированный персонал как в самих университетах, так и за их пределами, участники программы музейных исследований, осуществляемой в Университете Филиппин, не ограничивают свою деятельность занятиями по программе для аспирантов и стремятся передавать свои опыт и знания как можно более широкому кругу заинтересованных в этом лиц. Они также разрабатывают методы, направленные на совершенствование ухода за университетскими коллекциями и управления ими. Все эти коллекции размещены в восьми кампусах по всей стране и нуждаются в должном документировании, хотя в 80-х годах была составлена их опись. Следует отметить также малочисленность программ, содействующих активному использованию предметов из этих коллекций для показа их междисциплинарного и мультикультурного характера.

На момент написания данной статьи стало известно о том, что на октябрь 1999 года запланировано проведение первого заседания с привлечением всех учреждений системы Университета Филиппин по вопросам музей-

ных исследований и деятельности музеев. В нем примут участие представители профессорско-преподавательского состава, которые читают учебные курсы по музеям, а также лица, отвечающие за работу музея в рамках университетской системы. На это заседание также были приглашены коллеги из других учебных заведений, планирующие создать собственный музей или подготовить курс лекций. Основной причиной для проведения этого мероприятия послужило учреждение ученой степени в области музейных исследований для выпускников университетов. Однако члены комитета по подготовке соответствующего курса обучения сочли неуместным призывать всех желающих к совершенствованию профессиональных навыков, в то время как университетские коллекции разрушаются в результате плохого управления ими и отсутствия последовательной политики.

Основная цель заседания заключалась в обмене стратегиями в области преподавания связанных с музеями курсов студентам и выпускникам университета. Его участников также волновал вопрос о должном уходе за университетскими коллекциями и надлежащем содержании музеев и других зданий, где они хранятся. На заседании предполагается представить анализ конкретных случаев, разбор используемых методологий и провести несколько занятий по практической подготовке.

К концу заседания будут разработаны и представлены на его рассмотрение проекты резолюций. Планируется также выдвинуть новых кандидатов в члены ИКОМ, принять Международный кодекс профессиональной этики ИКОМ и создать административный совет университета, который будет заниматься исключительно музеями. Он будет отвечать за содержание существующих коллекций, обеспечение надлежащего ухода за ними и разработку четких инструкций, касающихся приобретения но-

вых предметов, предоставления экспонатов на временное хранение и дарения предметов из будущих коллекций. Возможно, участники этого мероприятия примут решение собраться еще раз. Более того, отдельные выдержки из протоколов заседания будут включены в готовящееся к публикации руководство. Они будут содержать информацию о методах преподавания курсов по музейному делу и использования университетских коллекций в качестве учебных пособий. Хотя организаторы заседания рассматривают его проведение в качестве одной из стратегий своей деятельности в данной области, они воспринимают его как неотъемлемую часть процесса по спасению университетских музеев с их коллекциями от ошибок и промахов их нынешних горе-руководителей. ■

Примечания

1. F.E.S. Kaplan (ed.), *Museums and the Making of 'Ourselves'*, London, Leicester University Press, 1994.
2. R.T. Jose, *A Guidebook to the Museums of Metro Manila*, Manila, Presidential Commission on Culture and the Arts, 1988.
3. R. Lumley (ed.), *The Museum Time-Machine: Putting Cultures on Display*, London, Routledge, 1988.
4. B. Durrans, 'The Future of the Other: Changing Cultures on Display in Ethnographic Museums', in Lumley op. Cit.
5. E. Zerrudo, *A Guidebook to the Museums of Northern Luzon*, Manila, National Commission on Culture and the Arts, 1996.
6. F.R. Demetrio, *A Guidebook to the Museums of Mindanao*, Manila, Presidential Commission on Culture and the Arts, 1991.

“Развивать чувство кризиса”: новый взгляд на университетские коллекции в Великобритании

Кейт Арнолд-Форстер
(Kate Arnold-Forster)

Во всем мире растет озабоченность вопросами должного ухода и обращения с богатейшими собраниями некоторых университетских музеев. Это послужило поводом для проведения по всей Великобритании обзора таких коллекций и выработки новой важной концепции по данной проблеме. Кейт Арнолд-Форстер, в прошлом профессиональный хранитель, в настоящее время является музейным консультантом. Она специализируется на проведении связанных с коллекциями исследований и их обзоров и на решении стратегических вопросов. Она участвовала в пяти региональных обзорах коллекций, принадлежащих высшим учебным заведениям Великобритании, в составе музейных служб Лондона, Северной Англии, Юго-Западной Англии, Центральных графств Англии и Юго-Восточной Англии (западный регион). К числу других исследовательских проектов, осуществленных ею в последнее время, относятся обзор музыкальных музеев Великобритании (Museums of Music, HMSO/MGC, 1993) и анализ сотрудничества в музейном секторе (Collaboration Between Museums, MGC, 1998). Она состоит членом Комиссии по регистрации музеев при Комиссии музеев и галерей (МГК) и членом Ассоциации музеев.

История возникновения музеев в Великобритании тесно связана с ее университетами. Общеизвестно, что Музей Ашмола при Оксфордском университете является старейшим публичным музеем страны и, возможно, мира. Впервые он открыл свои двери в 1683 году. Тогда он занимал здание, в котором сегодня размещается Музей истории науки. Коллекции, которые послужили основой для его создания (включая собрание натуралиста Дж. Трейдсканта), были подарены университету Элайасом Ашмолом в 1677 году. Однако и до XVII века университеты и колледжи получали в дар кабинетные коллекции, предметы антиквариата, монеты и памятники древности. Впоследствии формирование систематизированных коллекций, относившихся к конкретным научным дисциплинам, заложило основу для создания ряда крупных университетских музеев, которые выполняли учебную и исследовательскую функции. К их числу относятся Музей Седжвика (основан в 1727 году) Кембриджского университета, Хантеровский музей при Университете Глазго (1807), Манчестерский музей (1888), а также многочисленные менее значительные собрания, принадлежащие отдельным факультетам. Так университеты Великобритании приняли на себя заботу о крупнейших музеях страны, а возможно, и мира. Им известно все, что волновало и интересовало их ученых, коллекционеров и преподавателей, как происходило накопление основных учебных материалов на протяжении многих поколений.

Однако за последние 20 лет растет озабоченность тем, в каких условиях содержатся университетские музеи и коллекции (в Великобритании их называют Музеи, галереи и коллекции системы высшего образования, или ХЕМГК), из каких источников они финансируются, как обеспечивается их безопасность и какое их ждет будущее. Для решения этих проблем в 1987 году была создана Группа университетских музеев, призванная “по-

высить статус и эффективность университетских музеев”, а также “содействовать определению и каталогизации университетских коллекций”. Это единственная национальная организация, которая всецело занимается тем, что отстаивает интересы ХЕМГК. Последние изменения, внесенные в ее устав, позволяют расширить состав ее членов, которыми отныне могут становиться отдельные лица, работающие с ХЕМГК или проявляющие интерес к ее деятельности. Таким же многолетним активным сторонником университетских музеев и консультантом по всем связанным с ними проблемам была Комиссия музеев и галерей (МГК), консультативный орган правительства по вопросам музеев, на смену которой в 2000 году должен был прийти Совет по делам музеев, библиотек и архивов (МЛАК). Именно она способствовала разработке и финансированию программы региональных обзоров ХЕМГК и оказывала поддержку усилиям по более полному изучению условий, в которых находятся эти коллекции.

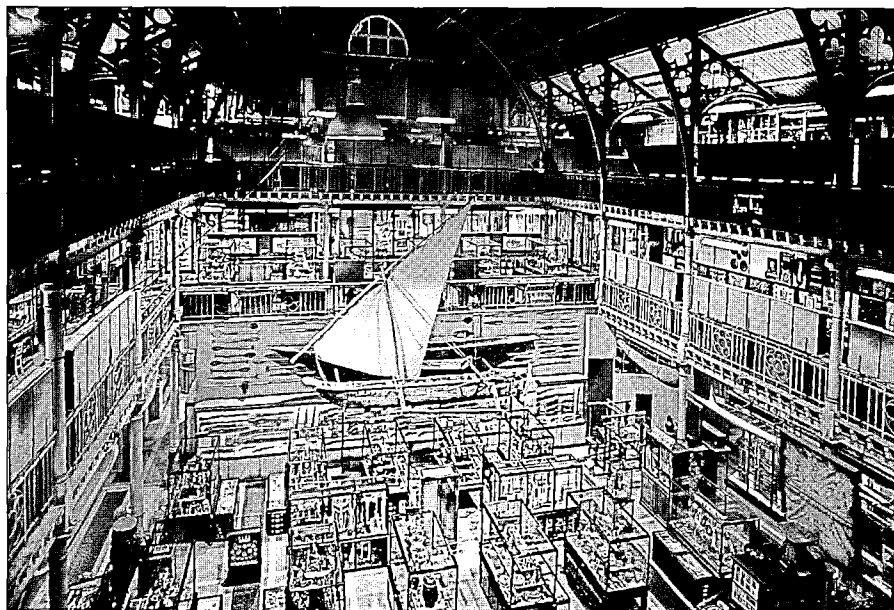
В Великобритании существуют различные схемы руководства музеями, галереями и коллекциями системы высшего образования. В некоторых случаях они выделяются в отдельные учреждения, но могут также существовать на базе школы, кафедры или факультета. Совсем недавно ряд высших учебных заведений предпринял шаги по отделению музеев и коллекций от факультетов и по их переводу под опеку университетских служб по материально-техническому обеспечению или даже отделов по связям с общественностью и маркетингу.

Только крупные университетские музеи, относящиеся к ХЕМГК, регулярно открыты для публики и могут позволить себе иметь ряд служб по работе с ней, а также образовательные и экспозиционные программы, сопоставимые со службами и программами региональных и национальных публичных музеев. Среди

этой немногочисленной группы можно выделить ряд университетских музеев (например, в Оксфорде, Кембридже, Глазго, Манчестере и Норидже), которые в последние годы занимают ведущие позиции в осуществлении новаторских программ, позволяющих расширить доступ к их коллекциям и возможности для непрерывного образования. Своей деятельностью они способствуют популяризации среди широкой публики того важного вклада, который вносят в культуру учредившие их учебные заведения.

Однако, хотя известнейшие учреждения из числа ХЕМГК благодаря качеству и значению своих коллекций имеют национальное и международное признание, они составляют всего лишь крошечную часть всей совокупности небольших коллекций, которые принадлежат преимущественно факультетам и кафедрам университетов и колледжей. В то же время практически все ХЕМГК остаются неизвестными для широкой публики, которая не допускается на территорию учебных заведений для знакомства с ними. В настоящее время всего 21 музей из примерно 400 музеев, галерей и коллекций системы высшего образования, в знак признания их особого предназначения, получает дополнительное финансирование из зарезервированных государственных доходов, которые перераспределяются в их пользу через высшие учебные заведения. Жизнеспособность остальных зависит исключительно от более чем скромных бюджетов, выделяемых высшим учебным заведениям на образовательные и исследовательские цели, которые, как правило, контролируются соответствующими факультетами университетов.

Типичное учреждение из числа ХЕМГК создавалось для удовлетворения учебных и исследовательских потребностей университетского факультета или просто для его удобства (например, художественная коллекция). Трудности стали возникать в связи с тем, что старые коллекции

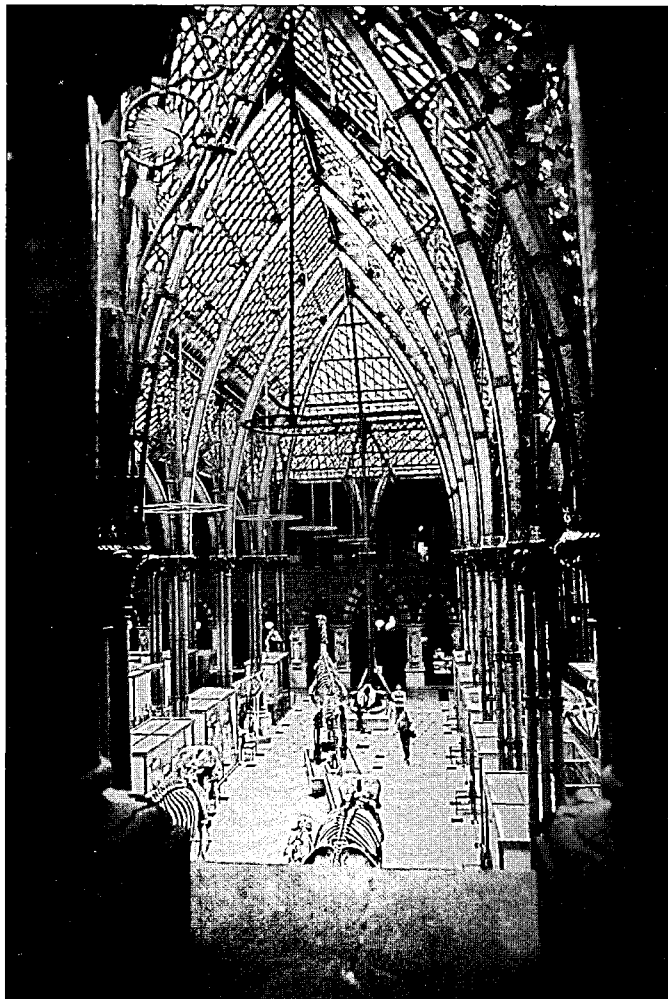
© Pitt Rivers Museum, University of Oxford

начали утрачивать свою актуальность для учебного процесса или исследований, хотя они по-прежнему содержали материалы огромной важности. Большинство из них не имело управленческих структур или политики в области управления коллекциями. Точно так же они пользуются стандартами по уходу за коллекциями, подлежащими соблюдению в соответствии с требованиями Системы регистрации Комиссии музеев и галерей, которые значительно уступают стандартам, принятым в более широком музейном сообществе. Это объясняется резким сокращением их финансирования, отсутствием квалифицированных кадров или возможностей для получения специального опыта и знаний, которыми они могли бы руководствоваться в своей деятельности. Нередко учреждения из числа ХЕМГК становились пострадавшей стороной в результате того, что они лишались специально спроектированных и построенных для них музейных помещений, а их коллекции переводились в непригодные для этого хранилища, которые не были оборудованы системами контроля за окружающей средой или постоянного наблюдения за ней. Ситуация также осложняется тем, что во многих случаях отсутствует необходимая документация или она неправильно оформлена, а это еще больше затрудняет пользование коллекциями.

Внутренний вид экспозиции в Музее Питт-Риверса, в которой представлен аутригер из Занзибара.

Beyond the Ark

Проведение обзоров университетских музеев, галерей и коллекций было подсказано необходимостью «разви-

Общий вид экспозиционного зала в Музее естественной истории Оксфордского университета.

вать чувство кризиса в среде университетских музеев”. Сокращение финансирования и отсутствие управленческих структур, способных защищать коллекции, в сочетании с признанием необходимости определить и оценить, в какой степени высшие учебные заведения все еще являются владельцами коллекций, стали причиной появления первого доклада, подготовленного по результатам регионального обследования Лондонского университета (1989). Затем аналогичный обзор был проведен в Шотландии (1990) и на севере Англии (1993). За десять лет с момента начала этого процесса в системе высшего образования Великобритании произошли важные реформы и реорганизация. Это повысило требовательность к себе учреждений и их конкурентоспособность, особенно через механизмы финансирования, которое было обусловлено результатами оценки их исследовательской и учебной деятельности, и благодаря привлечению к участию в проекте все большего числа разнообразных заведений.

Публикация в мае 1999 года доклада *Beyond the Ark* ознаменовала собой завершение этой общенациональной

проверки¹. Она стала одним из нескольких региональных обследований, которые еще проводятся или только недавно были начаты. За последние два года аналогичные проекты уже были осуществлены или еще реализуются в Северной Ирландии, Уэльсе, на юго-западе Англии и Центральных графствах Англии (восточных и западных). Неохваченными остались только восточные и южные районы юго-востока Англии.

Такая небольшая в географическом отношении территория, каковой является Южная Англия, данные по которой были включены в *Beyond the Ark*, особенно насыщена музеями, галереями и коллекциями системы высшего образования. Сюда входят 10 учреждений, включая университеты Оксфорда, Саутгемптона и Рединга, художественный колледж, педагогический колледж и Открытый университет. В докладе содержится характеристика 38 музеев и галерей — от крупнейших учреждений, пользующихся международным признанием, таких, как Музей Ашмола, Музей Питт-Риверса, Музей естественной истории Оксфордского университета и Музей английской сельской жизни, до коллекций, насчитывающих менее 100 предметов.

Здесь хорошо представлены многие из традиционных дисциплин, которые ассоциируются с университетскими музеями, а именно археология, изобразительное искусство, биология, этнография и геология. В ходе обзора было установлено, что семь высших учебных заведений имеют геологические коллекции, четыре — гербарии и другие биологические коллекции, шесть — собрания изобразительного искусства и три — коллекции археологических материалов. Прекрасные факультетские коллекции, такие, как Музей классической археологии Юри при Университете Рединга, свидетельствуют об исключительно высоком качестве некоторых из менее крупных музеев, галерей и коллекций системы высшего

© Bate Collection of Musical Instruments, Oxford

Квintет исполнителей на серпентах выступает во время уик-энда, посвященного знакомству с коллекцией Бейта.

образования. Коллекция старых мастеров, принадлежащая картинной галерее церкви Христа, служит еще одним примером их значимости. В отличие от ранее проводившихся обзоров, в докладе *Beyond the Ark* содержатся данные о ряде недавно созданных коллекций. Их никак нельзя назвать грудой образцов вышедшего из употребления исследовательского или лишнего оборудования. Напротив, некоторые из них применяются в совершенно новых областях исследования, и их наличие объясняется участием учебных заведений в преподавании и изучении самых разнообразных прикладных и профессионально-технических дисциплин, особенно связанных с искусством, средствами массовой информации и дизайном. Например, курсы профессионально-технической подготовки и исследования в области книгопечатания, полиграфических средств информации, анимационного искусства, дизайна рисунков тканей и изготовления мебели способствовали формированию специализированных коллекций, которые выпадают из традиционной тематики основных музеев и поэтому могут стать сильной стороной некоторых из ХЕМГК. Коллекции факультета книгопечатания и полиграфических средств информации, например, не имеют себе равных по размерам и содержательности, хотя первоначально они создавались как дополнительные средства обучения на факультете.

Во многих отношениях общие выводы, которые делаются в докладе *Beyond the Ark*, совпадают с результатами предыдущих обзоров. Основные проблемы, с которыми сталкиваются почти все ХЕМГК, связаны с устойчивым формированием ресурсов, необходимых для поддержания основных их функций, например консервации и документации, или для создания служб по работе с публикой или обеспечению ее доступа к коллекциям. Однако в докладе отмечаются некоторые обнадеживающие факты, свидетельствующие о возрас-

тании роли музеев в Великобритании. Это происходит благодаря возникновению новых форм доступа (использование информационных и коммуникационных технологий, которые играют все более заметную роль), возрождению обучения и исследований на основе коллекций и пропаганде музеев, галерей и коллекций системы высшего образования как “витрин” своих учебных заведений. Содержащиеся в докладе рекомендации касаются более четкого определения функций и стратегической цели ХЕМГК. В его выводах ставится задача по обеспечению выживаемости и будущего долголетия этих учреждений путем установления их приоритетов, таких, как:

- развитие и укрепление их образовательной и исследовательской функций;
- определение той роли, которую они могут сыграть в содействии их учебными заведениями доступу к непрерывному образованию широкой публике;
- обдуманное принятие на себя ответственности за координацию, развитие и руководство своими ХЕМГК;
- укрепление их связей с более широким музейным сообществом;

- обсуждение той роли, которую они могут сыграть в развитии региональных политических и культурных структур.

Необходимо упомянуть также о новом независимом исследовании управления ХЕМГК в Великобритании, которое открыло новые важные перспективы для деятельности по обзору коллекций. Доклад под названием *The Management of Higher Education Museums, Galleries and Collections in the UK²* был подготовлен Мелани Келли. В нем собраны обширные замечания и мнения тех, кто непосредственно работает с ХЕМГК. Данный документ дополняет процесс консультаций, которые ведутся в рамках обзора коллекций. В докладе рассматриваются внутренняя и внешняя роли ХЕМГК, их руководящие и управленческие структуры, источники ресурсов, категории посетителей и персонал. Совет по финансированию высшего образования Англии и Министерство образования Северной Ирландии недавно дали поручение провести исследование по изучению “характера отношений между учреждениями культуры и родственными службами высших учебных заведений, с одной стороны, и более широким сообществом поставщиков и потребителей услуг, предоставляемых учреждениями культуры и родственными им службами, — с другой”. Музеи в данном контексте приравниваются к библиотекам, спорту,

В Музее английской сельской жизни при Университете Рединга проходит занятие по программе работы со школами.

туризму, искусству и архивам. В докладе *Partners and Providers*, подготовленном Центром культурной политики при Университете графства Уорикшир, рассматривается главным образом роль общественной службы в распространении культуры через систему высшего образования. Особое внимание уделяется тому вкладу, который могут внести такие учреждения на региональном уровне.

Итогом обзора и публикации доклада *Beyond the Ark* стало проведение в Саутгемптонском институте 14 мая 1999 года предварительного симпозиума. Его подготовкой и организацией занималась Группа университетских музеев в сотрудничестве со Службой музеев Юго-Восточной Англии (западный регион). По программе симпозиума состоялись рабочие заседания и обсуждения, в ходе которых рассматривались общие стратегические и финансовые вопросы. Так, была проведена беседа о международных событиях и связях между университетскими музеями, которую вел Питер Станбери из Университета Маккуори (Новый Южный Уэльс, Австралия), и были заслушаны доклады об отдельных коллекциях. Свою лепту в работу симпозиума внесли как недавно созданные, так и давно признанные Музеи, галереи и коллекции системы высшего образования, например Музей Петри Университетского Колледжа в Лондоне, Центр истории кино и массовой культуры Билла Дугласа при Эксетерском университете, Музей проектирования и архитектуры жилых зданий Мидлсексского уни-

верситета и учебная коллекция изобразительного искусства Саутгемптонского института. Их представители рассказали участникам симпозиума о последних инициативах своих учреждений и результатах проводившихся исследований.

Ожидается, что этот первый симпозиум положит начало регулярному проведению ряда конференций/симпозиумов, которые будут содействовать повышению информированности и всестороннему обсуждению академических, финансовых, политических и управленческих вопросов, над решением которых бьются университетские музеи и факультетские коллекции во всей Великобритании. Симпозиум был тепло встречен многими его участниками, которые впервые получили возможность для встречи и обмена мнениями с коллегами из других учреждений. Таким образом, он доказал свою своевременность для проведения критической оценки и тщательного анализа того, что было сделано за последнее время музеями, галереями и коллекциями системы высшего образования Великобритании, для рассмотрения их перспектив на будущее и выражения растущего понимания общих проблем, которые объединяют все ХЕМГК, как крупные, так и маленькие. ■

Примечания

1. K. Arnold-Forster, *Beyond the Ark: Museums and Collections of Higher Education Institutions in Southern England*, South Eastern Museums Service (Western Region), 1999.
2. M. Kelly, *The Management of Higher Education Museums, Galleries and Collections in the UK*, University of Bath School of Management, 1999.
3. P. Shaw, *Partners and Providers: The Role of HEIs in the Provision of Cultural and Sports Facilities to the Wider Public*, Centre for Cultural Policy, University of Warwick/HEFCE, 1999.

По пути к переменам: музеи естественной истории при американских университетах

Питер Б. Тиррелл
(Peter B. Tirrell)

Уникальное положение связующего звена между учеными и обществом придало новый импульс развитию музеев естественной истории при американских университетах. Питер Б. Тиррелл, совсем недавно занимавший пост президента Ассоциации музеев и галерей при колледжах и университетах, ныне является помощником директора Оклахомского музея естественной истории при Университете штата Оклахома. Он сыграл решающую роль в стратегическом планировании, разработке и реализации проекта стоимостью 45 млн долларов, благодаря которому музей получил новое здание. Имея более чем 26-летний опыт профессиональной деятельности, он является членом многих комитетов по проверке музеев Комиссии по аккредитации Американской ассоциации музеев и исследовательских групп Программы по оценке музеев.

Вступая в новое тысячелетие, мы становимся очевидцами возрождения и жизнеспособности музеев естественной истории при американских университетах, что подтверждается необычайно успешным осуществлением новых строительных проектов. Их будущее представляется блестящим, однако дорога к успеху пролегла через годы поистине героических усилий в области планирования и развития, предпринимавшихся несмотря на непреодолимые трудности. Чтобы до конца пройти этот путь, музеям пришлось не только решать проблемы, доставшиеся им в наследство от прошлого, но и искать ответы на ряд серьезных вопросов об их дальнейшей судьбе — от ремонта осыпающихся стен и протекающих крыш до определения своего места на рынке образовательных услуг. Путь к их выживанию лежал через способность чутко реагировать на происходящие перемены, заниматься стратегическим планированием, финансированием и сооружением новых объектов. Удачные музейные программы могут служить примером для музеев, пытающихся проектировать и строить новые музейные здания, будь то при университете или нет.

В США насчитывается более 60 университетских музеев естественной истории, ставших подлинным достоянием академического сообщества и общества в целом. Многие из них были основаны еще в конце XIX столетия. В первой половине XX века, на которую пришелся пик полевых исследований и расцвет таксономии, они значительно расширились¹. Наследием того периода стали коллекции сотен миллионов бесценных антропологических, геологических и биологических артефактов и образцов (например, только в Оклахомском музее естественной истории Сэма Ноубла при Университете штата Оклахома их содержится около 6 млн). Они занимались документированием сведений о разнообразии и истории жизни на Земле и служили основой для проведения научных исследова-

ний и осуществления педагогической деятельности в интересах научного и культурного сообществ. Кроме того, университетские музеи, многие из которых имеют статус государственных, некогда играли важную роль в интерпретации фактов естественной истории для своих обществ. Их диорамы ареалов, например, были продуманы до мелочей, прекрасно оформлены, содержательны и в то время представляли собой пользующиеся большой популярностью выставки. Благодаря деятельности своих просветительных, исследовательских отделов и отделов по работе с публикой музеям удавалось в течение многих лет “доходить” до миллионов людей и оказывать влияние на их жизнь.

Но во второй половине XX века значимость и актуальность университетских музеев естественной истории стала не столь очевидной, как это было раньше. Для университетов они стали обузой, некоторым музеям грозила участь остаться брошенными на произвол судьбы или просто исчезнуть (несколько музеев были закрыты, а их коллекции отправлены в хранилища или распылены по другим музеям). Одной из причин этого стали перемены в научных исследованиях и переход в преподавании от таксономических классов (например, орнитологии) к функциональным тематическим классам (например, поведению). Другой причиной стал переход к интерактивному и более практическому подходу (например, отказ от диорам ареалов в пользу создания “залов открытий”). Свою отрицательную роль сыграла и неразбериха в области управления, когда на руководящие должности приходили временные люди, не обладавшие стратегическим мышлением. Университетское руководство рьяно взялось за урезание программ и должностей, не предоставляло музеям подходящих помещений и не финансировало коллекции. Некоторые даже предлагали продать их, чтобы обеспечить приток денежных средств! Им не хватало времени для изучения и понимания не-

обходимости вкладывать деньги в долгосрочные преимущества и возможности, которые могли бы дать музеи.

Музеи также испытывали крайнюю нужду в новых помещениях или в капитальном ремонте и реконструкции своих старых зданий. Было заявлено, что в XXI веке основной проблемой всех известных музеев естественной истории станет необходимость обновления всей их физической инфраструктуры². Например, в Оклахомском музее местное пожарное управление установило, что в случае пожара одно из зданий музея может полностью выгореть за считанные минуты. А ведь в этом здании — полуразвалившейся конюшне — раньше хранились тысячи антропологических предметов.

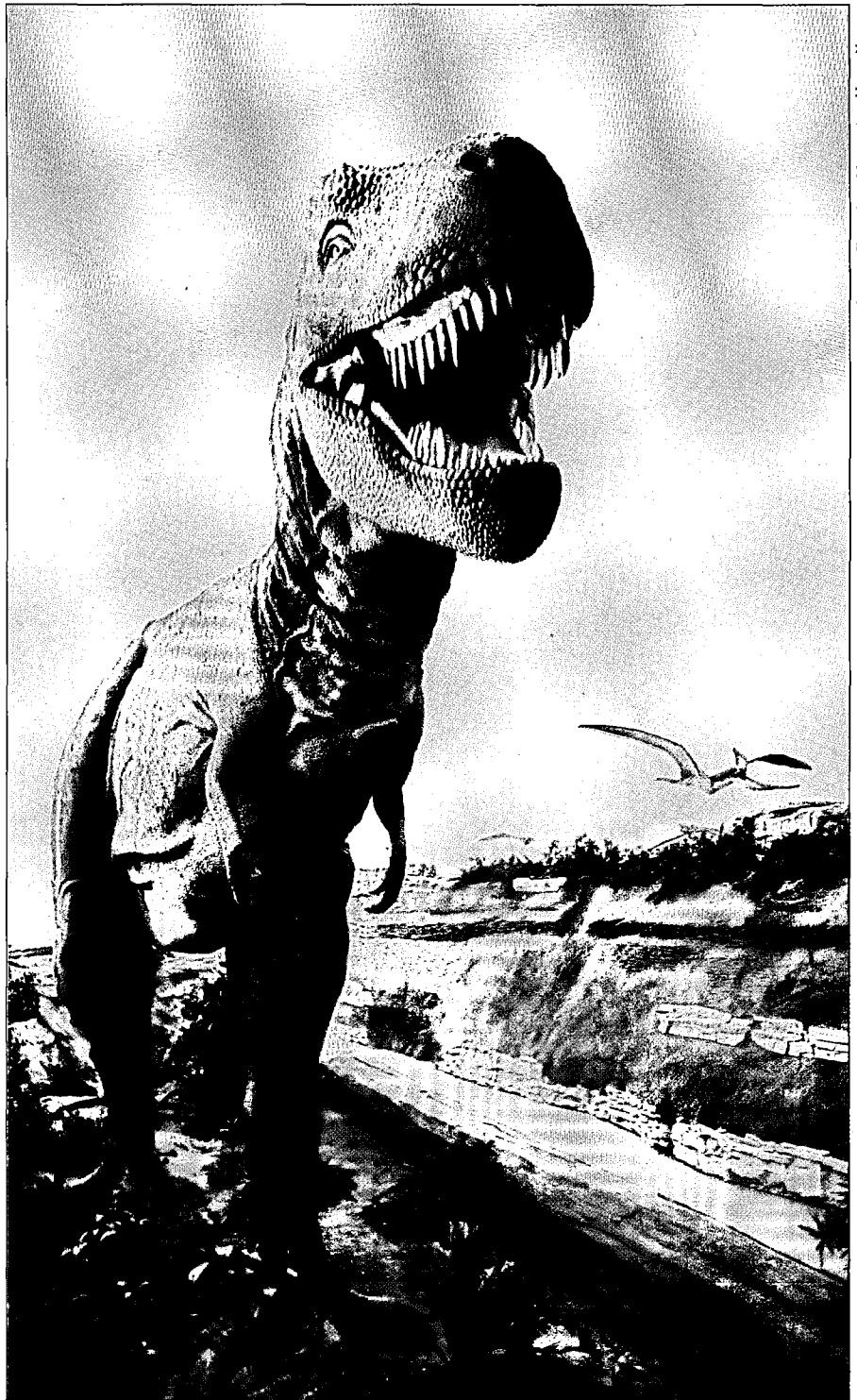
Впавшие в немилость музеи стали терять свою институционную ценность, что часто приводило к трениям и отсутствию сплоченности среди деморализованного персонала. Некоторые музеи, хоть и имели великолепные исследовательские или образовательные программы, в целом были лишены умелого руководства и не обладали единой стратегией дальнейшего развития. Директора музеев, в большинстве своем ученые, были не готовы к решению корпоративных задач по перестройке музея в целом. Они всячески старались справиться с проблемами, извлечь выгоду из своих удачных программ, составить скоординированный план действий, чтобы поднять свои музеи в глазах и мнении вышестоящего руководства и спонсоров. У остального музейного сообщества складывалось впечатление, что университетские музеи перестали вести собирательскую деятельность, утратили свою притягательность и сдают свои лидирующие позиции.

Преуспевающие музеи: стратегическое планирование и развитие

Некоторые музеи все же смогли успешно противостоять сложившимся обстоятельствам. В феврале 1999 года Музей естественной истории Стернберга при Государственном университете Форт-Хейс (Хейс, штат Канзас) открыл заново отреставрированное здание общей площадью 9385 м² и стоимостью 18 млн долларов. К июню 1999 года его посетило более 50 тыс. человек, что значительно превысило все ожидания. В мае 1999 года Оклахомский музей естественной истории Сэма Ноубла переехал в новое современное здание общей площадью 18 тыс. м². Оно было возведено на площади в 25 га в кампусе Университета штата Оклахома (Норман, штат Оклахома). Его открытие намечено на весну 2000 года. Финансирование этого проекта стоимостью 45 млн долларов завершено, но университет выделил дополнительные ассигнования в размере двух миллионов долларов в год на содержание здания музея и укомплектование его персоналом, а также предоставил дополнительные услуги в натуральной форме на общую сумму в один миллион долларов. Проведены предварительные проектные работы по строительству новых объектов в Музее естественной истории Джеймса Форда Белла при Университете штата Миннесота (Миннеаполис/Сент-Пол) и Музее естественной истории Бёрка при Университете штата Вашингтон (Сиэтл).

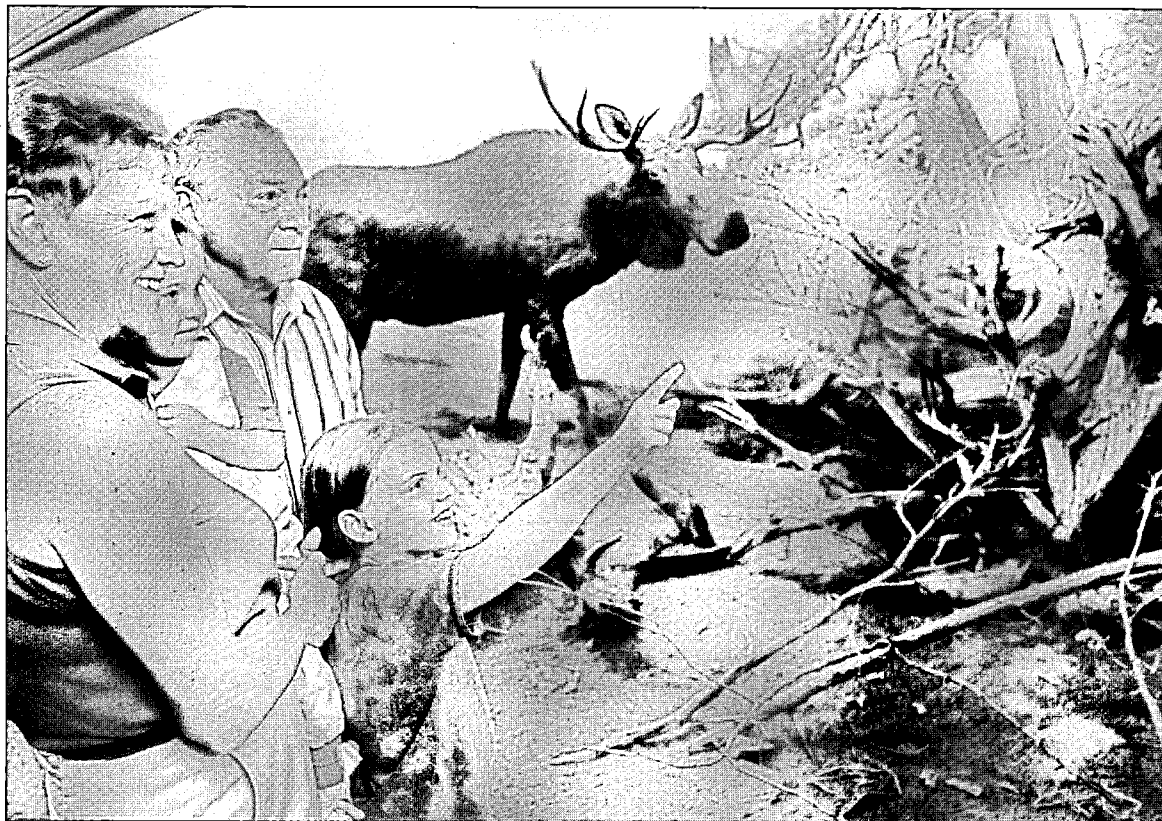
Несмотря на то что Оклахома — один из беднейших штатов в стране (по средней зарплате государственных служащих он занимает 50-е место), Университету штата Оклахома удалось построить один из прекраснейших университетских музеев естественной истории в мире. По словам директора музея Майкла Мэrsa, «проект демонстрирует признание со стороны законодательной, университетской, жителей штата, частных жертвователей того факта, что музей играет важ-

ную роль в научной и культурной жизни Оклахомы». Каким образом удалось добиться этого? Благодаря стратегическому планированию, как это показал пример Оклахомы и других музеев. Наилучший план учитывает общую направленность деятельности музея и его ресурсы, чтобы обеспечить музею наиболее выигрышное положение в будущем³. Оклахомский и другие музеи должны были определить и оценить уникальные внутренние и внешние факторы, такие, как особое видение, самобытность, предназначение, ресурсы, возможности и руководство. Например, Музей Белла попытался оценить роль своих естественноисторических диорам в будущем. На основе внутренней и внешней оценки музея смогли переосмыслить и свою роль. Так, музеи Стернберга и Оклахомы пересмотрели свои представления и предназначение, чтобы повысить свою роль в системе государственного образования. В стремлении приспособиться к меняющимся условиям музеи должны были предложить сценарии с соответствующей стратегией, упростить и расставить приоритеты в практической деятельности, составить график и бюджет, разработать альтернативные сценарии использования возможностей и реагирования на неудачи, установить критерии, в том числе оценки работы. Например, в 1987 году Оклахомский музей принял успешные шаги, чтобы стать официальным государственным музеем естественной истории. Его новый статус позволил ему расширить связи и возможности для получения поддержки со стороны государства и университета. Музей Бёрка, напротив, предложил отделиться от своего университета, что может повысить его шансы на частное финансирование. Музей Белла изучил возможности для установления партнерских отношений с Колледжем природных ресурсов в вопросах преподавания наук об окружающей среде. Проводя такие оценки, разрабатывая гибкие планы и претворяя их в жизнь, музеи смогли найти свою нишу, продемонстри-

В Музее Стернберга посетителей встречает роботизированный динозавр, выполненный в натуральную величину. Со знакомства с ним начинается увлекательный осмотр диорамы Колорадо в меловой период. На заднем плане видны птерозавры, которые парят над морем, в то время покрывавшем территорию современного Канзаса.

© James Ford Bell Museum of Natural History, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota

Посетители Музея естественной истории Джеймса Форда Белла при Университете штата Миннесота с нескрываемым удовольствием осматривают диораму.

ровать свои возможности, упрочить свое положение в рамках университетского и более широкого сообществ и успешно конкурировать, набирая при этом силу или добиваясь нужного результата.

Стратегическое планирование и инициативы по осуществлению перемен также требуют безотлагательных действий, сильного объединения для решения задач планирования и ясного понимания целей. Как вышеперечисленные музеи удовлетворяют этим требованиям? Какие элементы стали определяющими в достижении ими успеха? Чтобы найти ответы на эти вопросы, я опросил директоров музеев и провел всесторонний анализ работы их учреждений. Я добавил и свою точку зрения как помощник директора Оклахомского музея.

Слагаемые успеха

Все музеи только выиграли от участия в комплексе мероприятий по самооценке, проведению независимого анализа, проверок с участием коллег и аккредитации на основе профессиональных методов и стандартов. Итоговые выводы и рекомендации

стали существенным звеном при разработке перспективных стратегических планов. Музеи Оклахомы, Стернберга и Белла воспользовались преимуществами участия в различных программах, таких, как Программа оценки музеев (МАП), разработчиком и руководителем которой является Американская ассоциация музеев (ААМ), а финансирование осуществляется Институтом музейной и библиотечной служб. Инициатива МАП предполагает выделение грантов на проведение профессиональных обзоров деятельности общего характера, коллекций и общественных программ. Оклахомский музей также извлек определенную пользу из участия в специальной программе ААМ по аккредитации музеев, к проведению которой также привлекались сотрудники других музеев. Музей должен был отвечать установившимся стандартам и практике во многих областях, таких, как коллекции, образование, долгосрочное планирование, руководство, выставки, финансирование, безопасность и поддержание в должном состоянии физической инфраструктуры. Подготовка к аккредитации была весьма поучительным мероприятием.

Музеи стремятся привлечь как можно более широкую публику, демонстрируя открытость и конструктивность в работе с ней, что помогает создать постоянный контингент посетителей. Это улучшает их имидж в глазах спонсоров и позволяет наглядно продемонстрировать результаты своей работы. После того как в 1982 году Оклахомский музей разработал современную программу внемузейных передвижных выставок, он провел более 807 различных показов своих коллекций в 18 штатах и Канаде, посетителями которых стали более 6 млн человек. Выставки проводились в школах, музеях, библиотеках, банках, пассажах и племенных центрах коренных жителей Америки. Музей Бёрка также подготовил ряд впечатляющих передвижных учебных коллекций (комплектов), предназначенных для школ, библиотек и летних лагерей на территории штата. Музей Белла расширил свою внемузейную программу за счет таких мероприятий, как 'Bell LIVE!'. Оно представляет собой видеопокказ в режиме реального времени, который позволяет учащимся школ общаться с учеными, работающими в поле. Музей Бёрка устроил несколько смелых выставок в местах проживания североамериканских индейцев и других этнических меньшинств.

Музеям удалось убедить вышестоящее руководство и спонсоров в кризисном характере ситуации, которая напоминала "схватку со смертью", по выражению одного из директоров. Признание факта кризиса стало одной из составляющих успеха Оклахомского музея. Неофициальные показы коллекций руководству университета, высокопоставленным лицам, местным властям, спонсорам и тысячам простых граждан — таков был один из подходов для достижения намеченной цели. Потом многие, осмотрев артефакты и образцы, хранящиеся в старой прогнившей конюшне, ушли буквально со слезами на глазах. Они только просили сохранить то, что считали своим дос-

тоянием и наследием. В своей книге *Heritage at Risk [Наследие в опасности]* директор музея описал все величие и значимость коллекций и те ужасающие условия, в которых они хранятся. Ее экземпляры были розданы политикам, чиновникам от образования, городскому руководству и ведущим бизнесменам, которые не могли не обратить внимание на приведенные в ней факты и приходили в музей, чтобы увидеть все это собственными глазами. Увиденное заставило их действовать. Так кризисная ситуация стала общим делом местных жителей и властей.

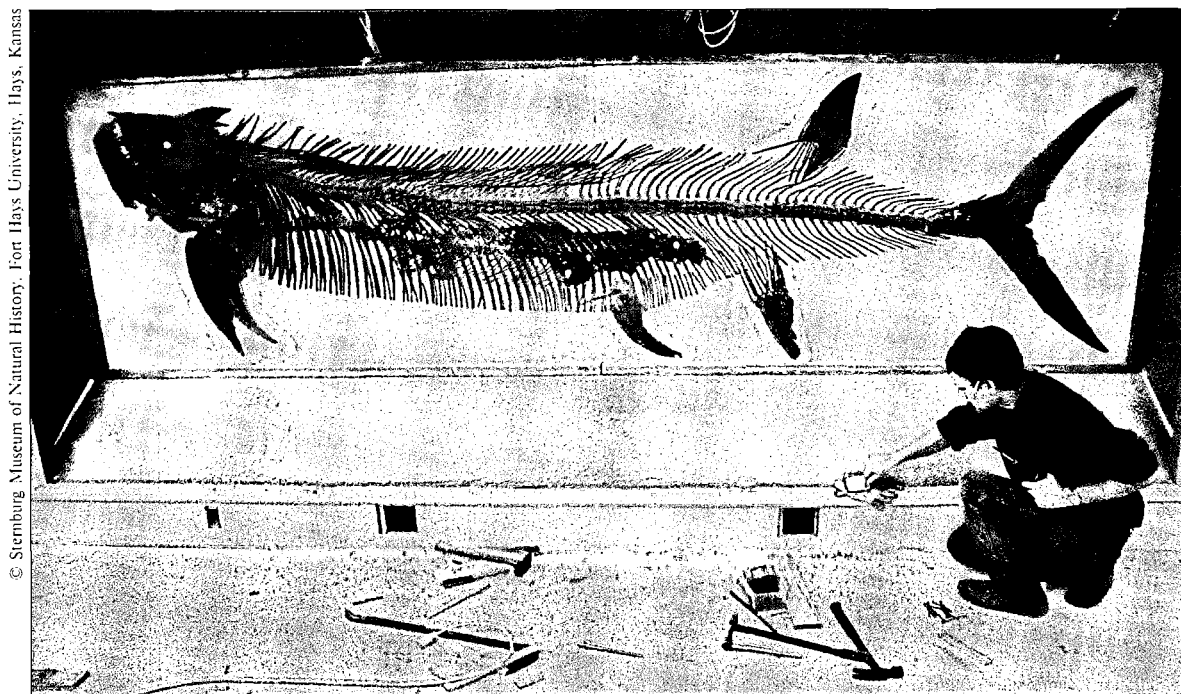
Каждый музей создал собственное представление о своем будущем и представил его картину. Музей Оклахомы и Стернберга позаимствовали у делового мира его методы и стратегии для демонстрации своих возможностей и показа своих превосходных коллекций и достижений (например, передвижные выставки). Они разработали маркетинговый и бизнес-планы, демонстрирующие экономическую ценность музеев (или "прибыльность") деловым кругам. Она достигается за счет привлечения туристов и посетителей, которые тратили бы деньги на питание, проживание, отдых и развлечения. Планы также помогли убедить университетское руководство в том, что новые музейные помещения способны принести высокую прибыль благодаря проведению на территории штата таких мероприятий, как экспозиции, внемузейные современные исследования, преподавание профилирующих дисциплин, исследования с привлечением аспирантов и представителей этнических групп, а также организация экскурсий для высокопоставленных лиц. Всевозможную поддержку проекту оказал Дейвид Борен, новый президент Университета штата Оклахома, бывший губернатор штата и сенатор. Он признал, что новый музей сможет не только хранить свои коллекции, но и прекрасно служить интересам университетского сообщества. Кроме того, музей

мог бы быть инструментом для привлечения студентов, увеличения частных пожертвований и укрепления репутации университета.

Для получения средств на содержание новых зданий преуспевающим музеям также пришлось наладить взаимовыгодное сотрудничество с политическими деятелями, бизнесменами, общественными и другими организациями. Например, Оклахомский музей при участии двух местных общественных организаций разработал и успешно осуществил план по выпуску облигаций на общую сумму 5 млн долларов. Кроме того, руководство университета и музея сформировало совет по проведению кампании, и при содействии законодателей штата обе группы сумели получить для музея 15 млн долларов, составляющих часть средств, вырученных от выпуска облигаций на цели высшего образования в целом. Еще 20 млн долларов поступило из частных источников. Музей Стернберга благодаря сотрудничеству с университетским руководством и местными властями приобрел новое здание музея за нарицательную стоимость. Университет, город и округ также внесли свой вклад в натуральной форме в возведение большей части музейных сооружений.

Естественный интерфейс

В США музеи естественной истории при университетах играют особую роль. Они являются важнейшими учебными центрами, активно участвуют в проведении совместных исследований, занимаются собирательской деятельностью, преподаванием и служат интересам общества. Со стороны последнего звучит настойчивое требование создать интерфейс между учеными и простыми людьми. Какие другие учреждения могут лучше отвечать этому требованию? С помощью выставок и образовательных программ университетские музеи могут знакомить своих студентов и посетителей всех возрастов с увле-

Экспозиционер приступает к завершающей стадии работ по настенному монтажу знаменитого палеонтологического экспоната Рыба в рыбе после его перенесения из старого здания музея в новое. Музей естественной истории Стернберга.

кательным миром реальных предметов. Ископаемые остатки животных и птиц, раковины, насекомые, по мере того как мы соприкасаемся с ними, классифицируем и изучаем, будоражат наше воображение. И уже яснее становятся такие сложные понятия, как биоразнообразие и исчезновение видов. Кризис в области преподавания естественных наук как в школе, так и за ее пределами открывает для музеев много возможностей на рынке образовательных услуг. В музеях также работают выдающиеся ученые, занимающие ведущие позиции во многих областях исследования — от систематики до охраны окружающей среды. Здесь они готовят ученых завтрашнего дня. Ежегодно университетские музеи пополняются тысячами образцов. Их исследовательские коллекции — одни из самых быстрорастущих в стране. Музеи и университеты, которым они принадлежат, должны вместе работать над переосмыслением своей роли и предназначения, расширением своей аудитории и определением стратегий по возведению новых сооружений. По определению, они являются сложившимися, устоявшимися, перспективными образовательными центрами. Лучшие университеты имеют лучшие музеи! ■

Примечания

1. Janet K. Braun and Michael A. Mares, 'Natural History Museums: Working Toward the Development of a Conservation Ethic', in M. A. Mares and D. J. Schmidly (eds.), *Latin-American Mammalogy: History, Biodiversity, and Conservation*, pp. 431-454, Norman, University of Oklahoma Press.
2. Karen L. Goldstein, 'Funding', in 'Toward a Natural History for the 21st Century'. *Museum News*, Vol. 76, No. 6, November/December 1997, pp. 46-47.
3. Alice McHugh, 'Strategic Planning for Museums', *Museum News*, Vol. 58, No. 6, July/August 1980, pp. 23-29.
4. John P. Kotter, *Leading Change*, Boston, Harvard Business School Press, 1996, 186 pp.

Университетские собрания в Отеароа — Новой Зеландии: живое прошлое, неопределенное будущее

Невилл Хадсон, Джейн Леггет
(Neville Hudson, Jane Legget)

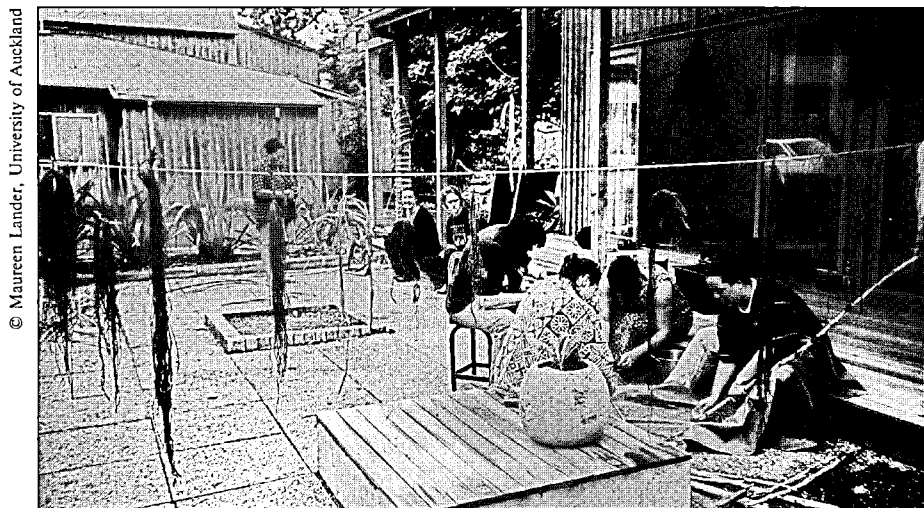
Ряд университетских музеев в Новой Зеландии, само выживание которых поставлено на карту, развивает партнерские отношения с ведущими музеями страны. Невилл Хадсон, геолог по профессии и руководитель палеонтологических коллекций, с 1996 года заведует наглядными учебными пособиями на факультете геологии Оклендского университета. Недавно в его ведение перешли также коллекции скальных пород и минералов. Джейн Леггет работала в музеях Великобритании и Новой Зеландии. В настоящее время она является соруководителем Проекта музейных стандартов Новой Зеландии, осуществляемого по инициативе национальных служб Музея Новой Зеландии "Те Папа"; заместитель лектора по музейным исследованиям в Университете Мэссей. Автор труда Local Heroines: A Travel Guidebook to Women's History in Great Britain (London, Pandora Press, 1994).

Университетский хранитель — редкий и вымирающий вид в Новой Зеландии. Маленькая страна Новая Зеландия вынуждена с трудом оказывать поддержку своим семи университетам, четыре из которых были созданы еще в колониальный период и с 1870-го по 1961 год функционировали как колледжи Университета Новой Зеландии. Это британское наследие в секторе высшего образования способствовало формированию коллекций как неотъемлемой части преподавания некоторых академических дисциплин. Были созданы учебные коллекции по естественным наукам, классическим языкам, археологии, антропологии и медицине, которые дополняли архивы, специальные библиотечные собрания редких книг и фонды изобразительных материалов, а также художественные коллекции университетов. Многие коллекции предназначались исключительно для учебных целей, другие возникали в процессе накопления исследовательских материалов отдельными научными сотрудниками университетов. Однако трудно спорить с тем фактом, что сегодня лишь немногие из них действительно используются или эффективно управляются. Многим коллекциям не хватает должного ухода и уважительного к ним отношения, поскольку они рассматриваются как "часть обстановки" или в лучшем случае как редкие декоративные вещи. Все уже забыли, что их предназначение — служить средствами обучения.

В настоящее время отсутствуют исчерпывающие данные относительно разнообразия и размеров университетских коллекций, несмотря на попытки прояснить картину. В 1994 году был проведен обзор¹, в результате которого было установлено, что в университетах имеется 89 коллекций, некоторые из них назывались "музеями". Однако им не была учтена, например, коллекция серебра Университета Мэссей и его же коллекции изобразительного и декоративного искусства, одна из которых имела

опубликованный каталог. От тех, кто проводил обзор, требовалось дать оценку коллекциям, претендующим на статус исключительно ценных, с точки зрения их национального или, если это необходимо, международного значения, но с какими критериями подходить к ним? По итогам обзора не было принято никаких конкретных мер, поэтому вопрос о статусе и положении ряда коллекций так и остался нерешенным. Недавно Новозеландским комитетом вице-канцлеров университетов была создана Академическая аудиторская группа, призванная контролировать соблюдение стандартов в области обучения, исследований, менеджмента и развития в семи университетах. Под ее пристальное внимание уже попали университетские библиотеки, однако университетские коллекции не значатся в ближайших планах группы. Коллекции, с которыми постоянно работают профессиональные хранители, могут эффективно служить научному сообществу и укреплять научную репутацию учебного заведения. Активный подход может также содействовать развитию связей между городом и университетом и способствовать привлечению студентов, которые могут платить за свое обучение.

Центральное правительство выразило свою заинтересованность этим вопросом, дав распоряжение провести в 1998 году² исследование, однако ныне действующее правительство делает акцент на потенциальной экономической эффективности учебных заведений, достигаемой благодаря предоставлению сфере научных исследований многочисленных льгот, что может оздоровить профилирующие отрасли промышленности страны. Министерство исследований, науки и техники, формулируя свою позицию по вопросу о "национальном хранении, коллекциях и базах данных"³, признает научную ценность коллекций, но главным образом как средства привлечения иностранных исследователей и содействия продуктивному сотрудничеству с иностран-

© Maureen Lander, University of Auckland

*Студенты Оклендского университета, изучающие материальную культуру маори, извлекают желтый краситель из ветвей рауреаку (*Sorghoma grandifolia*). Высушенное льняное волокно было раньше окрашено в красный цвет с использованием коры танекаха (*Phyllocladus trichomnoides*).*

ными учреждениями. С учетом этого необходимо уделять повышенное внимание хранящимся в университетах историческим, культурным и художественным ресурсам. Они могли бы прямо или косвенно содействовать развитию туризма, важному источнику иностранной валюты для Новой Зеландии. Очевидно, что отсутствие государственной стратегии в этой области представляет опасность для коллекций, хранящихся в университетах (так же как и в королевских научно-исследовательских институтах), многие из которых создавались с определенной целью.

История геологических коллекций Оклендского университета представляется вполне типичной. Палеонтологические коллекции и коллекции скальных пород и минералов принадлежат небольшому факультету. Вопросами их хранения занимался технический персонал в свободное от выполнения основных обязанностей время, поскольку первоочередной задачей таких сотрудников является обеспечение учебного процесса и исследований. Пополнение коллекций осуществлялось скорее в соответствии с их сложившейся классификацией, чем по заранее составленному плану. Палеонтологические коллекции играют важную роль при проведении исследований и в качестве справочного материала, и, хотя условия их хранения далеки от идеальных, они регулярно используются. Они сохраняются в неизменном виде, за редким исключением, когда витрины выставляются в различных учебных лабораториях, холлах и коридорах факультета, а также в вестибюле музея. Номинальным руководителем собрания является один научный сотрудник, но на деле повседневная забота о коллекциях ложится на плечи увлечен-

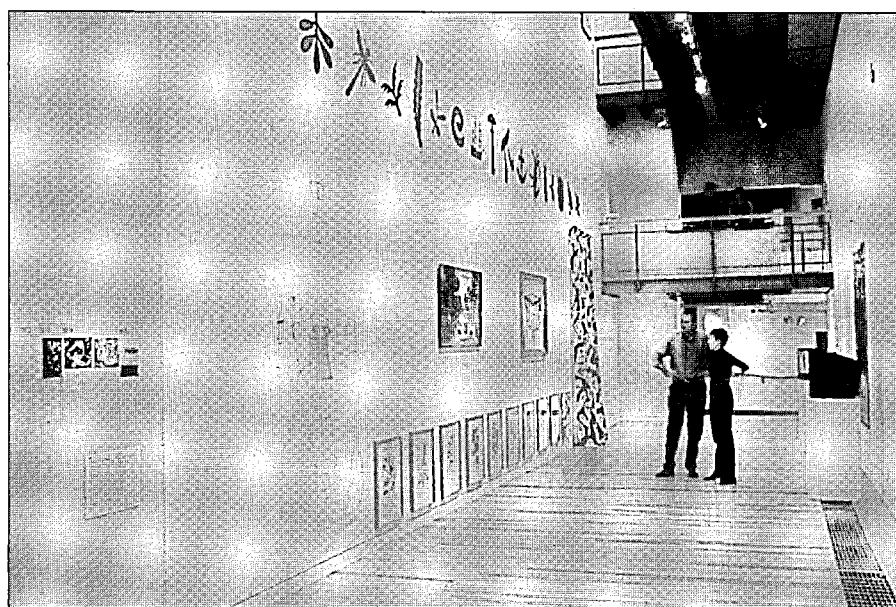
ного своей работой технического персонала, когда это позволяют основные обязанности. Если бы не их личная привязанность к коллекциям, эти материалы вместе с относящейся к ним отрывочной информацией были бы попросту забыты или даже утрачены. Минимальный бюджет не помешал предпринять усилия по поддержанию коллекций в рабочем состоянии, которые по-прежнему приносят пользу студентам и факультету. Однако недавно проведенные кадровая перестройка и сокращение штатов создали угрозу и в то же время открыли новые возможности. Решение ввести совместное хранение двух коллекций, по существу, рационально, если принять во внимание тот факт, что небольшой факультет располагает ограниченными средствами. Но возложение большей ответственности на немногочисленный персонал — только один сотрудник по обслуживанию коллекций занят неполный рабочий день — ставит куда более серьезные проблемы.

Вероятно, наиболее благополучными с точки зрения использования, финансирования и укомплектования кадрами являются научные коллекции медицинских школ при университетах Окленда и Отаго, так как музеи патологии и анатомии служат основными средствами при изучении медицины. Библиотека Хокен при Университете Отаго обладает собранием изобразительных материалов примерно из 12 тыс. единиц, и этому поистине национальному богатству обеспечено профессиональное хранение. Бесспорное международное значение имеет Архив музыки маори и тихоокеанского региона Оклендского университета, который располагает специальным персоналом, имеет хранилище с регулируемым температурно-влажностным режимом, осуществляет активную собирательскую и исследовательскую работу и ведет электронный каталог на все материалы. Его продуманная политика по обеспечению доступа к информации дает возможность отдельным лицам и группам лиц народа маори, желаю-

шим изучать традиционные *waiata* (маорийская песня), пользоваться особой службой. Она позволяет делать копии фонограмм с более чем четырехсот магнитофонных записей устных рассказов, образцов традиционного ораторского искусства, песен и музыки, которые имеются в читальном зале. Это основное средство для преподавания истории этнической музыки в университете, но это также позволяет ему устанавливать конструктивные отношения с общиной маори.

Археологические коллекции, хранящиеся на факультете антропологии Оклендского университета, обеспечивают студентов и сотрудников справочным материалом по вопросам фауны, раковин и камней. Его музейные экспонаты перестали активно использоваться в ожидании предложения усовершенствования курса. Его национальная лаборатория по консервации мокрой древесины и других органических материалов служит для проведения как исследовательской, так и учебной работы факультета, а кроме того, обеспечивает дополнительный доход от выполнения заказов со стороны. После того как находки, обнаруженные при раскопках, тщательно изучены и результаты исследований полностью опубликованы, их необходимо разместить в долговременном надлежащем образом оборудованном помещении, однако многочисленные культурные и природные образцы длительное время хранятся в условиях, далеких от стандартов идеального музейного хранилища. Законодательство, касающееся памятников древности, требует, чтобы находки содержались вместе с зарегистрированными коллекциям. Таким образом, археологические находки в конце концов будут помещены в Оклендский музей, где им будет обеспечено профессиональное хранение.

О некоторых коллекциях мало знают как в их собственных учреждениях, так и за их пределами. Кентерберийский университет имеет музей клас-

© Brett Robinson

Воплощение замысла: художественные коллекции Университета Виктории в контексте, открытие в сентябре 1999 года экспозиции самого нового университетского музея — Художественной галереи Адама, Те Патака Тоу.

сических древностей, но, хотя он представлен на университетском Web-сайте, он не был включен ни в обзор 1994 года, ни в справочник музеев Новой Зеландии⁴. Лишь недавно Кентерберийский университет публично признал, что обладает коллекцией медалей Эрнеста Резерфорда, архивом по медальерному искусству, а также документацией о достижениях и наградах единственного нобелевского лауреата Новой Зеландии и самого почитаемого выпускника университета. Организованная в результате этого выставка в Кентерберийском музее и приуроченная к ней публикация⁵ свидетельствуют о конструктивном сотрудничестве между этими двумя учреждениями города Крайстчерч.

За пределами основного музейного сообщества

В XIX веке четыре старейших университета в городах Окленд, Веллингтон, Крайстчерч и Данидин поддерживали тесные связи с крупными местными и национальными музеями этих развивающихся городов, знакомя их с традициями научных исследований. Что касается двух последних университетов, то они руководили соответственно Кентерберийским музеем и Музеем Отаго до тех пор, пока после Второй мировой войны они не перешли в ведение местных органов власти. Однако соглас-

но парламентским законам, принятым по каждому из них, они по-прежнему имели университетских представителей в своих руководящих советах. Некоторые из этих научных связей сохраняются благодаря общественным исследовательским ассоциациям, неформальному и официальному сотрудничеству в области исследований и образования. Однако в большинстве случаев университетские музеи и собрания не использовали преимущества того, что было достигнуто в хранительской практике ведущих музеев, а их персонал так и не стал полноправным участником профессионального музейного сообщества. Только два университетских учреждения входят в профессиональную ассоциацию Музеев Аотеароа, хотя индивидуальных членов значительно больше. Это лишь подтверждает тот неизбежный факт, что для университетских сотрудников, отвечающих за коллекции, приоритетными являются их научные дисциплины, а также мнение руководителя американских исследований Смитсоновского института Уилкомба Э. Уошберна⁶, что университетские музеи служат науке и образованию, а не наоборот.

Тем не менее университеты должны серьезно взяться за выполнение своих обязательств по отношению к музеям. Многие можно почерпнуть из опыта музейного сообщества в целом, методы которого удовлетворяют спе-

Золотые атомы. Университет сотрудничает с городом Крайстчерч: Кентерберийский университет экспонирует принадлежащую ему коллекцию медалей сэра Эрнеста Резерфорда в Кентерберийском музее, 1999 год.

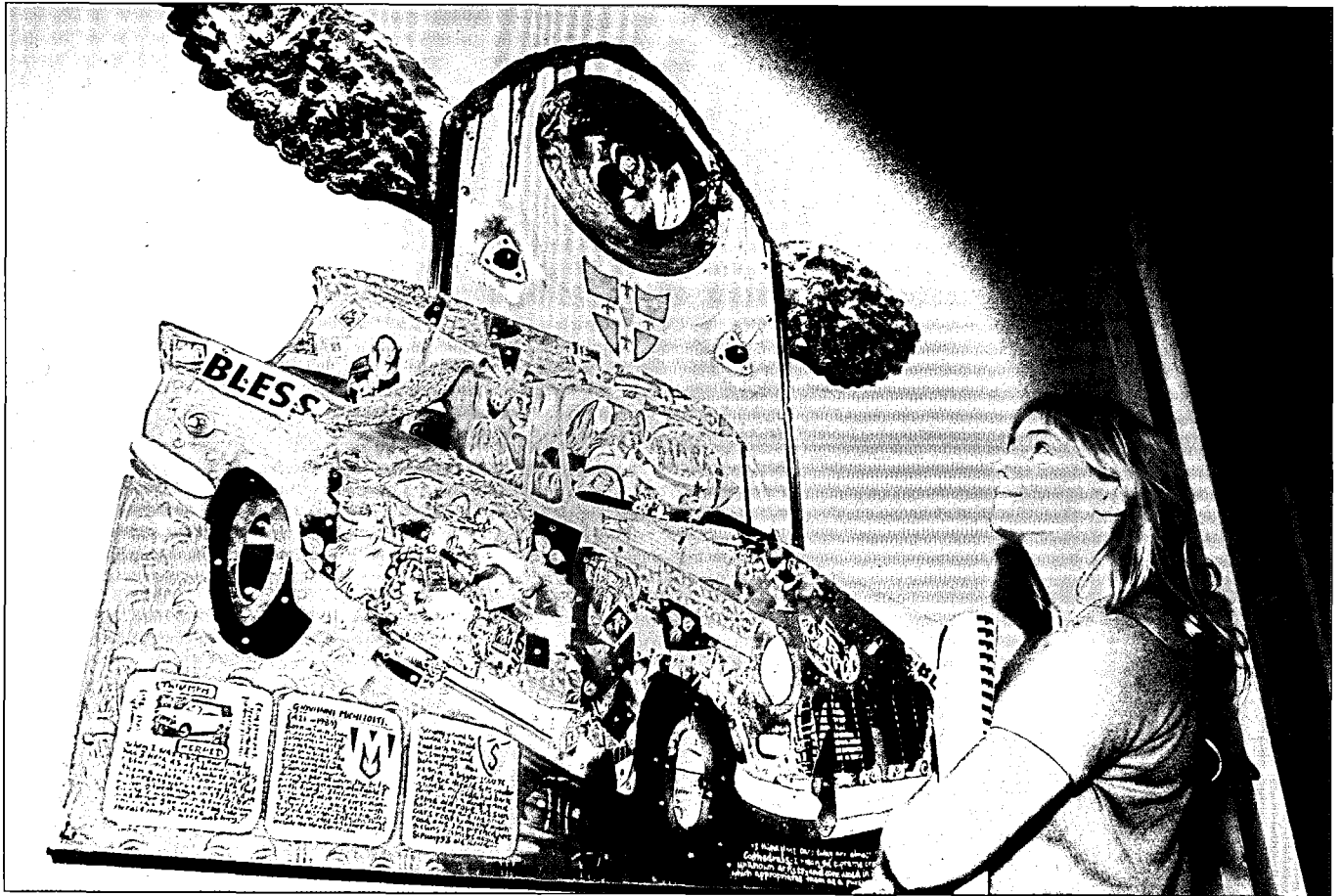
цифическим нуждам новозеландских коллекций, а также пользователей и владельцев ценностей. К последней группе относятся и представители народа маори, которые все острее осознают музейные проблемы, имеющие последствия для их общины. Они обратились с призывом проявлять соответствующую, с точки зрения культуры, заботу о *taonga* (сокровищах культурного наследия), хранящихся в собраниях, обеспечивать доступ к информации, привлекать их к интерпретации коллекций. Они также требуют признать тот вклад, который народ маори внес в понимание природного мира.

Университеты уделяют этим проблемам определенное внимание. Их факультеты осуществляют исследования, связанные с народом маори и его культурой, которые могут расширить знания о коллекциях музеев как основной группы, так и при университетах. Факультет изучения народа маори Оклендского университета активно привлекает своих студентов к изучению технических и стилистических особенностей предметов материальной культуры маори — современных, исторических и археологических. Для этого используются коллекции музеев всей страны, которые служат справочным материалом и отправной точкой для экспериментальной работы по воспроизведению традиционных видов деятельности и

выпуску изделий народного творчества. Эти проекты обогащают наше понимание прошлого опыта, расширяя представление о нем, что помогает музеям в их собственной работе по интерпретации и консервации. Изучение *matauranga Maori* (традиционных знаний маори) также проводится на некоторых научных факультетах, что способствует появлению новых залов естественной истории в Музее Новой Зеландии “Те Папа Тонгарева” и в Оклендском музее.

Университет Мэссей недавно перевел свой персонал, занимающийся музейными исследованиями, в Школу изучения маори. В настоящее время только он готовит дипломированных специалистов для работы в музее, которые также могут сдать экзамены для получения степени магистра. Теперь его преподаватели имеют больше возможностей для обучения студентов, как маори, так и *пакеха* (не маори) принципам работы с наследием. Выпускники обычно находят работу в музеях основной группы или в других учреждениях, занимающихся наследием, так как вакансий в университетах, которых и без того мало, становится еще меньше.

Нет сомнения, что университетские хранители и руководители собраний, как правило, изолированы от своих коллег, работающих в музеях основной группы. В связи с этим уместно

© Massey University, Palmerston North Campus

вернуться к истории с геологическими коллекциями в Оклендском университете. Руководитель коллекции использовал возможность для участия в национальной программе по экспериментальному использованию концепции системы стандартов для новозеландских музеев. Это не только позволило проверить, насколько она применима к университетскому сектору, но и послужило основой для разработки и пересмотра методов и порядка работы. Программа доказала свою эффективность в плане определения и выявления недостатков. Полученная информация была использована для будущего планирования коллекций в условиях сокращения бюджета и неизбежной нехватки экспозиционного пространства, что только подкрепило необходимость компактного хранения. Участие в программе также дало возможность для встреч с сотрудниками других музеев.

Наметились позитивные сдвиги?

Так же как университетские собрания Австралии⁷, университетские коллекции в Новой Зеландии страдают синдромом Золушки. Их значе-

ние недооценивают, поскольку своим существованием они, как правило, обязаны предыдущим поколениям сотрудников факультета. Их рассматривают как побочный продукт исследовательской работы или как излишество, без которого в прошлом невозможно было обойтись как при изучении, так и преподавании научных дисциплин. Чтобы по-новому оценить их значение как “основного капитала знаний”, университеты должны выработать новую политику на основе более полной информации, должны появиться частные спонсоры или заинтересованность правительства — только эти факторы способны сыграть роль сказочных крестных. Университеты, которые изо всех сил стараются обеспечивать нормальный учебный процесс и проводить исследования на основе материалов коллекций, сегодня не в моде. Музеи основной группы стремятся обзавестись собственными зданиями для размещения дополнительных коллекций и создания условий для профессиональной работы с ними, которой они по праву заслуживают. Правительство только что израсходовало 300 млн новозеландских долларов на национальный музей, а это означает, что в ближайшее время оно

Приезжая студентка Элла Робертсон любит работу Тима Чадуика. Послушайте, как поют ангелы-предвестники во время посещения художественного собрания Университета Мэссей.

вряд ли будет вкладывать средства в университетские коллекции.

Хотя ближайшие перспективы университетских музеев вряд ли можно назвать многообещающими, все же есть ряд позитивных начинаний. В 1999 году Оклендский университет и Оклендский музей подписали соглашение о сотрудничестве. Им предусматривается обмен научным и хранительским опытом, предоставление в распоряжение друг друга своих коллекций, осуществление научно-исследовательских проектов и руководство студентами, а также возможность подготовки кадров. Оклендский музей уже заключил договоры с учеными университета, которые будут руководить созданием новых залов истории и участвовать в подготовке текстов для новых залов естественной истории, разъясняющих, как маори понимают мир природы. Такое сотрудничество позволяет сотрудникам университета доносить свои научные знания до новой аудитории и в то же время знакомит музей с результатами последних исследований. Оно также подтверждает большие ожидания музеев основной группы на то, что таким образом, по крайней мере косвенно, они смогут сохранить за собой свою традиционную исследовательскую функцию. Музей искусства и истории Ваикато в Гамильтоне пошел еще дальше. Он осуществляет программу "Историк, проживающий по месту службы": в одном из принадлежащих ему зданий живет и работает приглашенный исследователь, который будет заниматься изучением местной истории. Данная инициатива была единодушно одобрена научными сотрудниками Университета Ваикато.

Другим многообещающим шагом стало открытие в сентябре 1999 года Университетом Виктории в Веллингтоне специально построенной Художественной галереи Адама. Эта инициатива факультета истории искусства призвана оживить интеллектуальную жизнь университета путем ак-

центирования внимания на визуальных искусствах. Однако в задачу галереи входит также использование многодисциплинарных ресурсов университета, включая коллекции других факультетов, например коллекции геологических и ботанических образцов, классических древностей и материалов тихоокеанских островов, и организация интересных выставок, кураторами которых являлись бы или в которых принимали бы участие современные художники, а также преподаватели и студенты. Художественная галерея Адама не будет заниматься собиранием коллекции, но ее опытный персонал будет заведовать университетскими фондами, состоящими из примерно 200 художественных произведений, и пополнять их, а также внедрять новые стандарты в профессиональную музейную практику в рамках университета. Она также сможет сыграть ведущую роль в том, чтобы сделать университетские коллекции неотъемлемой частью более широкого музейного сообщества Новой Зеландии.

В настоящее время большинство университетских музеев не может проявить себя наилучшим образом в том, что касается заведования коллекциями. Кроме того, их возможности служить широкой публике весьма ограничены, однако они могут использоваться в работе с коллекциями прочные научные знания, что недоступно большей части музеев основной группы. Очевидно, что и университеты, и новозеландские музеи могут двигаться вперед, лишь опираясь на исторически сложившиеся партнерские отношения и новые связи. Соглашение между Оклендским университетом и Оклендским музеем также подсказывает направление такого движения, придерживаясь которого университетские музеи и коллекции сумеют добиться признания, успехов в области управления, обеспечить свою жизнеспособность и долговременное выживание, а также укрепить корпоративный дух среди сотрудников университета. ■

Выражение признательности. Авторы благодарны за помощь д-ру Гарри Аллену, профессору Джеймсу Белич, Данте Боника, Морин Ландер, д-ру Мере Робертс, Заре Станхоп, д-ру Т.Л. Родни Уилсону и Энтони Райту.

Примечания

1. Stuart McCutcheon (ed.), *Survey of University Databases, Collections and Archives*, Wellington, New Zealand Vice-Chancellors' Committee Standing Committee on Research, 1994.
2. Ian Whitehouse, *Science Database and Collection Issues: Oceans of Data, Vulnerable Collections, and Terabytes of Power — A Scoping Study*, Wellington, Ministry of Research, Science and Technology, 1998.
3. Ibid., Appendix 7.
4. *New Zealand Directory of Museums*, Wellington, Museums Aotearoa, 1998.
5. Mark Stocker, *Golden Atoms*, Christchurch, University of Canterbury Press, 1999.
6. Wilcomb E. Washburn, 'Museums and Repatriation of Objects in their Collections', in Agnes Tabah (ed.), *Native American Collections and Repatriation*, p. 122, Washington, D.C., American Association of Museums, 1993.
7. *Cinderella Collections: University Museums and Collections in Australia*, Canberra, Australian Vice-Chancellors' Committee, 1996; *Transforming Cinderella Collections — The Management and Conservation of Australian University Museums, Collections and Herbaria*, Canberra, Australian Vice-Chancellors' Committee, 1998.

Музеи при японских университетах в переходный период

Тацуфуми Киносита, Рё Ясуи
(Tatsufumi Kinoshita, Ryo Yasui)

Растущая осведомленность о неизученных, часто неиспользуемых богатствах японских университетов служит стимулом к их изучению университетскими музеями. Тацуфуми Киносита является научным сотрудником Института экспозиционного искусства и техники; с 1988-го по 1990 год был помощником хранителя Музея местной истории города Минато (Токио). Рё Ясуи — независимый координатор музейных ресурсов в Токио; в настоящее время читает лекции по музейным исследованиям в Университете Обирин (Токио). Тацуфуми Киносита и Рё Ясуи были соответственно редактором и заместителем редактора двухтомного издания Directory of Museums (том 1 — University Museums; том 2 — Children's Museums; Tokyo, Total Media Development Institute Co. Ltd, 1997/98).

В мае 1996 года, после крупнейшей реконструкции старого здания, построенного еще в 1966 году, вновь открыл свои двери Музей Токийского университета. Музей был расширен, возросла и численность его персонала. За это время музей провел ряд грандиозных выставок, первой из которых была *Characters in History* (сентябрь—октябрь 1996 года). За ней последовали *The History of Botanical Studies in Japan* (ноябрь—декабрь 1996 года) и *The Digital Museum* (январь—февраль 1997 года). Последняя экспозиция привлекла внимание средств массовой информации и публики новым представлением музея на основе технологии мультимедиа, что сильно отличалось от традиционного подхода. Цифровые световые панели, виртуальная галерея Золотого зала известного японского буддийского храма Хорюдзи, архитектурного сооружения древнейшего японского деревянного зодчества, автоматизированная система получения информации для посетителей в галереях, модель *doma-ku*¹, явившаяся результатом обработки огромного массива данных цифрового сканирования, — все это в мультимедийном исполнении можно было увидеть на выставке. По своей природе это был чистый эксперимент, походивший на коммерческое шоу высоких технологий. В честолюбивых замыслах музея — создание цифрового архива всей коллекции, насчитывающей около 6 млрд предметов. В Японии за реализацией этого плана следят с нескрываемым интересом.

Вскоре последовали грандиозные проекты и других университетских музеев страны. В мае 1997 года открыл свой музей Университет Киото. В старом музее истории культуры, принадлежавшем литературному факультету, появились отделения естественной истории и истории развития техники. Хотя выставки и лекции сейчас проводятся в старом здании музея, к 2001 году планируется открыть новое здание, в котором разместятся хранилища, экспозицион-

ные залы и исследовательские лаборатории этих двух новых отделений. Старое же здание музея останется полностью за отделением истории культуры. За столетнюю историю существования университета было собрано около 2,5 млн предметов, представляющих научный интерес, и новое здание музея призвано обеспечить доступ к ним. Университет Тохоку (Сендай) за свою 91-летнюю историю собрал 2,4 млн предметов. Часть его коллекций по естественному экспонируется в университетском Музее естественной истории, открывшемся в 1995 году. В 1998 году была создана комиссия по строительству нового университетского музея. В настоящее время работы идут полным ходом, хотя точная дата открытия музея пока не определена. В 1999 году открылся новый Художественный музей при Токийском национальном университете изобразительного искусства и музыки. В здании музея общей площадью 8720 м² будут проходить спектакли, концерты и художественные выставки. Этот музей, несомненно, станет одним из крупнейших среди университетских музеев Японии. В 2001 году распахнет двери своего нового музея общего типа Университет Хоккайдо; подобные планы есть и у университетов Кюсю, Нагои и Цукубы.

Частные университеты в Японии также проявляют заинтересованность в музеях. В 1998 году после глобальной реконструкции вновь открылись два музея Университета Васэда (Токио): Мемориальный театральный музей Цубоути и Музей восточного искусства Айдзу. Созданный еще в 1928 году Мемориальный театральный музей Цубоути является единственным музеем театрального искусства в Японии, который знаменит своими обширными коллекциями, посвященными видам японского классического театра ноо, бугаку и кабуки. Основу экспозиций Музея восточного искусства Айдзу составляют коллекции японского историка искусства Яити Айдзу (1881—1956). Реконструкция этих двух музеев — лишь первая

Постоянная экспозиция, посвященная 15-летней войне Японии в Азии и на Тихом океане. Киотский музей мира, Университет Рицумейкан.

часть плана Университета Васэда. В будущем предполагается строительство нового университетского музея. В 1992 году был создан Киотский музей мира при Университете Рицумейкан. Это единственный университетский музей, который посвящен исключительно теме мира. Вместе с Музеем памяти жертв Хиросимы и Музеем атомной бомбардировки Нагасаки он служит напоминанием всему миру о трагедии прошлого.

Несмотря на ошеломляющий успех Музея Токийского университета, было бы наивно полагать, что университетские музеи в Японии играют сколько-нибудь ведущую роль. К сожалению, ситуация здесь прямо противоположная. Нужно отметить, что музеи при университетах, особенно национальных, только сейчас выходят из длительного забвения. В Японии никто не стал бы спорить о необходимости библиотек при университетах, но в сознании людей места для музеев при университетах пока не находится. По сути дела, до недавнего времени термин "университетский музей" был знаком совсем немногим (как в университетской среде, так и за ее пределами).

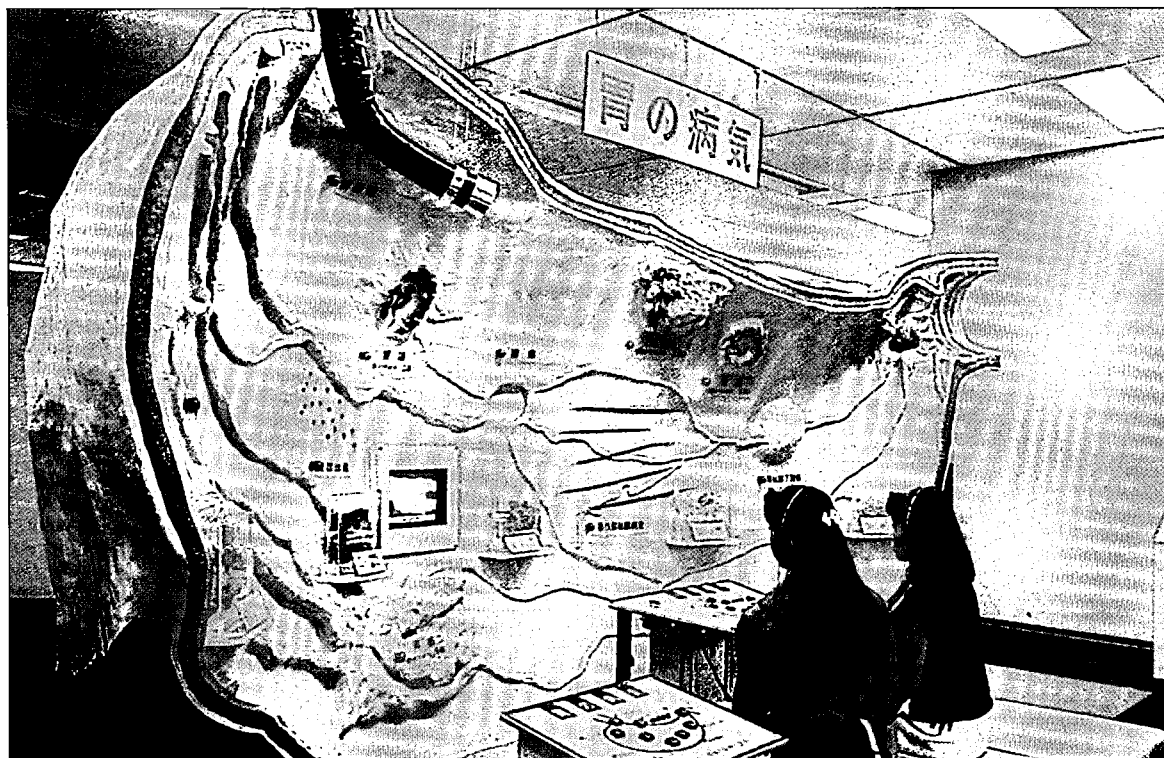
Напротив, почти каждый университет в Республике Корея имеет один или два музея. Это было предопределено государственной политикой в отношении университетов, проводившейся с 1967-го по 1982 год, когда

правительственным распоряжением каждому университету предписывалось создать музей площадью не менее 200 м². Эта норма действует до сих пор, и музеи играют там заметную роль. В Японии правительственные постановления требуют от университетов наличия библиотек, но в них ничего не говорится о музеях. Любопытно, что фармацевтическому факультету предписано содержать ботанический сад.

Факты и цифры

Согласно Своду правил об аккредитации музеев, включенному в Закон о японских музеях, в пункте об аккредитации музея говорится, что прошедший аккредитацию музей должен: иметь общую площадь не менее 132 м², коллекции, которые хранятся в соответствии с их классификацией, персонал, прошедший курс музейного хранителя² или обладающий соответствующим опытом, постоянные экспозиции и временные выставки, а также не менее ста дней в году он должен быть открыт для его посещения публикой. Хотя Музей Токийского университета и удовлетворяет всем основным положениям закона, он открыт для посетителей только во время проведения специализированных выставок. Поэтому он не получил государственную аккредитацию и, как следствие, не был включен в *Directory of Japanese Museums*³ [Справочник японских музеев], изданный Японской ассоциацией музеев.

Довольно сложно оценить количество университетских музеев, имеющих в Японии, так как данный тип музея переживает стадию становления. Согласно данным *Directory of Japanese Museums*, 59 университетов имеют 79 музеев. Поскольку в Японии насчитывается 1192 национальных, муниципальных и частных университета (604 университета и 588 колледжей с 2-летним сроком обучения), то только 5 процентов из них имеют музеи⁴. Из 124 национальных универ-

© Kawasaki Medical School

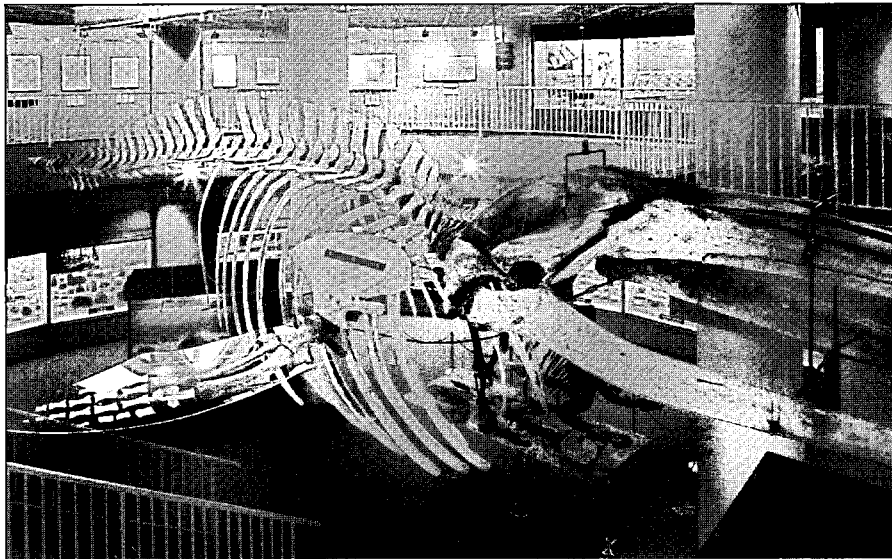
ситетов 16 имеют 25 музеев, в то время как только 3 из 121 муниципального университета имеют 4 музея. Что касается частных университетов (всего их 947), то здесь 40 университетов имеют 50 музеев. Таким образом, в среднем только каждый 20-й университет имеет музей, при этом процент последних чуть больше в национальных, нежели муниципальных и частных университетах. Имеющиеся 79 музеев могут быть классифицированы по следующим категориям: ботанические сады (10), естественная история (9), общего характера (6), техника и технология (5), аквариумы (2). Приблизительно 60 процентов (47 музеев) составляют исторические (35) и художественные музеи (12), причем большая их часть находится в студенческих городках частных университетов. С другой стороны, музеев естественных наук больше среди национальных университетов. Недостаток информации о размерах экспозиционных площадей затрудняет проведение сравнения. Однако на основе имеющихся данных о музеях, площади которых варьируют в диапазоне от 500 до 2 тыс. м² (два музея), можно сделать вывод, что большинство японских музеев при университетах являются относительно небольшими по сравнению с их авторитетными собратьями в Северной Америке и Европе.

В 1994 году Министерство образования провело обзор 553 университет-

ских музеев и коллекций, в результате которого было установлено, что 150 университетов владеют 413 объектами с коллекциями, представляющими научный интерес. Большинство сетовало на неудовлетворительные условия их хранения и недостаток квалифицированного персонала. На основе полученных результатов было подготовлено два доклада, представленных Совету по научной деятельности, члены которого назначаются премьер-министром. Первый доклад назывался "Руководство по цифровому документированию академических коллекций с помощью баз данных", второй — "Предложение по созданию музеев при университетах: сбор, хранение и использование академических коллекций". В последнем были рассмотрены основные принципы создания и поддержки университетских музеев в Японии. В частности, вот что говорится в нем об условиях, в которых сегодня находятся коллекции.

Академические коллекции собираются и растут по мере проведения научных исследований. Однако вследствие нехватки помещений для их хранения и персонала во многих университетских музеях сложилась неблагоприятная ситуация. В качестве примера можно привести случаи, когда коллекции хранились в рабочих кабинетах сотрудников и на них отсутствовала элементарная документация (этикетки и т.д.). Несмотря на то

Модель желудка. Учебный экспонат в музее Медицинского колледжа Кавасаки.

Скелет кита в Музее естественной истории Университета Тохоку.

что академические коллекции являются уникальными, попытки компьютерного документирования их предметов часто оканчивались неудачей. Иногда образцы оказывались безвозвратно утраченными по вине самих сотрудников. Вследствие таких неблагоприятных условий только ограниченное число людей располагают информацией о коллекциях и имеют доступ к ним. С другой стороны, доступ к документированным коллекциям для лиц со стороны также ограничен, так как часто нет ни справочной службы, ни отвечающей современным требованиям системы хранения. Иными словами, многие коллекции не могут быть использованы, несмотря на их научную и образовательную ценность. За редким исключением, условия содержания музейных коллекций в Японии по сравнению университетскими музеями западных стран могут быть охарактеризованы как крайне неблагоприятные. Это является препятствием на пути дальнейшего развития научных исследований и общества университетских музеев.

Конечно же все это прискорбно, однако принятые недавно меры, в основном национальными университе-

тами, направленные на становление или укрепление университетских музеев на основе государственных инициатив, вселяют некоторую надежду на будущее.

Проблемы и перспективы

Согласно обзору 1994 года в 450 университетах хранится около 25 380 000 предметов. Конечно, их реальное число больше, если учесть те учреждения, которые не приняли участие в обзоре, а также пока еще не документированные коллекции. Легко представить себе, что многие из таких коллекций, несмотря на их научную ценность, считаются “хламом”, как это произошло со старыми, вышедшими из употребления научными приборами, целый склад которых мы обнаружили в пустой аудитории одного национального университета. И этим “несчастливым” предметам была уготована судьба закончить свой путь в печи для сжигания мусора. Этот шокирующий опыт вынудил нас изучить возможности использования таких ранее игнорировавшихся источников для расширения музейных коллекций. Безотлагательная необходимость обратить внимание на университетские музеи предопределила составление соответствующего справочника³.

Япония является свидетелем быстрорастущих ожиданий в отношении университетских музеев как ценного ресурса в плане не только улучшения и сохранения важных научных коллекций, но и разработки экспозиционных, образовательных и информационных программ. Более того, междисциплинарная деятельность университетского музея могла бы преодолеть закоренелый бюрократизм, с которым приходится сталкиваться на многих факультетах и кафедрах японских университетов. К сожалению, сохранение, обеспечение преемственности и использование научных коллекций как важных ресурсов игнорировались еще со дня основания первого университета в период Мэйдзи

(1868—1912), и только в последнее время ситуация вокруг университетских музеев стала меняться.

В будущем университетские музеи ожидают немало трудностей. Первая проблема — это сокращение численности населения в стране, которое приведет к уменьшению численности молодежи и увеличению числа людей пожилого возраста. Стремясь соответствовать требованиям времени, университеты пытаются изменить свой стиль руководства, чтобы расширить возможности для непрерывного образования. Другая проблема — современная экономическая ситуация в Японии, так как затянувшийся кризис отражается и на университетах. К тому же в апреле 1999 года правительство приняло решение об изменении методов руководства своими национальными музеями и галереями, выведя их из-под своей опеки и переведя на хозрасчет. На это ушло три года. Национальные университеты также, судя по всему, будут вынуждены в течение нескольких лет научиться опираться на собственные силы. Таким образом, нынешняя нестабильная ситуация в экономике сулит университетам и их музеям беспокойные времена. Недостаток квалифицированного персонала также сдерживает деятельность музеев. Академические исследования в музеях ведутся из рук вон плохо. В японских университетах не читается ни одного специального курса по музеологии, консервации, планированию выставок, музейному образованию, информатизации музея и музейному менеджменту. Студентам читают только самый общий и довольно примитивный курс по основам хранительской работы и вводные курсы в различные теории. Наконец, ввиду отсутствия в бюджетах японских национальных университетов отдельной статьи, предусматривающей расходы на выставки, их организация и проведение не могут быть учтены в смете текущих расходов. Персонал муниципальных музеев, несомненно, нашел бы этот факт невероятным.

Тем не менее в 1998 году была создана группа музеев при национальных университетах, первое заседание которой прошло в Киотском университете. Хотя на нем был представлен только 21 музей, ожидается, что группа, секретариат которой находится в Музее Токийского университета, будет играть ведущую роль в развитии японских музеев при университетах. На 18-й Генеральной конференции ИКОМ (Мельбурн, 1998) по инициативе д-ра Питера Станбери из Университета Маккуори в Сиднее была сформирована группа, призванная учредить новый международный комитет по университетским музеям. Такая глобальная инициатива, несомненно, должна способствовать развитию университетских музеев в Японии. ■

Примечания

1. Бронзовые колокола — *дотаку* — были отлиты в Японии в эпоху культуры *яёи*. Их высота варьировала от 20 или меньше сантиметров до чуть более одного метра.
2. По данным Ассоциации университетских курсов хранителя музея (председатель — д-р Юдзи Като, Университет Кокугакуин, Токио), в стране насчитывается около 250 университетов (включая колледжи с 2-летним сроком обучения), которые предлагают двухгодичные курсы подготовки хранителей музея. После их окончания выдается сертификат, необходимый при приеме на работу на должность хранителя музея.
3. *Zenkoku-hakubutsukan-soran* [Справочник японских музеев], Tokyo, Gyosei, 1998.
4. *Directory of Japanese Schools*, Tokyo, Hara-shobo. 1998.
5. *Directory of Museums, Vol. 1: University Museums, Institute of Exhibition Art and Technology*, Tokyo, Total Media Development Institution Co. Ltd, September 1997.

От кампуса к городу: университетские музеи в Австралии

Сью-Энн Уоллис
(Sue-Anne Wallace)

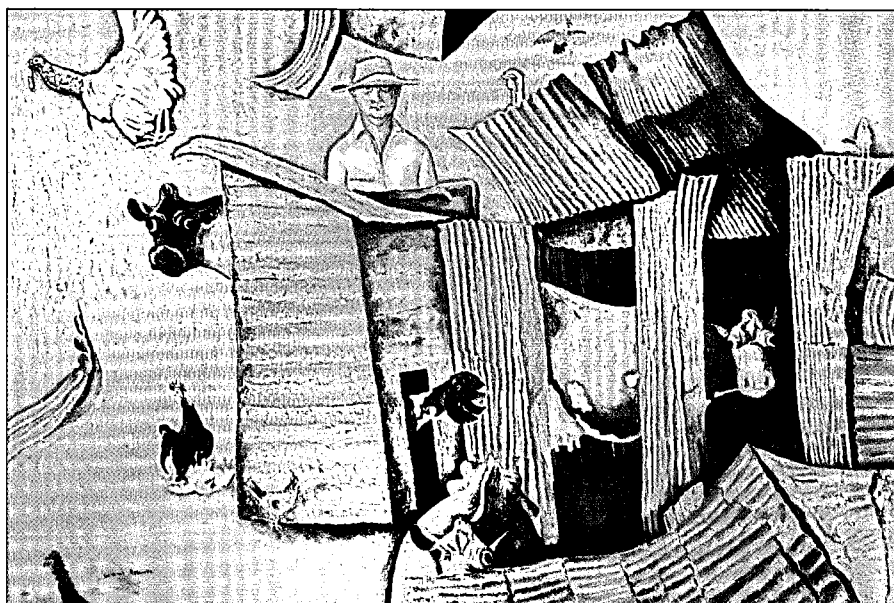
Два слова сегодня определяют будущее уверенное развитие университетских музеев в Австралии: кампус и город. Сью-Энн Уоллис объясняет, как формировались их взаимоотношения и что они означают для будущего. В последнее время автор статьи руководила курсом занятий по Программе управления музеями в Мельбурнской школе бизнеса (Мельбурнский университет). До июля 1999 года возглавляла Программу музейного образования и хранения в Музее современного искусства и исполняла обязанности директора музея с конца 1998 года. С 1996 года она являлась президентом Музеев Австралии и была членом ряда советов и комитетов, связанных с университетами и культурным сектором, включая Австралийскую сеть по изучению туземной культуры и Фонд столетия конституции. В последнем случае ее роль заключалась в том, чтобы культурные проблемы принимались во внимание в ходе дискуссий по вопросам конституции и республики, которые ведутся в Австралии.

Когда первый доклад Комитета по обзору музеев при австралийских университетах был опубликован в 1996 году под заголовком *Коллекции-золушки: университетские музеи и коллекции в Австралии*, было идентифицировано 44 коллекции искусства, изобразительного искусства и скульптуры из 256 музеев и собраний. Некоторые из этих собраний не располагали сотрудниками для работы с этими коллекциями в течение полного рабочего дня, в то время как самое крупное учреждение того времени, Музей искусства Мельбурнского университета, имел около 14 сотрудников и 10 тыс. единиц хранения. Однако этим пространством исследованием, проведенным для Комитета вице-канцлеров австралийских университетов, не было охвачено одно из наиболее открытых для публики университетских собраний, а именно — Музея современного искусства (МКА) в Сиднее. Он имел более 40 сотрудников, занятых полный день, коллекцию, насчитывающую 8 тыс. единиц хранения, и три этажа экспозиционных залов (площадью приблизительно 2500 м²). Этот пробел был восполнен во втором обзоре, названном *Преобразование кол-*

лекций-золушек: управление и сохранение музеев, коллекций и гербариев при австралийских университетах (1998). Однако благодаря этому упущению была выявлена одна головоломная проблема, стоящая перед университетскими музеями и коллекциями. С одной стороны, они стремятся расширить свою аудиторию и даже принимают решительные меры, чтобы выйти за пределы кампуса, сохранив при этом интеллектуальные и финансовые связи музеев и коллекций с университетским кампусом. С другой стороны, они не хотят ограничивать отношения музея с городом и корпоративными кругами.

Музей современного искусства был основан в 1989 году как некоммерческая компания Сиднейским университетом при содействии правительства Нового Южного Уэльса. К 1996 году он заметно отличался от других университетских музеев, созданных ранее на педагогическом факультете, получив перед ними заметное преимущество благодаря выгодному расположению в центральной части города в районе гавани. Его основание стало возможным благодаря наследству, оставленному Сиднейскому университе-

Уильям, Джозефин и другие.
Картина австралийского художника
Уильяма Робинсона. Масло. 1984 год.
Художественный музей
Квинслендского университета
техники.

© Queensland University of Technology Art Museum

ту эмигрантом, австралийским выпускником Джоном Уорделлом Пауэром. Его последняя воля, изложенная в его завещании 1939 года и ставшая известной двадцатью двумя годами позднее, после смерти его вдовы, состояла в следующем:

Я дарю и завещаю оставшуюся часть моей [доли]... Сиднейскому университету штата Новый Южный Уэльс в целях основания факультета изобразительных искусств в этом университете или для дополнительного пожертвования такому факультету, если он уже существует... Это сделает доступными для народа Австралии новейшие идеи и теории в области пластических искусств путем организации лекций и обучения и приобретения произведений искусства, созданных в мире в последнее время, а также организации школ, лекционных залов музеев и других мест в целях проведения таких лекций и обучения, а также надлежащего размещения приобретенных произведений, чтобы народ Австралии мог непосредственно соприкоснуться с самыми последними достижениями в области искусства в других странах.

В 1904 году Пауэр окончил Сиднейский университет по специальности “медицина”, но всю свою жизнь он оставался художником; умер в 1943 году на Нормандских островах. Вторая мировая война еще не была завершена, и о щедром пожертвовании, сделанном им его альма-матер, было неизвестно вплоть до года, последовавшего за смертью г-жи Эдит Пауэр. С 1962-го по 1965 год условия завещания и его значение являлись предметом обсуждения в среде юристов. Тем не менее в 1965 году была достигнута устраивавшая все стороны договоренность относительно намерения Джона Уорделла Пауэра, что позволило основать Пауэровский институт современного искусства. В 1967 году был назначен его первый профессор, австралийский историк

искусства Бернард Смит. Что касается музея, то, хотя первые произведения для его коллекции были приобретены в 1967 году, вплоть до 1988 года он оставался временной галереей на территории университета, которая могла демонстрировать одновременно только часть принадлежавшего ему собрания.

Укрупнение коллекций и их экспонирование стали приоритетной задачей для профессора Вирджинии Спейт, утвержденной в 1979 году директором Пауэровского института. В 1983 году хранители Леон Паруассьен и Бернис Мерфи получили назначение в музей, известный как Пауэровская галерея. Они понимали, что должны прежде всего найти для нее более “публичное” место, как это подразумевалось в завещании Пауэра. Однако без помощи дальновидного правительства штата Новый Южный Уэльс вряд ли было бы возможным создать музей в таком удобном со всех точек зрения месте.

В 1984 году лейбористское правительство штата Новый Южный Уэльс под руководством Невилла Рана объявило о своем намерении предоставить здание на Секьюлар-ки для художественной галереи Пауэровского института. Прошло еще пять лет, прежде чем правительство, на этот раз уже либеральное, возглавляемое Ником Грейнером, официально передало в 1989 году Сиднейскому университету здание, в котором в прошлом располагалась штаб-квартира Департамента морской службы. Это была настоящая удача, и работы по реконструкции пошли полным ходом. Административное здание надо было переделать так, чтобы в нем можно было экспонировать крупные произведения современного искусства и осуществлять педагогическую деятельность, как это было указано в завещании Пауэра.

Одиннадцатого ноября 1991 года Музей современного искусства открылся для публики. Это важное событие

было одинаково отмечено правительством, университетом и музейным сообществом, поскольку открытие ознаменовало собой успешное завершение почти 30-летних усилий по лоббированию этого проекта университетом и представителями искусства. Однако завещание Пауэра, несмотря на всю его щедрость, с самого начала было обусловлено реализацией двух целей, которые со временем вступили в явное противоречие между собой.

Завещание Пауэра послужило толчком к основанию как Пауэровского института современного искусства, так и Пауэровской галереи, которые вместе образуют Пауэровский институт. Первый был преобразован в Центр искусства и визуальной культуры, а вторая — в Музей современного искусства (МКА). В то время как первый по-прежнему располагается в кампусе Сиднейского университета, Музей современного искусства размещается примерно в 10 километрах южнее, на Секьюлар-ки. Новое местоположение позволило МКА повысить свой публичный статус и отдаленность стала носить не только физический, но и финансовый характер, так как средства, получаемые по завещанию Пауэра, постепенно отвлекались на другие цели и музею не доставались. В сложившихся условиях он был вынужден изыскивать средства для покрытия 90 процентов своих годовых эксплуатационных расходов. Это удалось сделать благодаря выгодному местоположению музея, предопределившему установление связей с корпоративным сектором города и привлечение солидных спонсоров. Новому процветанию музея способствовала поддержка «Сауткорп уайнс», одного из самых значительных корпоративных спонсоров всех австралийских музеев. В результате этого появилась трехгодичная программа ‘Seppelts Contemporary Art Awards’. Однако этот источник финансирования держал музей в постоянном напряжении, порой не без ущерба для его деятельности.

Цельность и международный характер

Коллекции Музея современного искусства отражают ту обстановку, в которой он создавался, и включают собрание Пауэра, содержащее произведения, которые были куплены до образования в 1989 году компании, и собрание МКА, приобретенное после 18 мая 1989 года. К 1998 году коллекции МКА насчитывали примерно 8 тыс. единиц хранения, из которых 3500 предметов относилось к собранию Пауэра, а 4500 — к собранию МКА.

Собрание Пауэра включает более 1100 произведений Джона Уорделла Пауэра, который посвятил свою жизнь искусству, а не медицине, в области которой он получил образование. Они были переданы по его завещанию в 1961 году. Среди них 329 картин, дающих представление о его творчестве как художника, которое еще ожидает своих исследователей и достойно отдельных публикаций. Коллекция, включающая 217 произведений из Рамингининга на севере полуострова Арнемленд (Северная Территория), была куплена для собрания в 1984–1985 годах. Это главным образом живописные произведения на коре и тканые изделия. Остальные предметы из собрания Пауэра, более 2 тыс. единиц хранения, включают произведения, приобретенные хранителями собрания: Гордоном Томсоном (1967), Элвином Линном, художником и хранителем (1968–1983), а также Леоном Паруассьеном и Бернис Мерфи (1984–1989). В 1968 году небольшую роль в приобретении произведений сыграл профессор Бернارد Смит. Тот факт, что на протяжении более чем 20-летнего периода ответственность за приобретение произведений для собрания была сосредоточена в руках пяти лиц, придал собранию Пауэра целостный и международный характер. Эта тенденция была нарушена только после назначения Паруассьена и Мерфи, которые начали покупать современные произведе-

дения австралийских художников и активно искать для собрания памятники туземного искусства.

В период с мая 1989-го по 1998 год собрание МКА формировалось Леоном Паруассеном (ушел в отставку с поста директора в 1997 году) и Бернис Мерфи (главный хранитель до 1997 года, директор в 1997 году, ушла в отставку в 1998-м), автором труда *Museum of Contemporary Art: Vision and Context* (Museum of Contemporary Art, Sydney, 1993). Поступления включали две позднейшие коллекции туземного искусства, коллекцию Арноттс (273 живописных произведения на коре, в том числе работы известного художника Иравала, подаренных музею “Арноттс бискит компани лимитед”) и коллекцию Манинграйда, состоящую из 560 предметов, включая скульптуру, тканые изделия и живопись на коре. Последней коллекцией музей распоряжается на правах доверительной собственности, которая принадлежит аборигенам поселения Манинграйда на полуострове Арнемленд. Принятие на себя туземными художниками и музеем совместной ответственности за коллекцию стало возможным благодаря уникальному соглашению, заключенному МКА в 1990 году. Оно гарантирует установление культурных связей с жителями Манинграйда и содействие обеими сторонами развитию отношений, основанных на доверии и взаимном уважении культурных интересов сторон. Одна из выдающихся австралийских коллекций современного искусства, коллекция Сморгон, дар мельбурнских коллекционеров и меценатов Лоти и Виктора Сморгон, поступила в 1995 году. Входящие в нее 149 картин значительно дополнили коллекцию австралийских произведений, сформированную Паруассеном и Мерфи. Вторая частная коллекция, имеющая международный характер, — это коллекция Колдора из 143 картин, скульптур и произведений, выполненных на бумаге. Она находится в музее на временном долгосрочном хранении. Джон Колдор вы-

© The Museum of Contemporary Art, Sydney

полнял роль президента компании в 1998 году.

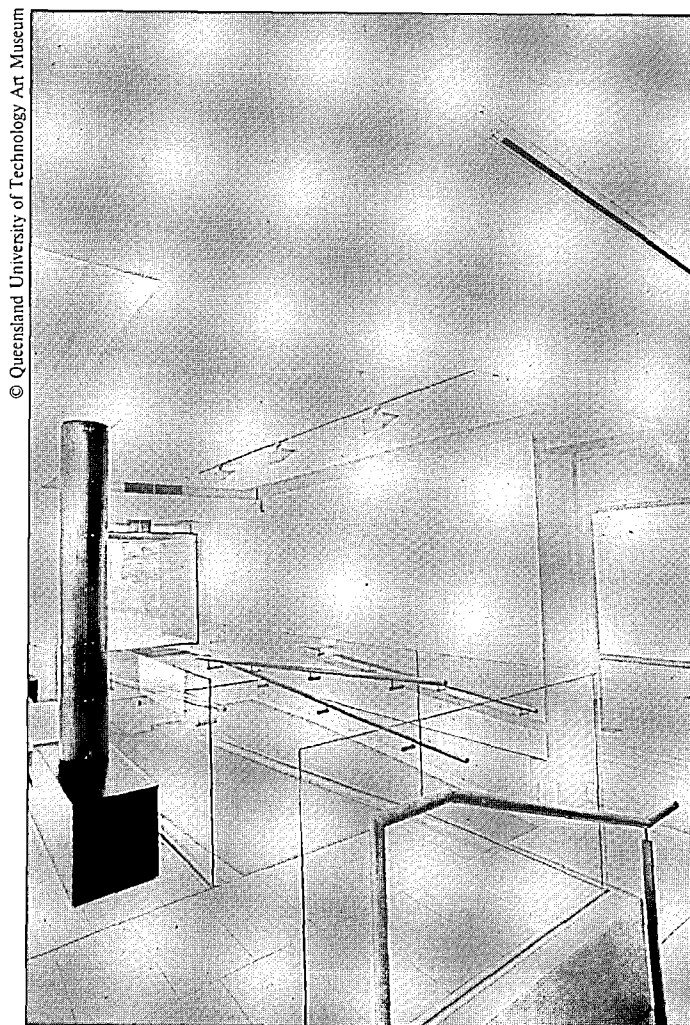
Музей современного искусства, Сидней.

Уникальной особенностью собрания МКА является Архив современного искусства. Он насчитывает около 2 тыс. единиц хранения, которые начиная с 1990 года были получены в дар и куплены. Они отражают интеллектуальные и концептуальные поиски австралийских художников в процессе работы над своими произведениями. Эта коллекция должна особенно заинтересовать исследователей, поэтому ее приобретение художественным музеем университета является весьма уместным.

Более тысячи других произведений, как австралийских, так и зарубежных, входят в собрание МКА. Вместе взятые, коллекции МКА располагают значительными фондами разнообразных произведений искусства, значительных работ и произведений выдающихся художников. Здесь представлены такие австралийские мастера, как Майк Парр, Хуан Давила, Имантс Гиллерс, Питер Тиндалл, Йиравала, а также многие крупные зарубежные художники, в том числе Ребекка Хорн, Колин Маккахон, Роберт Лонго, Георг Базелиц, Жан Тингели, Элен Франкентанлер и Гилберт, а также Джордж.

Маркетинговое различие

Ключевые элементы в деятельности музея заключаются в определении

© Queensland University of Technology Art Museum

*Художественный музей
Квинслендского университета
техники, самый новый
художественный музей в Австралии.*

того места, которое культурное учреждение занимает в общественном сознании; в объяснении роли маркетинга как широкой, так и узкой аудитории; в показе самобытности музея, целей его основания, назначения его коллекций и его истории. Один из отцов-основателей МКА, Сиднейский университет, старейший в Австралии (создан в 1850 году), бесспорно, внес решающий вклад, содействуя утверждению его репутации и признанию нового учреждения. Кроме того, в момент своего открытия МКА являлся единственным публичным художественным музеем, связанным с университетом, равно как и Сиднейский университет был единственным университетом, основавшим музей в общественной зоне. Это не означает, что у других университетов не было своих музеев. МКА отличается от них тем, что он был учрежден с небывалым размахом и располагается за пределами университетского городка. В издание *Коллекции-золуш-*

ки 1996 года вошли 44 художественные коллекции.

Многие коллекции австралийских университетов предназначены скорее для внутреннего, чем внешнего использования. Однако, будучи размещены в зданиях своих университетов, они в большей степени призваны доставлять зрительное удовольствие, чем содействовать научным изысканиям. Из числа других университетских художественных музеев, которые более привлекательны для широкой, чем академической, аудитории, два находятся в Перте, штат Западная Австралия (Художественная галерея Лоренса Уилсона в Университете Западной Австралии и Художественная галерея Джона Кертина в Университете Кертина); три — в Мельбурне, штат Виктория (Музей искусства Иана Поттера в Мельбурнском университете, Художественная галерея университета Монаш и Галерея РМИТ в Королевском мельбурнском институте техники); один — в Канберре, Территория федеральной столицы (Галерея Дрилл-Холл, Австралийский национальный университет), и два — в Аделаиде, штат Южная Австралия (Художественный музей университета Южной Австралии и Художественный музей университета Флиндерс Южной Австралии). Из этих учреждений только одно — Художественный музей университета Флиндерс — организовало в 1997 году городской филиал, дополняющий его помещения в кампусе. Этот маленький второй участок (длиной 90 м) позволяет Художественному музею университета Флиндерс принимать передвижные выставки, а также дважды в год демонстрировать свои университетские коллекции. Из вышесказанного ясно, что Музей современного искусства выделяется среди других художественных музеев при университетах своей непохожестью на них.

Правительство Нового Южного Уэльса, второй так называемый отец-основатель МКА, предоставило ему участок, занимающий особое место в

истории европейского вторжения на континент и последующей колонизации туземных земель Австралии. На территории, примыкающей к гавани, где некогда проживали аборигены народа эора, теперь находится Музей современного искусства. Именно здесь 26 января 1788 года был поднят государственный флаг Великобритании и провозглашено британское право собственности на земли аборигенов, называемые теперь Австралией. С середины 1980-х годов МКА сформировал значительные коллекции туземного искусства, однако туземная визуальная культура не заняла достойного места в его маркетинговой политике, несмотря на ее присутствие в его экспозиционных программах.

МКА определил свое место в культурной жизни Сиднея, а фактически и Австралии, как национального музея современного искусства. Он преследует цель добиваться соответствия между новейшими достижениями в области современного искусства и представлениями и смелыми идеями любителей искусства. Изучение аудитории в 1996 году показало, что посетителями МКА были “молодые состоятельные специалисты, живущие в прилегающих предместьях”, которые считают МКА “действительно современным, дружелюбным, спокойным, дерзким, привлекательным и несущим энергетический заряд” музеем.

Отсутствие в названии Музея современного искусства имени Пауэра нанесло серьезный удар по принципам, на которых он был основан. Университет счел для себя возможным отстраниться от финансовой поддержки созданного им музея, полагая, что музей, размещаемый в городе, способен сформировать собственную финансовую базу с помощью патронажа и спонсорства. Дела, однако, обстоят иначе. Когда МКА обнародовал свой финансовый отчет за 1998 год, он фактически объявил о нехватке средств на последующий год. Не-

смотря на активную в художественном отношении деятельность: показ тринадцати международных и австралийских выставок, организацию представлений, лекций и всевозможных мероприятий, — возросшая зависимость от спонсоров в сочетании с более суровым финансовым климатом и увеличившейся конкуренцией в культурном секторе оказалась для музея непосильной нагрузкой. В сентябре 1999 года Элизабет Энн Магредор из Бирмингема (Великобритания) была назначена новым директором. Ведутся переговоры между правительством Нового Южного Уэльса и руководством Сиднейского университета относительно их финансовых обязательств по обеспечению будущего МКА. Правительство штата предоставило одноразовую субсидию в размере 750 тыс. австралийских долларов, чтобы музей продолжал пополнение своих коллекций в 1999 году. Будущее МКА может быть брошено на чашу весов. С конца 1998 года в обществе ведется дискуссия относительно его роли, тем не менее существует мощная общественная поддержка Музея современного искусства в Сиднее. Предстоит определить, будет ли он по-прежнему связан с Сиднейским университетом.

В 1988 году в Мельбурнском университете открылось одно из самых последних зданий университетских художественных музеев — здание Музея искусства Иана Поттера, принявшее университетские художественные коллекции, которые были собраны начиная с основания университета в 1853 году. Вновь созданный музей известен как Музей Поттера, это имя неразрывно связывает его с Фондом Иана Поттера, известного основателя и покровителя музея и других университетских проектов. Музей находится на краю кампуса и выходит на Суонстон-стрит, одну из деловых улиц Мельбурна. Это весьма символично, поскольку он опирается на поддержку двух миров, от которых зависит его надежное будущее и развитие, — кампуса и города. ■

Университет и универсальность в Бельгии

Бернар ван ден Дрисше
(Bernard van den Driessche)

Университетский музей Бельгии может служить моделью учреждения такого типа, тесно связанного с университетским сообществом, благодаря которому он возник в целях удовлетворения его потребностей. Однако постепенно оно уступает место учреждению, которое стремится обслуживать более широкую публику. Тем не менее этот процесс носит неравномерный характер и не получил повсеместного распространения, как объясняет Бернар ван ден Дрисше, администратор Музея Лёвен-ла-Нев (Католический университет Лёвена), в создании которого в 1979 году он принимал участие. Будучи с 1992-го по 1995 год вице-президентом Национального комитета ИКОМ Бельгии, он координировал выпуск нескольких номеров La vie des musées (Жизнь музеев), издания франкоязычной Ассоциации бельгийских музеев. В настоящее время он является президентом ассоциации Музеев и общества Валлонии, созданной в 1998 году.

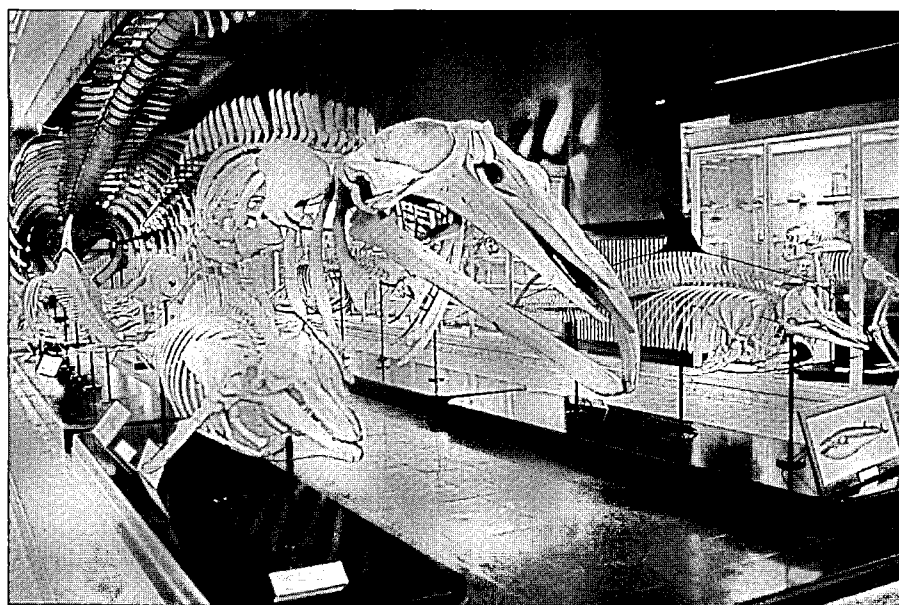
Вопрос о связях между городом и университетом или, точнее, университетским музеем и неуниверситетским сообществом касается не только Бельгии, поэтому мы проиллюстрируем его путем сравнения с музеями двух других стран. Это поможет читателям провести параллель с более знакомой ситуацией в их собственной стране.

Монреаль, 1996 год: Университет Макгилла, Музей Редпата. В центре этой двуязычной столицы Квебека, на Шербрук-стрит-Уэст, находится университетский кампус, который органично вписывается в окружающую городскую застройку. В отдельном здании, расположенном около главного входа в кампус, размещаются и хранятся в надлежащих условиях коллекции африканской этнографии, египетской археологии, минералогии и биологии. Посетители бывают удивлены, узнав, что вход в музей бесплатный: от них лишь требуется при входе записать свои имена в книге посетителей. В вестибюле развернута временная выставка, посвященная 175-летию университета; она показывает, как с течением времени изменялась студенческая жизнь. На столе разложены брошюры, рассказывающие о программе “семинаров открытия”, которые проводятся для информирования семей. Лицо, отвечающее за этнографические коллекции, дает понять, с какой неохотой университетское руководство вынуждено открывать музей для более широкого посещения. Хотя музей находится на территории города и сотрудничает с другими учреждениями музейного типа путем организации научного сотрудничества и услуг по предоставлению экспонатов на временное хранение, он воспринимается окружающими как заповедник для ученых, а не как дружелюбное по отношению к публике учреждение.

Амстердамский университет, 1997 год: Музей Алларда Пирсона. Музей занимает помещения, некогда принадлежавшие Нидерландскому банку,

в самом центре города, рядом с вокзалом, вдали от других университетских построек, в окружении административных зданий и магазинов. Такое местоположение позволяет ему участвовать в динамичной жизни района. С момента своего преобразования в музей, когда здание было полностью переоборудовано в соответствии с новым назначением, это учреждение служит воплощением живого музея, пользующегося всемирной известностью благодаря его ценной коллекции средиземноморской археологии, которая часто показывается на временных выставках. Когда в 1972 году мы посещали музей в его прежних помещениях, открывшихся в 1934 году, он очень напоминал Музей Редпата в Монреале. Полное изменение произошло в 1976 году, когда теперешний музей был торжественно открыт принцессой Беатрикс.

Возникает вопрос: давит ли на университетские музеи, расположенные в городах или в кампусах, бремя возраста создавших их академических учреждений? Превратились ли они в своего рода витрины, открытые для общества, которое их окружает? Решатся ли они принять вызов, брошенный им странной ситуацией, в которой они оказались, будучи одновременно учреждениями как университетскими (лабораториями по подготовке студентов в соответствующих областях знания), так и городскими (открытыми для публики для продолжения образования, местами культуры, проведения досуга, получения удовольствия)? Готовы ли университеты рассматривать свои музеи как учреждения, обеспечивающие контакты с обществом? В связи с этим должны ли они предоставлять им финансовые и людские ресурсы, необходимые для выполнения данной миссии, и в то же время исполнять свои обязанности как хранителей коллекций? Вот вопросы, на которые мы попытаемся найти ответы, рассмотрев ситуацию с музеями и коллекциями при бельгийских университетах.

© Ulg

Три музея, расположенных во французской общине Бельгии, на территории района Брюсселя и Валлонии¹, и два других, находящихся во фламандской части страны, дают представление о неоднозначности сегодняшней ситуации и о решениях, которые более или менее обдуманно были приняты каждым из учреждений. Учитывая небольшие размеры страны, мы должны иметь в виду, что расстояние между этими различными учреждениями редко превышает 80 километров.

Льеж: там, где встречаются искусство и история

Льеж — это город искусства и истории на берегах реки Маас, прошлое которого связано со славой и огромной властью князей-епископов. Находящийся здесь Государственный университет был открыт в 1817 году, его здания расположены как в центре города, так и в кампусе Сарт-Тильман, в который он переехал в 1965 году. Образовательная цель университетских коллекций, преимущественно научного характера, была сформулирована в указе 1816 года Вильямом I, королем Нидерландов (частью которых в то время являлась Бельгия). Им предписывалось скомплектовать коллекции, которые служили бы наглядными пособиями при изучении курсов, читавшихся во вновь созданных университетах.

Университетская зоологическая коллекция, которая с годами постепенно пополнялась хранителями, теперь стала Музеем зоологии. Аквариум Марселя Дюбюиссона также был расширен, и в соответствии с соглашением, подписанным университетом и муниципалитетом, он стал центром по обслуживанию самой широкой публики, в частности школ.

В 1996 году, после принятия первых туристических проектов, поддержанных Европейским фондом регионального развития (ЮРДФ), Государ-

ственный университет Льежа торжественно открыл Обсерваторию мира растений (Observatoire du Monde des Plantes). Она представляет собой комплекс оранжерей площадью 2000 м² и призвана привлекать широкую публику. Обсерватория расположена в кампусе Сарт-Тильман, на холмах, возвышающихся над городом, и прекрасно вписывается в свое окружение. Университету также принадлежит Музей под открытым небом, современное искусство которого приражает природу и архитектуру. Он был создан в конце 60-х годов, когда часть университета была переведена в другое место, с целью сохранения природной среды, которая могла быть разрушена в результате новой застройки территории. В этом проекте приняли участие ряд ландшафтных архитекторов, которые сумели достичь гармонии между новыми зданиями и окружающим лесом. Этот музей стал плодом сотрудничества двух учреждений, Министерства французской общины и организации “Университет и город”, и теперь он предлагает маршрут “открытый”, который знакомит примерно со ста работами.

Коллекции, хранящиеся в старых университетских зданиях около Площади XX августа, в центре города, еще не располагают общественными зонами, которые могли бы быть постоянно открыты для публики, как это делают многие другие музеи Льежа. Эти собрания включают художественные коллекции университета, Галерею Виттерта (старая и современная живопись), в которую входят редкие

*Аквариум Дюбюиссона
в Государственном университете
Льежа.*

предметы, например гравюры, монеты и медали, африканскую этнографическую коллекцию, а также Музей доисторической эпохи. Научная деятельность университета также осуществляется в двух других учреждениях — Доме науки и планетарии.

Университет Льежа располагает широким рядом музейных объектов, которые дают довольно полное представление о его разнообразных возможностях. Они связаны с коллекциями, уже открытыми для широкой публики, и культурными ценностями, для экспонирования которых нужны дополнительные помещения, что сделает их также доступными для посетителей.

Брюссель: шокирующее разнообразие богатства

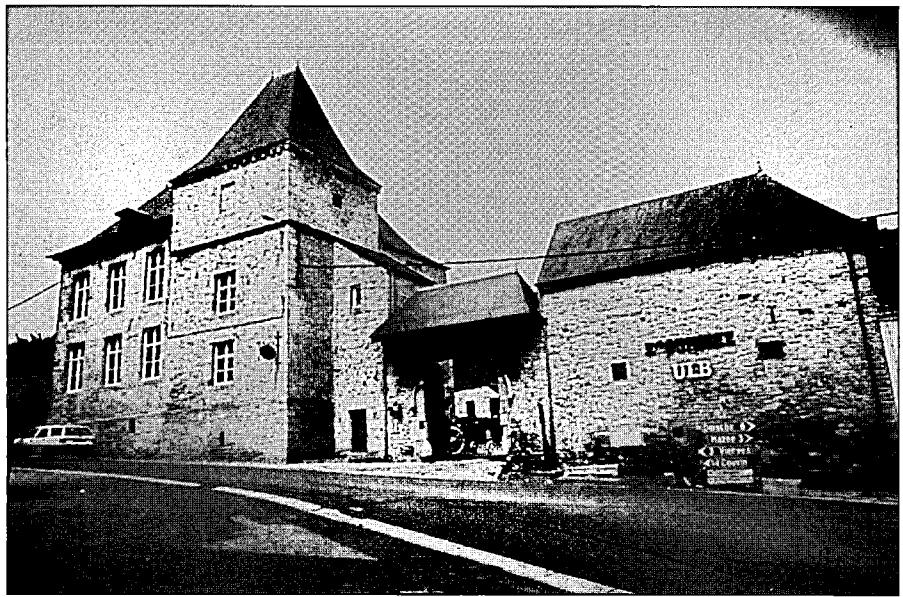
Свободный университет, основанный в 1834 году в столице Бельгии, ставшей ныне столицей Европы, предлагает большое разнообразие музейных объектов, для которых характерен такой феномен, как «сателлизация». К ним относится Музей науки в Паранвилле, Экомузей в районе Вируан-Трень, Музей медицины и Зоологический музей Огюста Ламера. Сюда же входят используемые в учебных целях коллекции, например лекарственных растений, образцов мрамора, миниатюрных моделей оборудования горнодобывающей промышленности, анатомических образцов и человеческих эмбрионов, географических карт и редких книг, а также предметы изобразительного искусства из коллекции бельгийского писателя Мишеля де Гельдерода.

Музеи, возникшие в результате осуществления наиболее успешных музеографических проектов, размещаются на территории Валлонии, относительно далеко — по бельгийским стандартам — от университетского кампуса. Музей науки в Паранвилле расположен в предместье старого промышленного центра Шарлеруа. Эко-

музей Вируан-Трень, находящийся в ста километрах от Брюсселя, объединился с другими местными музеями и учреждениями, связанными с туризмом, в попытке оживить сельские районы, покинутые исконным населением, где отмечается высокий уровень безработицы. Перемещение этих университетских учреждений отвечает провозглашенной университетом цели — объединить жителей Валлонии, многие из которых являются сотрудниками университета или его студентами. Действия университетского руководства отражают его ясное стремление к большей открытости. С помощью этих учреждений университет устанавливает более обширные связи с городскими районами, переживающими последствия экономического спада, и сельскими районами, где отсутствует культурная инфраструктура.

Музей науки в Паранвилле — при организационной поддержке некоммерческой связанной с университетом ассоциации «Цель: исследования» — сумел стать центром по распространению научной культуры среди людей всех возрастов, при этом многие из его культурных мероприятий рассчитаны на учащихся средней школы. Он делает акцент на интерактивности и обучении с помощью игры, гарантируя научную точность своих экспозиций (например, *Что значит быть компьютерно грамотным, Аспирин, Эрнест Солуэй и его время, Вселенная и жизнь, Мир муравья* и т.д.).

Экомузей разместился в хозяйственном доме замка, включенного в список старинных памятников, в деревне Трень. Он использует свои коллекции, а также фотографии и графические материалы для раскрытия таких тем, как механизация сельского хозяйства в период с 1800-го по 1950 год, изготовление сабо, разработка шиферного сланца, добыча мрамора и кладка печей, которые рассказывают о традиционной технике местных ремесленников, теперь уже забытой. Он сотрудничает с музеями дру-

© ULB/Treignes

гих типов, такими, как Musée du Malgré Tout (частный музей доисторической археологии, также размещающийся в деревне Трень), Музей парового двигателя в Марьенбуре и музее Espace Arthur Masson, недавно созданный в Валлонии и названный по имени местного писателя. С их помощью Экомузей помогает возродить жизнь в районе, который был практически покинут населением около 20 лет назад, и привлечь туристов даже в такие отдаленные части страны. Однако отсутствие сколько-нибудь реального участия местного населения на различных этапах разработки и осуществления этого проекта делает затруднительной его классификацию как экомузея в точном смысле этого слова. Удаленность таких музеев означает, что они редко посещаются людьми из университета и фактически отрезаны от своей альма-матер.

Два других университетских музея, расположенных в Брюсселе, в меньшей степени вовлечены в отношения между университетом и местным населением. Хотя Зоологический музей по традиции больше рассчитан на школьные группы, он остается главным образом средством обучения студентов. Музей медицины был открыт в 1995 году в здании госпиталя при университетском комплексе, находящемся в кампусе Эразма, на другом конце города. Он пытается навести мосты между медицинским факультетом и публикой и использовать свои коллекции, чтобы показать, как развивались медицинские концепции с древнейших времен до наших дней.

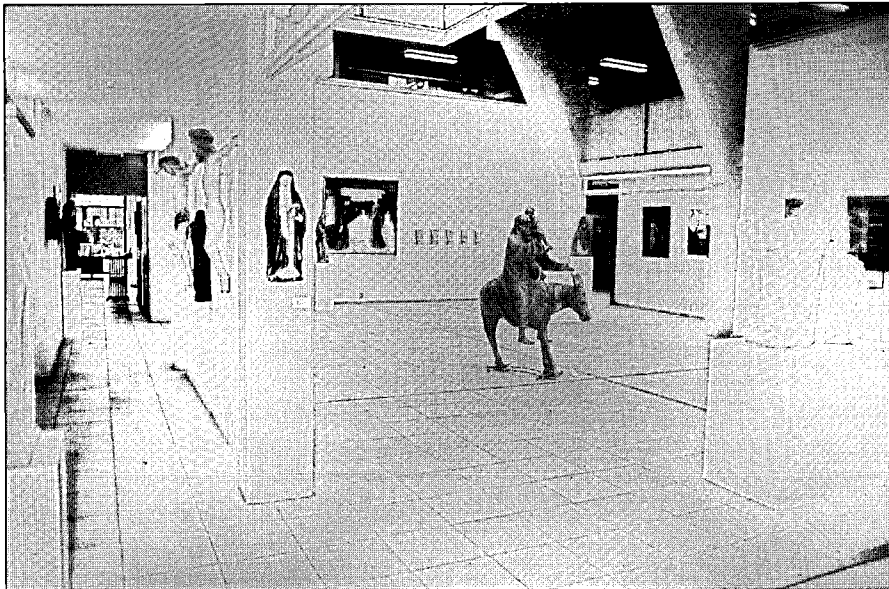
Лёвен-ла-Нев: градообразующий университет

Совершенно иначе обстоит дело с Католическим университетом Лёвена, история которого восходит к 1425 году. В силу политических и языковых причин он был вынужден покинуть свое прежнее место в городе Лёвен (Лувен) во фламандской провинции Брабант. В 1972 году этот франко-

язычный университет создал новый город с пробуждающим воспоминания именем Лёвен-ла-Нев. Это единственный университет, благодаря которому возник целый город на некогда сельскохозяйственных землях, и первый и единственный в Бельгии университетский музей, открытый для публики. Он входит в состав факультета археологии и истории искусства и был открыт в ноябре 1979 года. Университетский город, спроектированный так, чтобы людям было удобно в нем жить, а потому полностью пешеходный, связан с общиной Оттиньи, вместе с которой он образует независимый муниципалитет Оттиньи-Лёвен-ла-Нев. Сейчас в нем насчитывается 30 тыс. жителей, из которых 15 тыс. составляют студенты. Начались работы по строительству крупного центрального торгового пассажа с кинокомплексом. Учитывая расположение города всего в 30 километрах к юго-востоку от Брюсселя, новый торговый центр будет привлекать в него еще больше посетителей. В настоящее время Музей Лёвен-ла-Нев занимает в центре города пространство площадью в 1 тыс. м² на первом этаже здания факультета философии и искусств.

На первом этапе музей активно участвует в деятельности факультета археологии и истории искусства, который предлагает местному населению целый ряд временных выставок. Эти многочисленные выставки, развернутые рядом с постоянными экспозициями или даже внутри них, способствовали своевременной разработке концепции диалога между искусством и культурой. Художественные, археологические и этнографические коллекции, собранные исключительно

Ферма-замок в деревне Трень, где размещается Экомузей района Вируан, входящий в состав Свободного университета Брюсселя.

Вид главного зала музея
Католического университета Лёвена
в Лёвен-ла-Нев.

благодаря дарам и завещанным предметам, на формирование которых повлияла эта оригинальная концепция, приобрели такое значение, что в марте 1999 года университетское руководство утвердило проект строительства отдельного здания. Его проектирование было поручено бельгийской фирме по проведению комплекса архитектурно-строительных работ "Филипп Самин энд партнерс". Выбранный участок находится на площади Мэн, рядом с кинокомплексом и около Театра Жана Вилара, известного далеко за пределами Бельгии. Новый музей, официально известный как Музей диалога, занимает площадь в 4 тыс. м². Это позволит ему еще более эффективно выполнять взятую на себя роль крупного культурного центра и популяризатора университета.

Не вдаваясь в детали его истории, следовало бы отметить, что признание значимости музея как городом, так и университетом сопровождается изменением того места, которое он отныне занимает в университетской структуре. Из простого организма, зародившегося внутри факультета, он стал вполне зрелым учреждением, обеспечивающим научную поддержку наравне с университетскими библиотеками. Он подчиняется непосредственно университетскому руководству и управляется административным советом, в состав которого входят видные представители не только университета, но и культуры, а также местных, провинциальных, ре-

гиональных и общинных органов власти. В течение 20 лет музей играет ведущую роль в важном деле создания новой среды, объединяющей университет и созданный им город. Некоторые временные выставки, подготовленные совместно со студенческими организациями, помогли установить связи с соседними городками в целях решения проблем местного наследия. Кроме того, музейная мастерская консервации и реставрации охотно откликается на просьбы тех, в ведении кого находится местное светское и религиозное наследие, например она постоянно сотрудничает с Королевским институтом художественного наследия.

Создание в 1989 году службы информационных технологий и выпуск начиная с 1993 года вспомогательных мультимедийных программ делает Музей Лёвен-ла-Нев эталоном на национальном и даже европейском уровне. Внедрение средств информационных и коммуникационных технологий, полностью разработанных музеем (компакт-диски, мультимедийные справочные терминалы, Web-сайт), также доказывает, что важная роль музея признается самим университетом. Более того, усилиями небольшой музейной команды, прошедшей специальную подготовку, был разработан проект ЭОЛЕ (дистанционный доступ к мультимедийной информационной системе данных о бельгийском наследии).

Музей также служит своеобразным эталоном для города, где все создается заново или еще находится в процессе создания. Он не ограничивает свою деятельность территорией ее на весь город, переживающий постоянные изменения. Музей Лёвен-ла-Нев всегда стремится создать для города и университета среду, в которой публика могла бы наслаждаться свободой и творчеством благодаря контакту с различными видами искусства, представленными в постоянной экспозиции или на временных выстав-

ках, в частности в области современного искусства.

В этом отношении музей отличается от учреждений, упоминавшихся выше. Он участвует в обсуждении идеи, выдвинутой Патриком Дж. Бойланом на первом семинаре, посвященном университетским музеям, который состоялся в Аликанте в 1997 году: «Наиболее важным представляется тот факт, что благодаря динамичным программам временных выставок и показа коллекций, особенно современного искусства, художественные музеи при университетах все больше воспринимаются как ценный инструмент для всего университетского сообщества и широкой публики, а не только для специалистов из области академической науки»².

Католический университет Лёвена обладает другими коллекциями, к которым публика имеет более ограниченный доступ. К ним относятся биологические коллекции Музея жизни (используемые студентами и по заявкам — учащимися начальной и средней школ), коллекция фармацевтических сосудов, собранных в зале Куврер в Волюве (Брюссель), и сад современной скульптуры, созданный в 1987 году.

Фламандская община

Два университета, расположенных на фламандской территории Бельгии, обладают менее богатыми коллекциями, и тем более они не имеют музеев, открытых для публики. Католическому университету Лёвена (Katholieke Universiteit Leuven), основанному в 1425 году в столице провинции фламандского Брабанта, принадлежат довольно значительные коллекции художественного, археологического и африканского этнографического наследия, но он еще не имеет музея. Государственный университет Гента (Rijksuniversiteit Gent) располагает богатой коллекцией археологического и этнографического наследия, которая собиралась еще со

времени его основания в 1817 году. Однако он не продвинулся в своих действиях дальше стадии проектирования музея, несмотря на прямо противоположные заявления. Правда, эти два города, движимое и недвижимое историческое наследие которых характеризуется исключительным богатством, ничего не теряют от такого положения дел. Факультет университета св. Игнация, с 1965 года размещающийся в Антверпене, имеет в дополнение к весьма престижному наследию отдел гравюр, в основном посвященных истории города. Однако посетители могут получить доступ к ним, только подав предварительную заявку в Отель ван Льер, патрицианский дом начала XVI века.

Типично бельгийская ситуация?

Хотя коллекции и музеи бельгийских университетов находятся на относительно близком расстоянии друг от друга, они отличаются не только по типу, размеру и структуре, но и тем, как они развивались в рамках своих родных университетов. Очевидно, что за многие годы сложилось несколько систем в зависимости от условий, в которых формировались эти учреждения. В некоторых случаях отсутствие университетского музея, несмотря на существование крупных коллекций, могло объясняться наличием в городе богатого наследия и музеев, так что у университета не было стимула заниматься изучением своего наследия в интересах и без того пресыщенных горожан (Лёвен, Гент и Антверпен). Другим фактором могло стать отсутствие в этих университетах существенных перемен, связанных, например, с их расширением или частичным переводом в новый кампус.

Примеры Льежа, когда университет был частично переведен на окраину города в Сарт-Тильман, и тем более Университета Лёвен-ла-Нев (перенесение на новое место всего университета и основание нового города) демонстрируют решимость и даже

необходимость предупредить опасное создание университетского гетто. Очевидно, что именно художественные коллекции, доступные широкой публике, помогают добиться этой цели, и это убедительно подтверждается многочисленными примерами в Северной Америке. Позиция, занятая Свободным университетом Брюсселя при создании на другой территории музея науки и экомuzeя, отражает особую бельгийскую ситуацию, при которой музей выходит за пределы своей сферы деятельности, хотя данная тенденция получает распространение и в других странах.

Таким образом, на момент создания университетских коллекций цель заключалась в том, чтобы университет имел их в своем распоряжении исключительно для собственного использования в качестве эталонных коллекций, предназначенных для исследований и обучения. Однако последующее развитие университетов заставило сделать накопленные ими знания, результаты исследований и часть принадлежащего им наследия доступными более широкой публике. Пример Бельгии ясно показывает, что ключевой вопрос состоит не в том, размещены ли музей или университетские коллекции в кампусе или за его пределами, в университете или в городе. Действительно важное значение имеют отношения, которые руководители и организаторы культурной деятельности этих учреждений устанавливают с общиной за пределами университета, не утрачивая при этом признания и уважения университетского сообщества, состоящего из студентов, преподавателей, исследователей, администрации, лаборантов и рабочих. Как учреждения, открытые для публики, музеи делают реальной встречу двух различных миров, которые не располагают обширными возможностями для создания благоприятной среды, где люди могут с удовольствием общаться и узнавать друг друга. Это полностью проясняет смысл высказывания Патрика Дж. Бойлана, приведенного выше.

Суть дела заключается в том, что средства, имеющиеся в распоряжении музеев, часто не оправдывают ожиданий тех, кто отвечает за них. Принимая во внимание этапы развития, через которые проходят все музеи, университетские музеи должны, как и другие, находить свежие решения, касающиеся финансирования, приобретений, рекламных кампаний и т.д. По крайней мере у них есть то преимущество, что они принадлежат создавшему их учреждению, участвующему в развитии новых информационных и коммуникационных технологий³. Бельгийский музей в Лёвенла-Нев — прекрасный тому пример. Более того, развитие средств информационной технологии, широко поддержанное организацией “Друзья музея”, повысило престиж музея внутри самого университета. Создание каталожных баз данных, например в австралийских музеях, и разрабатываемые в настоящее время европейские проекты (в Норвегии или Испании) ясно показывают ценность вклада исследований, осуществляемых в университетских музеях. Все это подвело нас к пониманию того, что вопрос о характере отношений между городом и университетом уже не актуален и что нам опять следовало бы задуматься о взаимосвязи “университет — универсальность”.

Примечания

1. *Guide des musées. Bruxelles-Wallonie* [Музейный путеводитель. Брюссель — Валлония]. Ministry of the French Community of Belgium, 11th issue, 1997, 453 pp.
2. Patrick J. Boylan, ‘Universities and Museums: Past, Present and Future’, pp. 11–21. Доклад был представлен на первом семинаре, посвященном университетским музеям, Аликанте, 1997 год.
3. Адрес бельгийских музеев в Интернете: <http://www.muse.ucl.ac.be/museum/Musebe.html>

“Форум ЮНЕСКО — университет и наследие”

Джонатан Белл
(Jonathan Bell)

Уникальный проект, осуществляемый ЮНЕСКО и университетами всего мира, которые объединили усилия по охране культурного наследия, — тема статьи Джонатана Белла, выпускника Гарвардского университета и Сорбонны, имеющего большой научный и практический опыт работы с буддийскими фресками в Китае и на Тибете. Как консультант ЮНЕСКО, он помогал в разработке и претворении в жизнь ряда проектов по культурному наследию, особенно проекта Форум ЮНЕСКО — университет и наследие. В настоящее время Джонатан Белл продолжает обучение в аспирантуре Колумбийского университета.

В мире есть немало удивительных мест, связанных с историей, традициями и жизнью целых народов и представляющих их культурное наследие. Созданные человеческим гением или самой природой, они являются живым напоминанием о прошлом, которое уже никогда не сможет повториться. Они рассказывают нам о достижениях и системах ценностей целых цивилизаций, переносят нас в древние эпохи.

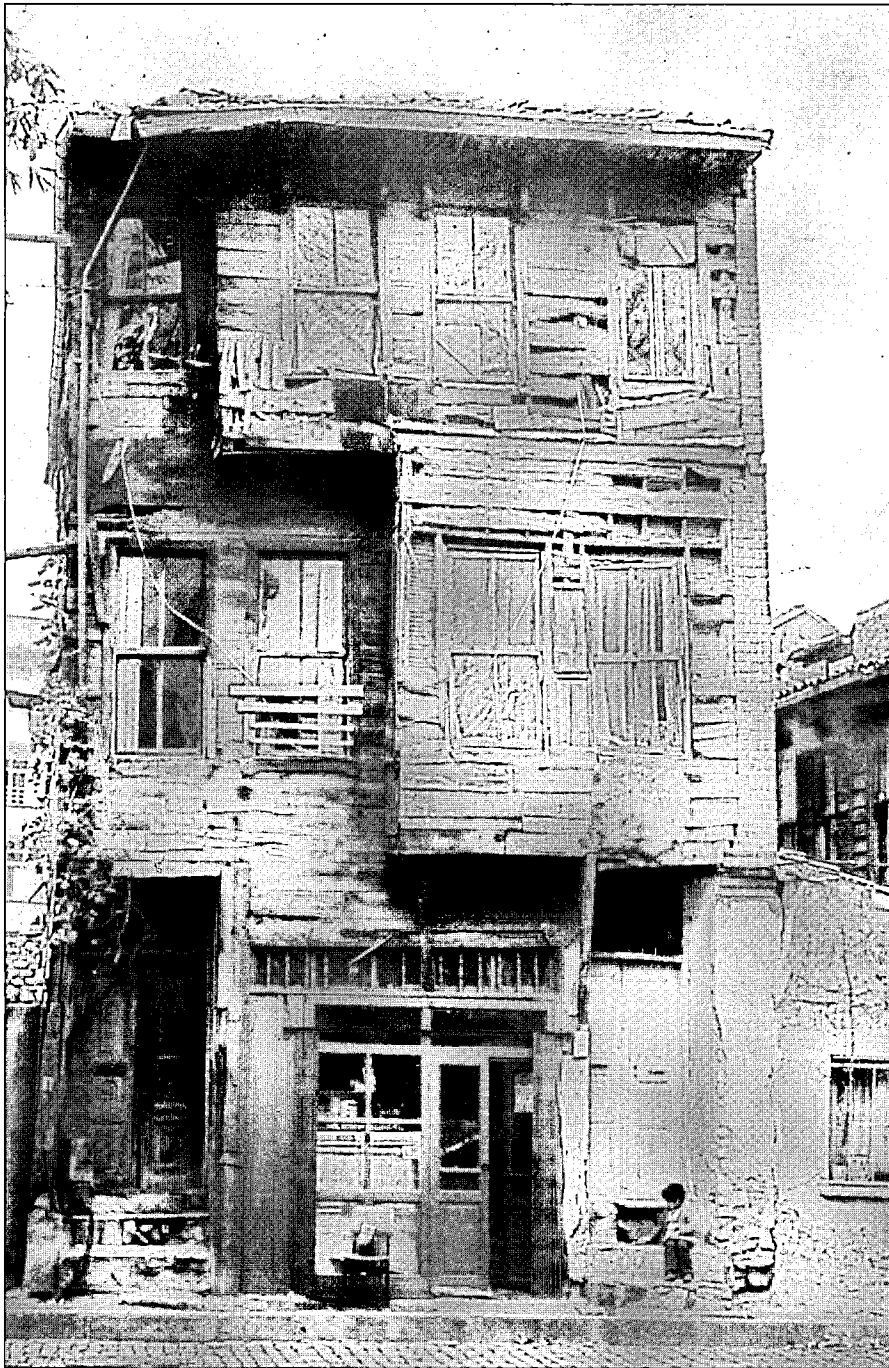
Вместе с планетой стареют и памятники прошлого, которые неразрывно и глубоко связаны со всей историей человечества. Разрушительное действие загрязнения окружающей среды, повсеместной урбанизации и стихийных бедствий в сочетании с нашим пренебрежительным к ним отношением привели к угрожающему состоянию этих памятников, в том числе природных, которое способно вызвать лишь отчаяние. Угроза их полного исчезновения вполне реальна. И если мы хотим сохранить для будущего то, что нам досталось от прошлого, необходимо наше экстренное вмешательство.

Одно только число исторических мест и памятников культуры делает задачу организации мероприятий по их охране трудноразрешимой. По мере того как специалисты продолжают работать в направлении достижения намеченных целей, как кратко-, так и долгосрочных, становится все более очевидным, что имеющиеся ресурсы, то есть опыт, технологии и финансовые возможности, явно недостаточны. Тем не менее большая часть этих ресурсов, необходимых для разработки и выполнения проектов по сохранению и реставрации, сосредоточена в многочисленных высших учебных заведениях. Эти проекты, направленные на улучшение состояния культурного наследия, могут в свою очередь предоставить студентам университетов и других специализированных учебных заведений ценную возможность для получения практической подготовки и стать источни-

ком дополнительного финансирования извне. Необходимо развивать взаимовыгодное сотрудничество между специалистами в области охраны наследия и музейными профессионалами и их университетскими коллегами.

Несмотря на столь очевидную естественную взаимосвязь, так уж сложилось, что между государственными и частными источниками финансирования, с одной стороны, и специалистами в области защиты культурного наследия — с другой, традиционно существовала пропасть. Проект Форум ЮНЕСКО — университет и наследие возник в результате стремления объединить все имеющиеся технические, людские и финансовые ресурсы университетов и с помощью международных скоординированных действий, направленных на сохранение мирового культурного наследия, преодолеть этот разрыв. Созданный в 1996 году по случаю проведения международной встречи в Валенсийском политехническом университете (Испания), Форум ЮНЕСКО представляет собой сеть университетов, цель которой состоит в вовлечении студентов и преподавателей в активную работу по сохранению культурного наследия. Как единственное учреждение ООН, уполномоченное заниматься сохранением всемирного культурного наследия, ЮНЕСКО признает свою роль учредителя такой сети и содействует ее развитию. Форум ЮНЕСКО создавался ЮНЕСКО совместно с Международным научно-исследовательским центром по консервации и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ), Международным советом по памятникам и достопримечательным местам (ИКОМОС), Международным советом музеев (ИКОМ), Международной федерацией ландшафтных архитекторов (ИФЛА) и Международным союзом архитекторов (ИУА) в целях сохранения культурного наследия.

В международной базе данных, установленной в Валенсийском политех-

Проект реставрации старых деревянных зданий Стамбула увидел свет на встрече *Форум ЮНЕСКО – университет и наследие* в Мельбурне.

ническом университете, содержится информация о курсах, готовящих для работы с культурным наследием (археология, хранение, консервация, музеология и т.д.), знакомящих со специалистами в этой области и различными осуществляемыми проектами. Массив данных, доступных любому заинтересованному лицу, уже способствовал значительному сплочению реставраторов, консерваторов и других специалистов, занимающихся культурным наследием. Для студентов, надеющихся набраться опыта и

принять участие в реставрационных проектах во всех уголках нашей планеты, это также чрезвычайно важный ресурс. С учетом этих обстоятельств Валенсия стала центром, связывающим университеты и учреждения, занимающиеся сохранением, консервацией и реставрацией культурных ценностей на шести континентах. Учебные заведения, участвующие в этом процессе, как правило, осуществляют обширную учебную работу и полевые исследования по соответствующим дисциплинам. Связь между ними поддерживается через группы студентов и преподавателей.

Возможно, более интересными и важными, чем база данных, являются ежегодные встречи, организуемые разными университетами, которые занимаются проблемами сохранения наследия. Специалисты и представители учебных заведений с удовольствием участвуют в таких конференциях, где можно обсуждать методы реставрации, обмениваться мнениями и разрабатывать проекты, которые дадут реальные результаты. Каждый год они привлекают все больше участников, что свидетельствует о популярности и успешной работе *Форума ЮНЕСКО*, связывающего университеты с другими учреждениями. Но дело не ограничивается только лишь ростом числа участников. Каждое мероприятие завершается принятием целого ряда соглашений и проектов, служащих примером международного сотрудничества университетов.

Например, третья международная конференция *Форум ЮНЕСКО – университет и наследие* (Мельбурн, 1998) собрала более 140 представителей от различных университетов и учреждений всего мира. Они обсуждали проблемы сохранения наследия и утверждения проектов, призванных улучшить сохранность памятников прошлого. На конференции, проходившей в Университете Дикина, преподаватели, деканы, ректоры и студенты вновь подтвердили свое желание

и дальше работать над этой проблемой. За пять дней работы конференции участниками было подписано около 25 совместных проектов и программ по улучшению состояния культурного наследия.

Пятого—шестого июля 1999 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже прошла встреча ректоров университетов, участвующих в проекте *Форум ЮНЕСКО — университет и наследие*. На ней присутствовало 95 представителей различных учебных заведений из 31 страны. Президенты, ректоры и деканы университетов работали вместе с правительственными чиновниками и представителями неправительственных организаций. Основное место заняло обсуждение текущих и долгосрочных проблем проекта, при этом акцент был сделан на программах по более широкому информированию публики и лиц, ответственных за формулирование политики, о важности усилий по сохранению культурного наследия. Гарвардский университет, например, ознакомил участников с уже реализуемым проектом по подготовке правительственных чиновников по вопросам, связанным с проблемой культурного наследия в государственном и частном секторах. Университет предлагает членам конгресса США курс обучения, который позволил бы им лучше понять проблемы городов и сохранения наследия. Гарвард также заинтересован в координировании семинаров по проблемам урбанизации и наследия на международном уровне.

Неопровержимое доказательство

За четыре года существования *Форума ЮНЕСКО* его участники одобрили и завершили составление внушительного списка проектов по сохранению и реставрации исторических мест и памятников по всему миру. Пенджабский университет в Пакистане провел углубленное исследование истории проектирования и создания ландшафта садов Шалимара близ

Лахора (Пакистан) и разработал детальный план по их сохранению и благоустройству. В марте 1999 года Университет Хаверьяна в Боготе (Колумбия) провел международный семинар по реставрации форта Сан-Фернандо-де-Бокачика, который в настоящее время включен в Список всемирного наследия. Совсем недавно, в июне 1999 года, Университет Лунда (Швеция) совместно с Университетом Йилдиз (Турция) начал работы по реставрации старых деревянных зданий Стамбула. Этот осуществляемый полным ходом проект, появившийся на свет на встрече в Мельбурне, демонстрирует преимущества сотрудничества между различными учебными заведениями.

Другой проект, уже давший положительные результаты, был одобрен на второй международной конференции *Форум ЮНЕСКО — университет и наследие*, проходившей в Университете Лавалья в Квебеке (Канада). Проект предусматривал проведение конкурса на изготовление рекламного проспекта и логотипа для пропаганды Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (ЮНЕСКО, 1970 год). Этот конкурс проводился совместными усилиями Колледжа художественного проектирования Саванны (штат Джорджия, США) и ЮНЕСКО; поступили сотни заявок от молодых людей со всего мира. После принятия окончательного решения Конвенция 1970 года будет иметь свой логотип, который также будет способствовать ее популяризации.

Эффективность *Форума ЮНЕСКО* заключается в взаимовыгодном сотрудничестве его участников. Работа бок о бок облегчает важный обмен знаниями, “ноу-хау” и ресурсами, от которого выигрывают все стороны. Такой обмен не только осуществляется от начала и до конца реализации конкретного проекта, но и способствует будущему сотрудничеству и

заостряет внимание на насущных проблемах культурного наследия. Примером того, как международные и межучрежденческие связи приводят к качественному скачку на местах, является Университет Буэнос-Айреса в Аргентине. Здесь в настоящее время создается национальная база данных о проектах по наследию, методах реставрации и т.д. В сентябре 1999 года университет организовал семинар по восстановлению старых зданий с целью их дальнейшего использования, на котором обсуждались новые технологии в данной области. Особый акцент был сделан на важности междисциплинарного сотрудничества при проведении таких работ и участии общества. Опыт, приобретенный Университетом Буэнос-Айреса на встречах *Форума ЮНЕСКО*, пригодился ему дома.

Находясь на пороге нового тысячелетия, мы не должны забывать о прошлом. Наша планета преподнесла немало уроков человечеству за все время его существования, о чем свидетельствуют многочисленные отметины на ее поверхности. Археология рассказала нам о величии исчезнувших цивилизаций и подвигах наших предков. Памятники и другие сохра-

нившиеся творения человека являются образцами техники и физическими свидетельствами о людях и событиях давно минувших дней, которые иначе бы были просто забыты. Наследие, тающее с каждым днем, — это достояние всего рода человеческого.

По мере того как все больше исторических памятников подвергаются опасности и требуют экстренного вмешательства в их судьбу со стороны мирового сообщества, организации, борющиеся за их спасение в одиночку, испытывают растущую нехватку времени и ресурсов. Только совместными усилиями можно решить эту проблему. Грамотное планирование и сотрудничество — вот что может сохранить памятники, представляющие исключительную ценность для истории культуры всего человечества. *Форум ЮНЕСКО* был задуман в целях организации встреч специалистов и представителей обществности по обмену новыми идеями и подходами. Его создание основывалось на уверенности в том, что с помощью международного междисциплинарного сотрудничества в сочетании с государственным образованием и поддержкой мы сможем гарантировать выживание нашего прошлого в будущем. ■

Управление музеем длиной в 120 километров

Артур Жиллет
(Arthur Gillette)

Как вы управляете учреждением, которое можно назвать самым длинным музеем в мире? Артур Жиллет решил выяснить это самым простым из возможных способов: надев на плечи рюкзак, он прошел пешком около 70 километров вдоль многочисленных остатков Римского вала, или Адрианова вала (и ряда созданных на их месте музеев), который первоначально тянулся через всю Англию с востока на запад, от Северного моря до залива Солуэй-Ферт. Отважный путешественник Артур Жиллет был главным редактором Международного журнала "Museum", а после своего ухода на пенсию в 1998 году стал независимым автором, пишущим на темы культурного наследия и истории Парижа.

Адрианов вал (Hadrian's Wall) был построен примерно в течение десяти лет начиная со 122 года нашей эры. Он был призван "разделять варваров и римлян" (*История императоров*, хроника IV века), то есть служить пограничным барьером между Британией, колонией Римской империи, и каледонскими воинами, совершавшими набеги с севера. Сегодня вал располагается южнее границы между Англией и Шотландией и тянется практически параллельно ей.

Вал, имеющий в среднем около четырех метров в высоту и трех метров в толщину, был построен по частям легионерами, которые вырезали на его каменной кладке надписи, едва заметные до сих пор. Через каждую тысячу шагов в нем были сделаны помилые укрепления, между ними — сторожевые башни, с которых подавали сигналы (дым — днем, сигнальные огни — ночью), и 17 фортов, вмещавших несколько сот солдат каждый. Фундаменты многих из этих конструкций существуют до сих пор. Согласно подсчетам, для возведения вала потребовалось добыть, перевезти и установить на месте 30 млн облицовочных камней; стоимость осуществления такого крупного проекта в современных ценах составила бы около 5,5 млрд долларов.

За прошедшие столетия природа нанесла валу серьезный урон, повредив или разрушив его в некоторых местах. Кроме того, камень из вала разворовывали на протяжении 1600 лет со времени падения Римской империи. Вдоль моего маршрута куски камня встречались в том числе во многих фермерских межевых стенах, сложенных без раствора, в небольшом средневековом монастыре Лейнеркост (его местоположение около Адрианова вала было предопределено стремлением облегчить такое повторное использование камня) и в самой большой отдельно стоящей сельской убожной, которую я когда-либо видел.

Тем не менее большая часть вала с вспомогательными постройками еще существует, потому что он проходит по малонаселенным участкам великопленной сельской местности, иногда пролекая по неприступным скалам. Почти повсюду можно видеть, как он извивается вдали, тянется по горам, по долам, подобно некоему бесконечно длинному морскому змею. Иногда он почти теряется в зарослях утесника европейского, но лишь для того, чтобы величественно открыться взгляду несколькими метрами дальше.

Такой приметный памятник не мог не оказать влияния на местные географические названия. Я встретил такие топонимы, хранящие память о далеких временах, как Wallsend, Walltown, Burnt Walls, Chesters (от латинского слова *castra* — лагерь) и Stanegate (от древнеисландского слова, обозначающего "каменная дорога"). Последний топоним напоминает о римской транспортной магистрали, которая проходила южнее вала.

Понятно, что удивительный Адрианов вал ежегодно привлекает сотни тысяч посетителей, число которых увеличилось более чем на 50 процентов начиная с середины 70-х годов, и теперь каждый год около 1,25 млн человек знакомятся с этим памятником. Одни задерживаются здесь всего на несколько часов, другие проходят большие расстояния вдоль всего вала. Какое воздействие оказывает на вал постоянно растущее число туристов? "Все больше и больше мусорят, — отмечает Фрэнк Бам, сотрудник, отвечающий за содержание и обслуживание памятника. — Нельзя не упомянуть об ущербе, причиняемом тем, что туристы стирают камень своей обувью. Хотите верить, хотите нет, но, несмотря на то что везде расставлены доски с объявлениями, запрещающими взбираться на вал и прогуливаться по нему, многие пренебрегают этим запретом. В результате каменная кладка расшатывается. Кроме того, имеют место случаи вандализма, встречаются охотни-

Адрианов вал тянется по горам, по долам; лучше всего знакомиться с ним во время пеших прогулок; некоторые участки могут посещать и инвалиды.

ки за сувенирами, выламывающие камни”.

Как решать эти проблемы? “Было бы настоящим позором огораживать вал, поскольку посетители получают удовольствие оттого, что имеют возможность прикоснуться к нему, — говорит Фрэнк Бам. — Так или иначе люди должны учиться больше узнавать о нем и таким образом относиться к памятнику с большим уважением”. Именно здесь в дело вступает музей.

“Гладиаторов 4, львов 2”

Представление и интерпретация Адрианова вала — таковы функции или, если хотите, основные цели не менее десятка различных музеев, которые находятся вдоль вала или на пути его прохождения. Не был забыт ни один из 12 официально признанных интересных участков вала, главным образом фортов и помильных укреплений. Кроме того, здесь имеются центры интерпретации и сотни указателей, ряд которых дан на французском, немецком и английском языках. По мнению Адама Слейда, генерального менеджера Центра посетителей Бердосуолд-Форт, “без многочисленных пояснительных экспозиций вал был бы всего лишь грудой камней — расположенной рядами, беспорядочно соединенными между собой, то есть бессмыслицей!”

Городской музей Талли-Хаус в Карлайле является одним из тех мест, которые знакомят с валом, если вы начинаете осмотр его остатков с запада. Талли-Хаус предлагает посто-

янную экспозицию, включающую множество удивительных предметов материальной культуры, например сохранившиеся в целости и сохранности деревянные учебные мечи и фаллические амулеты, приносящие удачу. А витрины с “видом снизу” позволяют вам увидеть то, что находится ниже уровня улицы Лугувалиума (римского Карлайла), где открыты дооримские слои поселений и истории.

Однако основной акцент делается на интерактивности. Например, посетителям предлагается проверить свое умение обращаться с *cheiroballistra* — типом конного арбалета, который издает резкий звук, когда, внимательно прицеливаясь в уже весь продырявленный череп овцы, вы нажимаете на спусковой механизм. Участие в викторине заставляет подростков вспомнить ту информацию, которую они только что получили на временной выставке *Off the Wall (Вне вала)*. Вопросы непростые, и предполагается, что подростки будут обращаться за помощью к родителям и другим взрослым, таким образом проверяя и стимулируя свою собственную память.

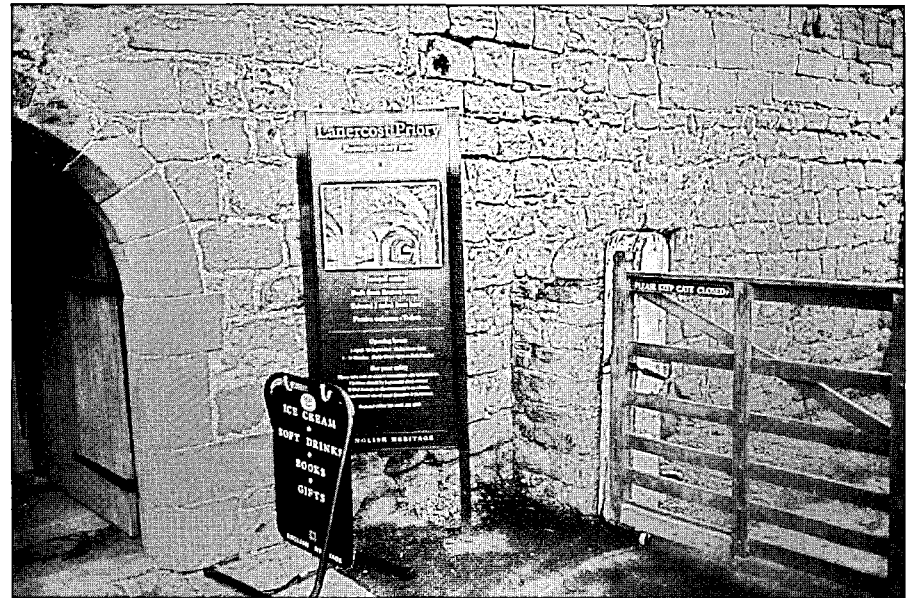
“Что случилось с девятым испанским легионом?” — вопрошает текст на одном из панно. Надпись *Leg[io]. VIII. H[ispana]* оттиснута на черепичной крыше, датируемой 108 годом нашей эры, однако к 160 году легион бесследно исчез, и даже специалисты не могут разгадать эту тайну. Здравый смысл послания, видимо, заключается в том, что “даже у специалистов” нет ответов на все вопросы.

С подобным партисипативным подходом мы встречаемся в военном музее в Карворане. Здесь посетителям просто предлагается “Вступить в римскую армию!”, а затем на практике разъясняется, какие невзгоды это влечет за собой. В теплую погоду Римский форт и музей Виндоланда предоставляет посетителям возможность непринужденно побеседовать с археологами, которые проводят раскопки на до сих пор не исследован-

ных участках. Недавно ими было обнаружено собрание римских деревянных “рукописей”, включая приглашение на день рождения, счет о расходах путешественника, просьбу о помощи в поисках “приличной гостиницы” и жалобу на то, что солдаты из числа “маленьких бриттов” (*Britunculi*) отказывались садиться на лошадей, предварительно не метнув свои копья.

Посвященные валу публикации составлены с большой выдумкой. В Центре посетителей Ванс-Бруэд можно приобрести *The Roman Record*, современный пересказ в газетном стиле римской истории с такими смешными броскими заголовками, как: “Двойное убийство: волчонок убивает близнецов, а затем основывает город” (вспоминаете Ромула и Рема?), “Рождение империи: как Цезарь захватил власть”, “Рим № 1: Вечный город или клоака роскоши?” и “Разрушение и хищничество: ваш путеводитель для знакомства с новой страной в девять этапов”. Не забудем упомянуть такие спортивные заметки, как “Последние события на арене амфитеатра: гладиаторов 4, львов 2”, и такие объявления, как “Римские правители! Устройте большой заплыв с ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ в роскошной купальне!”. Хотя *The Roman Record* ориентирован на молодое поколение, его регулярно можно видеть в руках родителей и даже бабушек и дедушек.

В большинстве случаев аудиовизуальные программы, которые стараются не выходить за пределы необходимого, расширяют палитру музеев Адрианова вала. В Центре Ванс-Бруэд посетители могут купить копию видеокассеты, которую они только что посмотрели. “Единственная проблема, — объясняет менеджер Элисон Блэр, — состоит в том, что мы не можем иметь про запас достаточное количество кассет, совместимых со стандартом США, чтобы удовлетворять спрос североамериканцев”. Я был готов к тому, чтобы увидеть диснеевские штучки в снабженных аудиопрограммами копиях храма, магазина и дома на участке

© Arthur Gillette

IV века Виндоланда, но не увидел. Фонограмма храма завораживает слушателя непрерывным воздаянием благодарения, свершением молитв, передачей просьб и произнесением других молитв, обращенных к нимфам соседнего ручья, которые извещают о своем присутствии перезвонном маленьких колокольчиков. Болтовня бакалейщика возбуждает аппетит, а в доме легионера вас захватывает увлекательный рассказ его жены о повседневных домашних делах.

Повторное использование камней из Адрианова вала в средневековом монастыре Лейнеркост (серые блоки справа).

“В самую точку!”

Познакомиться с Адриановым валом приезжают в основном сами британцы. Однако в последнее время растет количество иностранных туристов. В Центре интерпретации Ванс-Бруэд листовки отныне выпускаются на французском, итальянском, голландском и немецком языках и конечно же на английском. Гордые теперь своим заморским наследием, многочисленные итальянские посетители прибывают сюда с определенной целью — увидеть Адрианов вал. Центр Ванс-Бруэд располагается бок о бок со старейшей в Англии молодежной турбазой, где останавливаются многие туристы небританского происхождения, которые путешествуют пешком, на велосипедах или автотранспортом. Менеджер Элисон Блэр находит удачным такое соседство, которое отчасти способствовало увеличению ежегодного притока посетителей с 68 тыс. в середине 80-х годов до 78 тыс. в настоящее время. Тем не менее посетители — это “главным образом люди в возрасте 30 лет и старше”.

Менеджер Элисон Блэр
в многоязычном Центре посетителей
Ванс-Бруэд.

Однако со временем произошли изменения. Например, Элисон Блэр отмечает «возросший интерес к истории, большее количество времени, которое каждый посетитель проводит у вала, и явно наметившуюся тенденцию заглянуть в один или пару музеев».

Все чаще посетители остаются довольными своим знакомством с памятником, если верить Джиллиан Гудфеллоу, сотруднице Талли-Хаус в Карлайле. «Конечно, мы получаем отрицательные отзывы, главным образом от людей с научным складом ума, — объясняет она. — Но после частичной реконструкции в 1991 году наш музей стал более привлекательным для семей». Отзывы в книге для посетителей, часто написанные детской рукой, радуют нас своей тональностью: «блестяще», «волшебно», «колоссально и интересно», «в самую точку».

Несмотря на сильный дождь, во время путешествия я заметил несколько классов школьников, карабкающихся по различным местам укреплений и по участкам рядом с валом. Около сигнальной башни, находящейся в одном километре от форта и музея Хаусстедс, группа подростков, укрывшись под капюшонами дождевиков, пристроилась на древнем камне с открытыми тетрадками в пластиковых обложках. «А теперь скажите, для чего использовались сторожевые башни?» — спрашивает их учитель. Нетерпеливые руки тянутся со всех сторон.

Какова экономическая сторона представления и интерпретации Адрианова вала? Как и ожидалось, повсеместно организованы магазины, которые

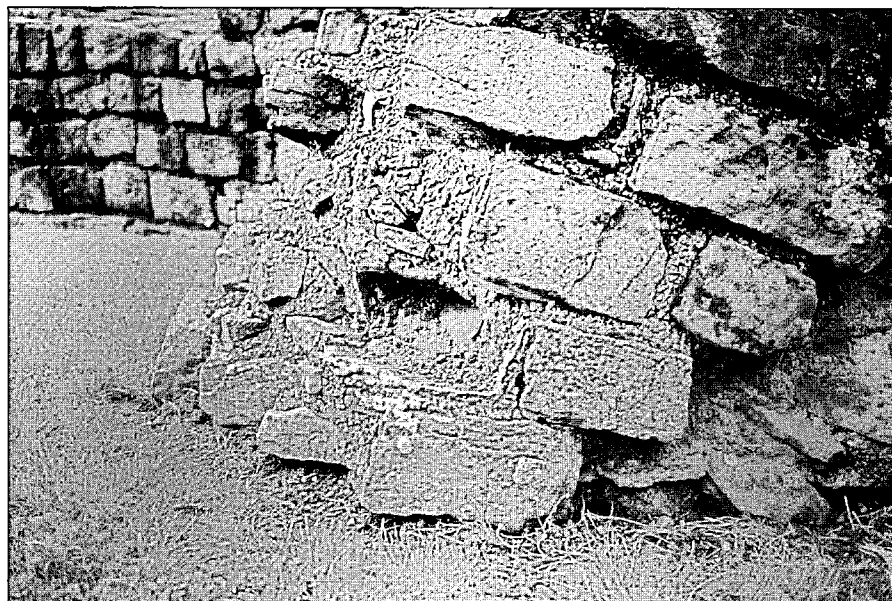
предлагают большое разнообразие товаров, включая печатную продукцию — от информативной, но глупой публикации *The Roman Record* до серьезной и увлекательной академической литературы (например, в Виндоланде, где имеется своя собственная исследовательская группа). В Центре Ванс-Бруэд продается большое разнообразие открыток, а также различных безделушек, например линеек соответствия римских и арабских цифр, магнитов для дверей холодильников в форме Адрианова вала. Один центр для посетителей берет небольшую плату за бронирование номера с завтраком. Адам Слейд, генеральный менеджер Центра посетителей Бердосуолд-Форт, считает, что его точка должна давать доход для покрытия всех расходов благодаря входной плате, кондитерской и магазину. Он добавляет: «Нет никакой стандартной схемы финансирования, принимая во внимание большое разнообразие заинтересованных организаций».

А разнообразие действительно невероятное, учитывая более 50 различных национальных, региональных и местных, правительственных, неправительственных и частных организаций — от маленьких муниципальных советов до гигантской Организации английского наследия. Все они активно и на протяжении длительного времени участвуют в представлении Адрианова вала публике. «Неужели это не приводит к недоразумениям или даже хаосу?» — спрашиваю я Адама Слейда. «Приводило. Всего 5–6 лет назад мы находились если не в состоянии яростного соперничества друг с другом, то, во всяком случае, как страусы прятали головы в песок». По мнению Адама Слейда, включение в 1987 году Адрианова вала в Список всемирного наследия ЮНЕСКО открыло возможность для некоторых форм сотрудничества. «Это заставило нас разрабатывать планы организационной деятельности, которые мы не могли подготовить исключительно собственными силами».

Ответственность перед всемирным наследием и налагаемые этим ограничения воспринимаются, как я нахожу, вполне серьезно. В Центре Ванс-Бруэд Элисон Блэр борется с установкой новой телефонной линии. “Мы не можем протянуть провода по воздуху — это испортит вид, но мы не можем проложить их и под землей из-за находящегося на пути римского земляного вала, окруженного рвом!”

Создание в 1995 году Туристической компании Адрианова вала¹, по словам Адама Слейда — а его точка зрения была поддержана руководителями других участков и музеев, — “заставило всех сконцентрироваться и сплотиться. Сохраняя независимость наших организаций, мы все-таки работаем вместе, сообща решаем любые проблемы — от разработки общей стратегии до установки указателей. Это повышает энтузиазм сотрудников и придает нашим совместным усилиям всеобъемлющий и более привлекательный характер”.

Компания, представляющая собой сеть из 12 операторов, имеет годовой бюджет в размере около 150 тыс. фунтов стерлингов (240 тыс. долларов), половину которого составляют членские взносы, а половина поступает из источников Европейского союза. Компания добилась вполне конкретных результатов. Среди них, например, такие совместно выпускаемые периодические издания, как *News from Hadrian's Wall World Heritage Site* [Новости о памятнике всемирного наследия “Адрианов вал”] и *Calendar of Events within the Hadrian's Wall World Heritage Site* [Календарь мероприятий, осуществляемых в учреждениях памятника всемирного наследия “Адрианов вал”]. Конечно, термин “мероприятия” звучит невыразительно, и если существует хороший перевод на английский язык французского слова *animation* (анимация), то оно здесь как нельзя более кстати. Это подтверждают некоторые из мероприятий, включенных в план на весну и лето 1999 года: “Римский фестиваль”, проведение которого на-

© Arthur Gillette

мечено на двух соседних участках, посвящен римским рецептам, преданиям и музыке, а также дикому кельту; “Познакомьтесь с римским солдатом” (который, вероятно, пережил дикого кельта); “Шайка пиратов” — пешая экскурсия в окрестностях города Гилсленд; упомянем музейные недели “Закулисные экскурсии” в римском месте Корбридж.

На месте недавно украденного “сувенира” осталась эта зияющая дыра в кладке сторожевой башни Бэнкс-Ист.

Самый перспективный проект

Туристическая компания Адрианова вала предприняла особые усилия для вовлечения местных жителей, особенно фермеров, через земли которых и вдоль тропинок для выгона овец и скота проходит вал. Фрэнк Бам, ответственный за содержание и эксплуатацию вала, отмечает: “Я вполне понимаю раздражение тех людей, личному имуществу которых может быть причинен ущерб, если, например, на их домашний скот набросится спущенная с поводка собака туриста”.

Менеджер Туристической компании Адрианова вала Джейн Брентом указывает на двоякий подход. “Во-первых, мы разрабатывает рассчитанную на десятилетия стратегию по вовлечению школ, местных властей и представителей бизнеса, включая фермеров (Национальный союз фермеров Англии и Уэльса сотрудничает с Организацией английского наследия, являющейся одним из наших членов), в подготовку плана местных мероприятий по популяризации вала. Во-вторых, мы пытаемся воспитывать в наших посетителях большую восприимчивость к проблемам фермеров, в

том числе путем распространения “правил поведения в сельской местности”.

Во время моего четырехдневного путешествия вдоль вала моя единственная встреча с фермером состоялась, когда он вышел из дома, чтобы любезно показать мне нужное направление, когда я беспечно свернул не на ту тропу. Мое появление не вызвало с его стороны никакого раздражения, но мнение Фрэнка Бама воспринимается правильно, и усилия компании по работе с местным населением можно только приветствовать.

Разнообразный состав членов компании накладывает свои ограничения. Например, попытка создать единую систему продажи билетов не имела большого успеха. С другой стороны, некоторые области управления инфраструктурой, созданной для обеспечения сохранности и представления Адрианова вала, требуют большего упорядочения. Например, членская карточка ИКОМ обеспечивала мне бесплатный вход в большинство музеев и центров, которые признаны ЮНЕСКО объектами культурного наследия, но в двух непреклонных учреждениях на нее едва взглянули и даже попытались установить из других источников, является ли она действительной.

Возможно, самым многообещающим из осуществляемых в настоящее время проектов компании является создание “Национальной тропы Адрианова вала”. На некоторых участках она уже проложена, а всю тропу планируется сдать в эксплуатацию в 2002 году. Готовые участки поддерживаются в хорошем состоянии и в основном оборудованы указателями, но во время дождя их развозит, причем до такой степени, что ничего не стоит сбиться с пути и оказаться на открытом пастбище, особенно с наступлением сумерек. Молодая австралийка вернулась вся в слезах на молодежную турбазу Ванс-Бруэд, где я остановился. Всю вторую половину дня она про-

вела в поисках форта и музея Хаустедс, находящихся всего в пяти километрах. И эти поиски были столь же бесплодны, сколь и неприятны по причине сырой погоды.

Будет ли создание национальной тропы способствовать привлечению туристов? “Вряд ли, — считает Джейн Брентом. — Относительно немногие люди пытаются пройти пешком все расстояние вдоль вала, при том что в самые посещаемые месяцы в день здесь обычно бывает менее ста человек. Кроме того, возникла странная тенденция: центральные участки посещаются все меньше, в то время как периферийные — все больше и больше”.

В летние месяцы специальная автобусная служба, связывающая различные объекты Адрианова вала с железнодорожными станциями и организованная Туристической компанией Адрианова вала, позволяет ограничить поток частного транспорта. Единственным встреченным мной человеком, которому не пришлось в голову пойти по более удобной, а потому более запруженной народом тропе, была Уинн Смоукс, бывший флорист из Калифорнии. Она в первый раз приехала в Европу и страшно хотела посетить Адрианов вал (который она помнила по учебникам своего детства) и некоторые из созданных на его участках музеев. При своей первой попытке забраться на вал по крутой тропе, где среди неровных камней текла вода и царил непролазная грязь, она была вынуждена вернуться из-за... досадной мозоли. ■

Примечание

1. Для получения более подробной информацией обращаться по адресу: Hadrian's Wall Tourism Partnership, Eastburn Park South, Hexham, Northumberland NE46 1BS, United Kingdom. Fax: 44.1434.601.267, электронная почта: hadrian@hadrians-wall.org; Web-сайт: <http://www.hadrians-wall.org>

К новому видению музея: Кунстхаус города Брегенц

Михаил Молдовеану
(Mihail Moldoveanu)

Архитектура музея и коллекции музея не всегда совместимы, и новые здания могут помешать восприятию тех произведений, смысл и достоинства которых они призваны подчеркивать. О достойном внимании исключения рассказывает Михаил Молдовеану, независимый фотограф и писатель, живущий в Париже.

Идея “музея”, какой она сформировалась на протяжении XIX века, устарела. Это учреждение, первоначально созданное по образцу кабинетов диковинок, теперь должно содержать почти все, что общество производит, чем оно восхищается или о чем хочет помнить. Сегодня музеи часто представляют собой первоклассные коммерческие предприятия. У них есть много общего с парками развлечений, наиболее известным архетипом которых является Диснейленд во Флориде. Для них характерно не только огромное количество посетителей, но и использование схожих методов управления потоками посетителей, а также наличие ресторанов и магазинов, предлагающих большой выбор изделий “домашнего изготовления”, которые теперь можно купить через Интернет.

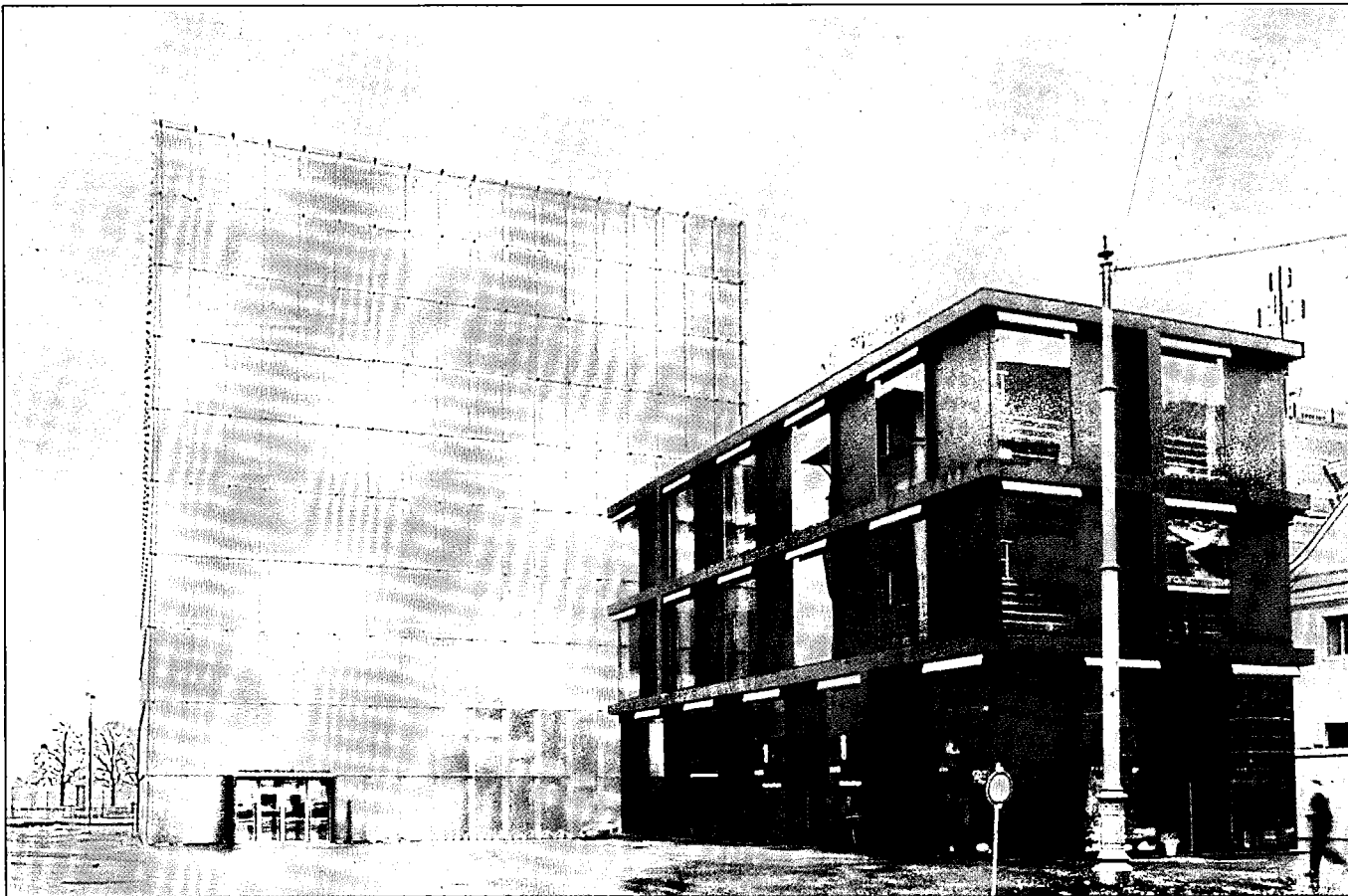
Цель, состоящую в привлечении в музеи очень большого количества посетителей, можно рассматривать и как логическое следствие процесса демократизации доступа к культуре, и как проявление политической демагогии. Тем не менее порой еще звучат заявления, что массовое образование ослабляет первичную функцию музея, заключающуюся в показе экспонатов, пополнении коллекций и содействии проведению исследовательской работы специалистами. В большинстве случаев политики считают, что это — точка зрения интеллектуальной элиты, и придают ей небольшое значение или вовсе игнорируют ее.

В Соединенных Штатах, которые переживают настоящий бум в этой области, только в период с 1997-го по 1999 год было построено или расширено более 150 музеев. Эдвард Эйбл, президент Американской ассоциации музеев, подчеркнул в недавнем интервью, что “музеи не только стали важными образовательными учреждениями... но и подарили городам новые здания, которые играют главную роль в культурной, социальной и экономической жизни их сообществ”¹.

Первоначальный признак этого возрастающего значения по отношению к другим общественным предприятиям заключается в том, что они удовлетворяют потребность в “репрезентативной архитектуре”, термин, который в данном случае обозначает узнаваемый “штамп” или здание, спроектированное совершенно особым образом. Идеальное решение состоит в том, чтобы пригласить известного архитектора для создания экстравагантного здания, поскольку музейные руководители вполне осознают притягательную силу архитектуры. Чтобы обеспечить успех предполагаемых архитектурных работ, они организуют специальные конкурсы, куда приглашаются исключительно знаменитости или, в целях экономии времени, с ними просто заключают контракт.

Примеров такого подхода можно найти множество, и не только в Соединенных Штатах. Тем не менее первый большой музей, отошедший от “исторической” модели, был построен именно в США в 50-х годах. Это был Музей Гугенхайма в Нью-Йорке. Этот новаторский архитектурный шедевр Франка Ллойда Райта отверг весь предыдущий опыт в данной области (как классический, так и модернистский). В едином пространстве очень длинный спиралеобразный пандус — галерея — поднимается все выше и выше вокруг светового колодца, образованного удивительным центральным естественным освещением.

Следующая ступень в определении нового типа музея, более приспособленного к “активным” требованиям общества, претерпевающего фундаментальные изменения, выкристаллизовалась в виде Центра Жоржа Помпиду в Париже. Он был построен Ренцо Пиано и Ричардом Роджерсом в 70-х годах. Здесь коллекции, несмотря на свою обширность, занимают только пятую часть всего здания, похожего на прозрачную коробку, которое также вмещает временные выставки, библиотеки, кинотеатры, помеще-

“Два здания являются доминантами городского пространства, которое производит удивительное впечатление”.

ния для проведения различных мероприятий и прежде всего — огромное количество посетителей.

Музейная лихорадка начала распространяться в 80-х годах. Процветающий город Франкфурт-на-Майне вынужден был создать, в дополнение к такому почтенному музею, как Штеделевский художественный институт, созвездие новых музеев, построенных Ричардом Майером, Освальдом Матиасом Унгерсом и Хансом Холлайном. В начале 80-х годов Майер, Унгерс и Холлайн уже получили статус “всемирно известных архитекторов”.

В этот период Франция дала Лувру пользующуюся ныне мировой известностью пирамиду, которую создал Й.М. Пей, спроектировавший в ее основании и гигантский подземный гараж. Национальная галерея в Лондоне получила новое крыло, созданное архитектором Робертом Вентури. А вот Метрополитен-музей в Нью-Йорке был расширен не слишком удачным образом: новое крыло, вмещающее храм Дендера, видимо, было

предназначено скорее для проведения банкетов и приемов, чем для демонстрации произведений искусства. Еще в 80-х годах Джеймс Стерлинг построил Городскую галерею в Штутгарте, Арата Исодзакки был приглашен для создания МОКА в Лос-Анджелесе, а Й.М. Пей завершил расширение Национальной галереи в Вашингтоне.

В течение 90-х годов гонка за музеями-“штампами” набрала еще большие темпы. Гораздо чаще, чем раньше, содержимое музеев утрачивало свое почетное место в общем определении музейного учреждения, а главной достопримечательностью становилось собственно “место”. Три испанских музея являются наглядным примером этого нового порядка: Центр искусства Галисии, созданный Альваро Сиса в Сантьяго-де-Компостела, Музей современного искусства в Барселоне, спроектированный Ричардом Майером, и Музей Гуггенхайма в Бильбао работы Франка Гери.

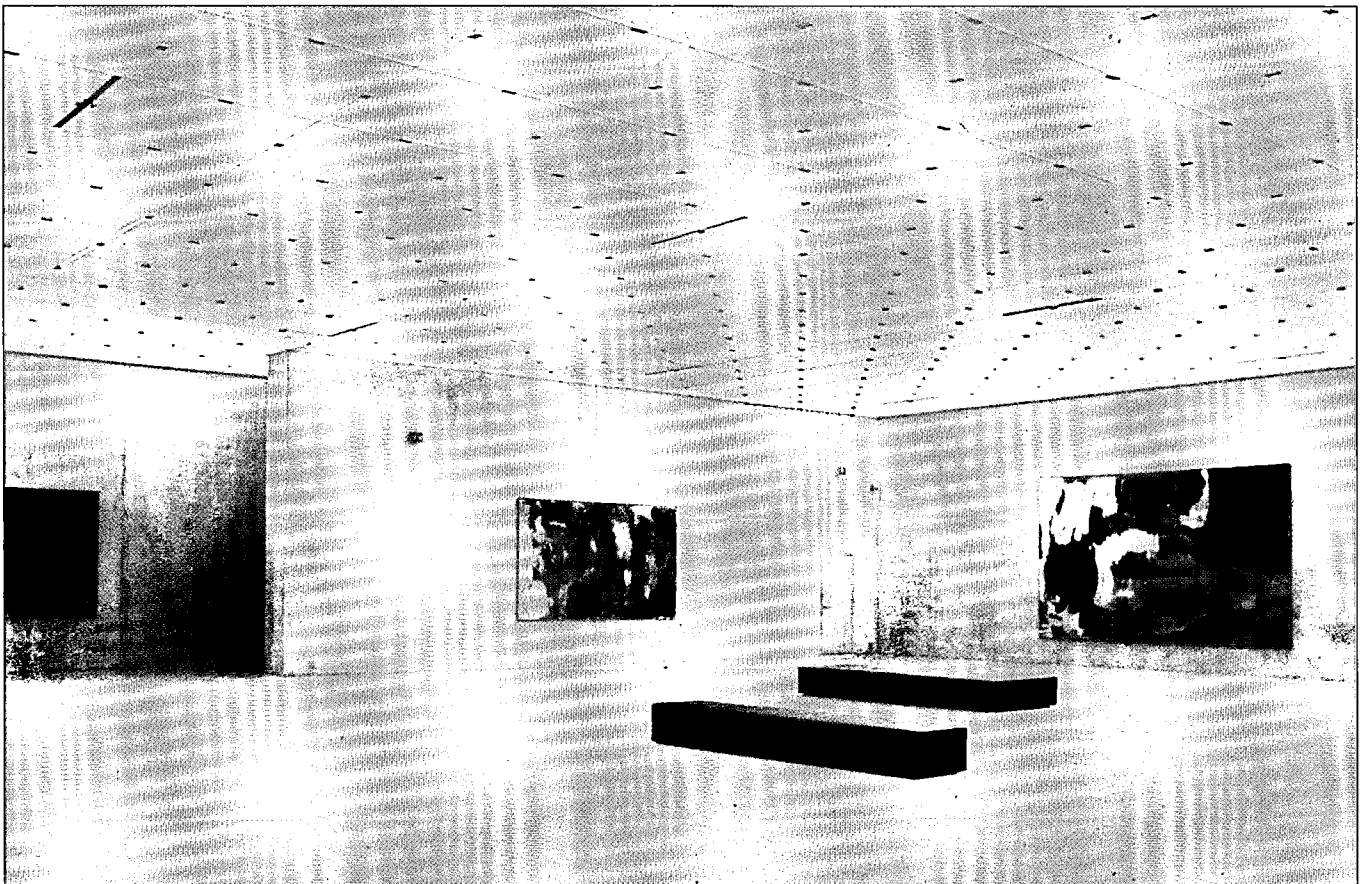
“Звезд” от архитектуры продолжают обеспечивать многочисленными за-

казами. Одни из их музеев недавно открылись, другие еще строятся. Приведем несколько самых значительных примеров: Ричард Майер создал громадный Центр Гетти в Лос-Анджелесе; Рафаэль Монео — Музей современного искусства в Стокгольме и Музей изобразительных искусств в Хьюстоне; Сантьяго Калатрава работает над завершением своего странного Милуокского художественного музея; Тадао Андо проектирует музей для Форт-Уэрта в Техасе; Даниэль Либекинд завершил Еврейский музей в Берлине; Стивен Хоулл создал замечательный Музей современного искусства в Хельсинки; Марио Бота работает над Музеем современного искусства Сан-Франциско. Расширение и модернизация крупных музеев также осуществляются ускоренными темпами. Вслед за расши-

рением Музея Гуггенхайма в Нью-Йорке после двухлетней реконструкции вновь открылся Центр Помпиду. Рафаэль Монео проводит крупные работы по расширению музея Прадо в Мадриде, а Йосио Танигути будет заново проектировать и расширять Музей современного искусства в Нью-Йорке.

Что касается художественных музеев, и особенно музеев современного искусства, то существует опасность, что многие из их новых зданий своей перегруженной архитектурой могут осложнять восприятие их содержания. В некоторых случаях, например в Музее Гуггенхайма в Бильбао и Музее современного искусства во Франкфурте-на-Майне, внутренняя архитектура приспособлена к особым требованиям ряда выставленных про-

“Кунстхаус стал своеобразным местом встречи современной архитектуры и современного искусства”.
На снимке: зал на третьем этаже.

Кунстхаус Брегенца расположен на эспланаде Боденского озера.

изведений. Тем не менее определенная двусмысленность сохраняется, и это надо признать. В большинстве случаев это логический результат симбиоза между “пластическим” искусством, которое под влиянием развития собственных концепций и технологий постоянно расширяет собственные рамки, и архитектурой, которая претерпевает аналогичные художественные изменения и постоянно обновляет свой язык.

Музей Гуггенхайма в Бильбао является собой очевидный пример таких трудных взаимоотношений. Скульптор Ричард Серра, которому предложили выставить свои огромные объекты из стали, сказал недавно, что предназначенный для него зал 104, где организуются временные выставки, «всегда “поглощал” все выставившиеся в нем произведения... теперь же вы входите в пространство произведений, а не в пространство архитектора»². Но следует подчеркнуть, какой ценой это далось: огромные произведения, поддерживающие диалог с исключительно самобытной архитектурной морфологией Гири, были со-

зданы при участии одного из инженеров Гири и с помощью технологии, которая сопоставима с той, которая была использована при постройке этого изумительного здания (другими словами, невероятно сложна). Много ли найдется художников, способных потягаться с Серра в подобном мастерстве?

Сегодняшняя архитектура часто рассматривает музей как источник идеальных возможностей для экспериментирования. Такой подход не всегда ведет к созданию пространств, способствующих контакту публики с выставленными произведениями. Однако опыт, приобретенный за последние несколько лет, может быть использован для определения характерных черт нового художественного музея, способного показать высокий уровень совместимости между произведениями, в высшей степени разнообразными, и его архитектурой. Подобная архитектура гибко приспосабливается к различным требованиям своего содержимого без его подавления, поэтому она должна отражать

благородный характер этих произведений.

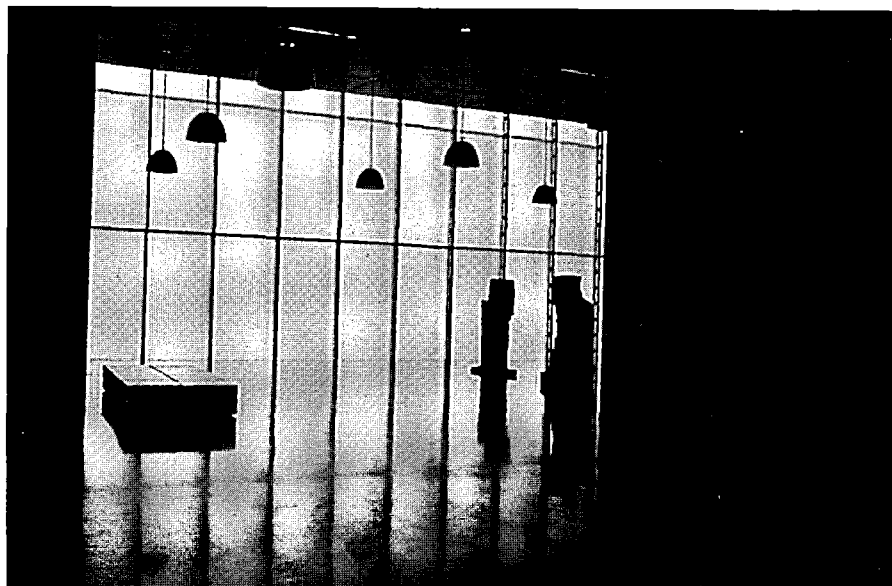
“Штамп”, а не “стиль”

Этот новый идеал нашел блестящее воплощение в Кунстхаусе в Брегенце (Австрия), на границе с Швейцарией. История этого очаровательно здания, строительство которого было закончено в 1997 году, совершенно особенная. Если сегодня должностные лица муниципалитета удивлены общим результатом работы, то только потому, что архитектору пришлось не обращать внимания на давление, которое оказывалось на него в период разработки проекта и строительства. Это здание “подписано” швейцарским архитектором Петером Цумтором, который приобрел удивительную славу, несмотря на скромный результат. Сила его зданий кроется в их логической связи и их полной адаптации к заданным функциям. В 1999 году он был награжден за Кунстхаус Брегенца престижной Премией Миса ван дер Роэ. Победитель конкурса, этот проект воплощает радикальную позицию, касающуюся его положения на эспланаде Боденского озера, его функции и внутренней конструкции. Здание отличается элегантностью и строгостью, его матовая стеклянная призма спроектирована как святилище искусства без каких-либо уступок “живописности”. Оно продолжает фронтальную линию в этом центре городского ядра, но не вступает в более тесный диалог с соседними структурами. Это здание создает собственную окружающую среду, из него не открываются живописные виды на озеро, в нем нет кафе на террасе: здесь ничто не отвлекает посетителя от цели его визита, а, напротив, все способствует более тесному общению с искусством. Бескомпромиссность этого архитектурного подхода также прослеживается в его тяготении к разделению функций: обширная прозрачная часть создана для размещения в ней только произведений искусства. Вспомогательные

службы – администрация, архив, магазин и кафе – сгруппированы вместе в отдельном здании, находящемся позади эспланады. Оно выкрашено в черный цвет, монотонность которого прерывается разбросанными по разным местам белыми пятнами. Два здания являются доминантами городского пространства, которое производит удивительное впечатление в центре города. Странное присутствие черного здания подчеркивает таинственный характер “ледяного куба”, целостность поверхности которого прерывается только скромной входной дверью и едва различимым служебным входом.

Основной объем здания оригинален во многих отношениях. К свету архитектор относится с особым почтением. Рассеянный, мягкий и всепроникающий, он удивительно однороден. Все пространство интерьера “обернуто” обширными техническими помещениями, чтобы можно было управлять, не нарушая внутреннего вида залов, не только потоком света, но и отопительной системой, различными изменениями, которых требует музейная деятельность, циркуляцией воздуха и акустикой. Все эти вспомогательные средства спрятаны

Вестибюль и экспозиционное пространство, где представлены произведения датского художника Пера Киркебю.

между внешним фасадом и углами залов, а также за потолками и под полами. Система зеркал используется для “подачи” дневного света на всю поверхность прозрачных потолков таким образом, что все этажи могут использовать преимущества таинственного вертикального света. Сложная осветительная система компенсирует изменения естественного света. Кунстхаус — “дом искусства”, если дать дословный перевод, — включает четыре этажа, наполненных дневным светом, и два подземных этажа. При ближайшем рассмотрении удивительной поверхности оказывается, что она представляет собой бесконечные ряды панелей из прозрачного стекла. Их расположение создает оптический эффект вибрирующей поверхности, но на самом деле это такие же гладкие панели, которыми отделаны потолки внутри. Этот материал, растворяющийся в дневном свете, светится по вечерам, и здание воспринимается как огромный уличный светильник.

Спартанская простота интерьера способствует концентрации внимания, так же как и ограниченный контакт с внешним миром и практическое отсутствие “случайных зрительных элементов”, на которые может на-

ткнуться взгляд. Здесь акцентируется духовный характер выставленных произведений. Такие залы могут усиливать значение как примитивистских произведений искусства, так и живописи Ренессанса или конструктивистской скульптуры. Здание в целом может вступать в диалог с современным экспериментальным искусством, что является очень редким качеством.

Кунстхаус стал своеобразным местом встречи современной архитектуры и современного искусства. Он обладает способностью усиливать воздействие произведений, которые согласуются с пространством. В некоторых особых случаях архитектура и искусство используют общие приемы, подчеркивая значимость друг друга. Тогда они объединяются, чтобы создать впечатление, которое посетитель едва ли сможет забыть. ■

Примечания

1. *International Herald Tribune*, 23 October 1999, p. 10.
2. *Connaissance des Arts*, No. 564, September 1999, p. 113.

Форум мнений

Кеннет Хадсон, духовный руководитель рубрики “Форум мнений”, скончался 28 декабря 1999 года в возрасте 83 лет.

“Неугомонный, бесконечно любознательный, настойчивый талант”, он восхищал, волнуя, потрясая, ставя в тупик, шокируя и развлекая своих бесчисленных поклонников и немногих недоброжелателей. Это была многогранная и выдающаяся во многих отношениях личность. Больше всего он запомнится нам своим настойчивым изучением всех пыльных уголков музейного мира, отказом принимать “испытанное и проверенное” как некую данность и своей безграничной способностью изыскивать информацию и превращать ее в знание.

Начиная с крупной работы 1975 года *The Directory of Museums* [Указатель музеев], написанной в сотрудничестве с Энн Николз, до его труда 1993 года *New Museums in Europe 1977–1993* [Новые музеи Европы в 1977–1993 годах] он исследовал мир музеев и рассказывал нам все о нем: *Social History of Museums* [Социальная история музеев; 1975], *Museums for the 1980s: a Survey of World Trends* [Музеи в 80-е годы: обзор мировых тенденций; 1977], *Museums of Influence* [Музеи влияния; 1987], *Museums: Treasures or Tools* [Музеи: сокровища или инструменты; 1992] — вот всего лишь несколько из его многочисленных публикаций.

В 1977 году он учредил премию “Лучший европейский музей года” с небольшой субсидией от Европейского культурного фонда. С помощью опять же Энн Николз он превратил только что родившееся детище, не очень хорошо обеспеченное материально, в престижное международное событие. Он собирал средства, чтобы обеспечить его дальнейшее существование, умело управляя многонациональной командой членов жюри и придумывая способы оценки музеев

различных типов и стран. Он искал свежие подходы и скрытые таланты и умел быстро распознавать и то и другое.

Взгляд Кеннета всегда был устремлен в будущее; в своем письме в *Международный журнал “Museum”*, датированном сентябрем 1999 года, он писал:

В настоящий момент я использую значительную часть моих старых идей и энергии для написания длинного вступления к брошюре ЭМИА 2000 года. Ее темой являются важные изменения в мире музеев, свидетелями которых мы можем стать в течение следующих двадцати лет... Четыре пункта, по-видимому, могут послужить основой для достижения приемлемого для всех согласия (среди членов Форума европейских музеев):

1. Музеи в их традиционной форме ожидают трудные в финансовом отношении времена, и некоторые из них обанкротятся или будут близки к этому.
2. Сотрудники музеев, особенно директора, будут привлекаться из других областей. Директора, помимо всего прочего, должны будут иметь успешный предыдущий опыт административной работы, причем необязательно в музейной сфере. Они будут главным образом бизнесменами.
3. Усилится борьба за поддержание творческого и осязаемого равновесия между музеем, основанным на предметах, и музеем, основанным на компьютерах.
4. В финансировании и управлении музеями неизбежно будут участвовать как частный, так и государственный сектор. Райская жизнь, когда почти все средства для финансирования музея

выделялись государством или муниципалитетом, быстро закончится. Государственных средств больше не будет. В новых условиях придется искать новое определение концепции “музейной профессии”.

Мы рады опубликовать следующую статью “Форума мнений”, одну из последних, написанных Кеннетом Хадсоном для Международного журнала “Museum”. Это квинтэссенция его позиции — острой, провокационной и подкрепленной его твердым убеждением, что музеи имеют отношение прежде всего не к предметам, а к людям.

Музеи и человеческая комедия

Каждый аспект нашей жизни — монета о двух сторонах. На одной стороне — что-то серьезное, а на другой — нечто смешное. Это говорит о том, что 50 процентов, а возможно, и больше того, что мы делаем, абсурдно и содержит скрытую долю юмора. Большую долю абсурда содержит секс, а также мода, военные традиции и организация, спорт, рестораны и политика — и это лишь несколько примеров. Но именно абсурдность придает жизни аромат и разнообразие и делает человеческую комедию богатой и притягательной. Способность одновременно осознавать и серьезное и абсурдное — это именно то, что делает великих художников и великих писателей великими.

Абсурдность музеев заключается в их серьезном отношении ко всему. Они фальсифицируют жизнь. Их задача как учреждений, на которые возложена ответственность, состоит в показе предметов в полном контексте, что неизбежно означает человеческий и социальный контекст. Табу созданы людьми, которые боятся признать абсурд. А называть музеологию наукой — это высший абсурд. Отрицать, что это главным

образом искусство, — самое опасное из табу.

Музеология — это кровосмесительная практика. Именно то, в какой степени она кровосмесительная и вводящая в заблуждение, мне пришлось понять в последние годы благодаря ряду курьезных случаев. У меня есть возможность упомянуть только о двух из них. В начале 90-х годов я использовал каждый понедельник для поездки в Лондон, чтобы обучать интересную группу американских старшеклассников, собранную со всех концов Соединенных Штатов. Они приезжали в Англию на три месяца для того, чтобы “испытать влияние экзотической культуры”. Когда одна группа уезжала домой, приезжала другая. Мне очень нравились эти двадцатилетние молодые люди. У них был свежий, неиспорченный взгляд на жизнь и невероятная самоуверенность.

Каждое утро я проводил с очередной группой в Национальной портретной галерее. Вначале мы шли в зал 18, где экспонируются английские портреты XVIII века, а затем перемещались в зал 19, где представлена живопись начала XIX века. Моя задача заключалась в том, чтобы им не хотелось уходить из зала 18, чтобы они нашли здесь для себя что-нибудь особенное и интересное. Мне хотелось, чтобы они поделились со мной своим открытием и мы могли обсудить его всей группой. У одной девушки очень быстро возник вопрос. “Профессор, — сказала она, — почему у всех мужчин и женщин на этих портретах двойные подбородки? У них действительно были двойные подбородки или так написали художники?”

Я объяснил, что в историю Англии XVIII век вошел как период, когда наживались огромные состояния, основывались династии, приобретались титулы и поместья,

строились новые прекрасные дома. Люди, относившиеся к высшим слоям общества, жили прекрасно. Двойные подбородки служили для внешнего мира знаком того, что они прекрасно питались и жили в достатке. Наша интереснейшая дискуссия была в разгаре, когда одна дама, осматривавшая галерею, подошла к нам и довольно зло сказала мне: “Сэр, я бы хотела возразить вам. Весь этот разговор о двойных подбородках и процветании не имеет ничего общего с искусством. Вы протитутуируете искусство”.

“Мадам, — ответил я, — эти вещи как раз тесно связаны с искусством. Они создают социальный и человеческий контекст искусства XVIII века. Двойные подбородки позволяют студентам прекрасно понять английскую историю и английское общество. Это одна из функций искусства”. Дама осталась при своем мнении и ушла прочь, бормоча: “Протитутуирование искусства”.

Второй случай произошел со мной совсем недавно в Дюссельдорфе, городе, где историков искусства на гектар, возможно, больше, чем во всей Европе. Я осматривал недавно построенную галерею, где использовалось сильное естественное верхнее освещение. В результате этого возникало ощущение, что люди, гуляющие или стоящие в галерее, имеют не три, а только два измерения. Ни архитектор, ни директор музея не смогли предвидеть появление этого оптического феномена. Во время моего посещения этой галереи в ней было довольно многолюдно, и я привлек внимание нескольких посетителей к тому факту, что на расстоянии все они выглядели как вырезанные картонные фигурки из детского театра. Все, кроме одного из них, согласились, что ситуация прелюбопытная и это делает их посещение данного престижного художественного музея более интересным. Исключением стала

дама, одетая с головы до ног в черную кожу, которая рассердилась на меня, как та посетительница Национальной портретной галереи. Свое негодование она выразила почти в тех же выражениях. Мое наблюдение, заявила она, не имеет ничего общего с искусством, и она возмущена тем, что я посмел оторвать ее от осмотра экспозиции и помешал ей всецело отдаться созерцанию картин.

На основании этих и других многочисленных случаев, которые вносили веселую ноту в мою жизнь, я пришел к выводу, что как сотрудники музеев, так и многие посетители — слишком серьезные типажи, люди особого сорта. Думаю, что публика в целом только проигрывает от подобного отказа находить удовольствие в человеческой комедии. Я полагаю, что это социально безответственная и пуритански абсурдная позиция. В музеи должно приходиться больше людей, которые могут получить удовольствие от его посещения. Я выступаю за музеи, которым одинаково интересна двоякая сущность человечества — его серьезность и абсурдность. И я буду только приветствовать назначение как можно большего количества хранителей с чувством юмора.

Примечание

1. John Letts, *The Independent*, 24 January 2000.

Ответы читателей Форуму мнений

В Международном журнале “Museum” № 201 Кеннет Хадсон задал вопрос: “Является ли неправильным создание отделов музейного образования?” Фелипе Ариас Вилас, директор Музео до Кастро де Виладонга в Испании, отвечает на него.

Отдел (отделение или служба) образования, популяризации и культурной работы существует в нашем музее. Его деятельность состоит в культурной популяризации содержимого музея и результатов археологических раскопок, на которых он основан, причем особое внимание уделяется работе со школьниками (организованным группам). Человек, который возглавляет этот отдел, имеет университетский диплом в области истории искусства (специалист по музейным исследованиям) и опыт преподавательской работы с группами. Его деятельность постоянно контролируется директором. Служба образования, популяризации и культурной работы существует с 1986 года (когда музей был открыт для публики), но сотрудник специально для этого отдела появился только в 1997 году. В нашем случае успехи и результаты работы отдела образования обычно определяются на основе: (а) повторных посещений музея школьными группами (из того же самого учебного заведения или с тем же самым преподавателем) или группами других категорий; (б) мероприятий, которые проводятся школьниками в музее и на раскопе; (с) нашим присутствием в различных коммуникационных и культурных средствах массовой информации (включая Интернет). Технический персонал музея имеет университетское образование, получил соответствующую подготовку и в настоящее время выполняет только обязанности, связанные с музеем и культурным наследием. Образование действительно является одной из главных целей музея. Однако она не единственная, и для музея важны все цели, которые дополняют друг друга. В любом случае образовательная цель подразумевает охват как школьников, так и всех социальных групп и слоев, направленный на повышение их образования на протяжении всей жизни.

Неизвестные страницы русского искусства

Новые каталоги

Государственный историко культурный музей-заповедник «Московский Кремль» обладает необычайно разнообразным высочайшего художественного уровня собранием мирового значения, отличающимся географической и хронологической широтой. В его состав входят шедевры иконописи, скульптуры, церковных тканей и серебра, светских ювелирных изделий, оружия и парадного костюма.

Результатом многолетних научных исследований коллекций является серия каталогов, охватывающих разные виды искусства и художественного ремесла, исторически сложившиеся художественные комплексы соборов и палат, произведения известных фирм и мастеров, изделия из различных материалов. Каждый каталог раскрывает неизвестные страницы художественной культуры России и зарубежных стран.

В 2001 году выходит из печати каталог произведений одной из самых известных русских ювелирных фирм второй половины XIX — начала XX века.

Коварская С.Я. Произведения московской ювелирной фирмы Хлебникова. — М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2001. — 120 с.: 13 цв. ил., 165 ч/б ил. — ISBN 5-88678-071-8 (в пер.).

Это первая научная публикация коллекции изделий данной фирмы, хранящихся в музее «Московский Кремль». Своеобразие каталога состоит в том, что в него, помимо предметов столового серебра, украшений, шахмат, ваз, включены монументальные произведения, выполненные фирмой для кремлевских соборов. Это оформление иконостасов в Благовещенском и Успенском соборах, надгробия патриархов и митрополитов, напольные подсвечники. На основе изучения архивных материалов восстанавливаются история деятельности фирмы и обстоятельства ее работ в соборах, дается историко-художественная оценка «хлебниковской» продукции.

В этом же году увидит свет и другой каталог, посвященный одной из наиболее интересных и любопытных областей русского ювелирного искусства — росписи яркими эмалевыми красками по белому фону разнообразных предметов из серебра.

Бобровницкая И.А. Русская расписная эмаль конца XVII — начала XVIII века. — М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2001. — 160 с.: 50 цв. ил., 185 ч/б ил. — ISBN 5-88678-00 (в пер.).

Коллекция расписных эмалей музея «Московский Кремль» — первое научное издание самого крупного собрания, в которое, помимо светских предметов,

вошли и культовые — оклады Евангелий, панатгии, архиерейский посох. Автор устанавливает основные центры производства эмалей — Сольвычегодск, Москва и Вятка, обосновывает новые атрибуции и, оценивая эстетические качества этого искусства, определяет его место в художественной культуре Руси XVII и XVIII веков.

В 2002 году знатоки искусства и собиратели старины смогут познакомиться со следующими научными каталогами коллекции музея:

Мартынова М.В. Московская эмаль XV— XVII веков;

Костина М.Д. Московское серебро первой половины XVIII века;

Соколова И.М. Русская деревянная скульптура XV— XVIII веков.

Фирма Хлебникова. Пристенный иконостас Успенского собора Московского Кремля. 1898, 1913. Деталь рамы. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

MESSE MÜNCHEN
INTERNATIONAL

4-я Международная
специализированная
выставка по музейному делу,
коллекционированию, реставрации
и выставочной технике

19 – 22 июня 2001

в М,О,С,
Мюнхен - Фрайман

MU TEC

2001

Информация:

АРС-Нова Лтд.

Раушская наб. 4/5, офис 204

113834 Москва

тел./факс (095) 742-8581

arsnova@aha.ru

www.ars-nova.ru

www.mutec.de

М,О,С,

Мюнхен - Фрайман